Проф. Т. Д. Флоринскій.

СЛАВЯНСКОЕ ПЛЕМЯ.

СТАТИСТИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННАГО СЛАВЯНСТВА.

(Съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ).

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1907.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1907 годъ.

Дорогимъ своимъ

товарищамъ, друзьямъ и ученикамъ

посвящаетъ этотъ трудъ

авторъ.

4 февраля 1907 г.

Данная работа предназначалась для предпринятаго Императорской Академіей Наукъ изданія—„Энциклопедіи славянской филологіи". Къ сожалѣнію, по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ, она не могла быть помѣщена въ этомъ изданіи и въ настоящее время выходитъ въ свѣтъ отдѣльно, но безъ всякихъ измѣненій, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была приготовлена для Энциклопедіи. Единственное отступленіе отъ первоначальнаго плана коснулось только числа этнографическихъ картъ. Въ академическомъ изданіи предполагалось приложить четыре карты: большую карту, изображающую всю территорію славянства въ цѣломъ и распредѣленіе на ней всѣхъ славянскихъ народовъ, карту разселенія славянъ въ IX в. и двѣ карты большого масштаба (40 в. въ англ. дюймѣ), представляющія подробную картину распредѣленія юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ славянскихъ народовъ. Къ данному труду приложены только первыя двѣ карты. Остальныя двѣ, требующія для своего изготовленія больше времени и значительныхъ денежныхъ средствъ, выйдутъ отдѣльно, вѣроятно не позже конца нынѣшняго года. Онѣ составятъ необходимое дополненіе къ настоящему изданію.

Въ виду отсутствія въ новѣйшей литературѣ сочиненія, которое охватывало бы все славянство съ точки зрѣнія этнографіи и статистики, я позволяю себѣ думать, что настоящій трудъ, несмотря на малый его объемъ и сжатость

изложенія, въ извѣстной степени отвѣчаетъ запросамъ науки и современной жизни.

Выпуская свою работу въ двадцать-пятую годовщину моего служенія Императорскому Университету св. Владиміра, я считаю своимъ долгомъ выразить самую искреннюю признательность дорогому для меня учрежденію, всегда оказывавшему мнѣ существенную нравственную и матеріальную поддержку во всѣхъ моихъ научныхъ трудахъ и предпріятіяхъ и принявшему на себя всѣ расходы по изданію послѣдняго моего труда. Старѣйшему моему товарищу заслуженному профессору В. С. Иконникову приношу мою глубокую благодарность за все его дружеское содѣйствіе, которымъ я всегда и неизмѣнно пользовался при изданіи какъ прежнихъ моихъ работъ, такъ и настоящей.

Т. Флоринскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

IV. Сербо-Хорваты.

V. Словинцы.

VI. Чехи.

VII. Словаки.

стр.

VIII. Сербы Лужицкіе.

IX. Поляки.

X. Кашубы.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача настоящаго труда — сообщеніе въ сжатомъ изложеніи новѣйшихъ статистико-этнографическихъ данныхъ о славянскомъ племени и о всѣхъ его разновидностяхъ. Работа распадается на двѣ части: общую, посвященную славянскому племени въ цѣломъ, и спеціальную, въ которой послѣдовательно расмотрѣны всѣ девять славянскихъ народовъ, составляющихъ вмѣстѣ единый цѣльный міръ—славянство. Объемъ и содержаніе даннаго обзора славянства опредѣляется слѣдующей схемой: территорія каждаго народа и ея предѣлы, разграниченіе съ сосѣдями, общія и частныя племенныя названія, численность, этнографическія данныя и политическое положеніе.

Наиболѣе важную и вмѣстѣ съ тѣмъ трудную часть работы составляло точное опредѣленіе границъ каждой народности и особенно разграниченіе между собой нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ. Обстоятельное, вполнѣ правильное рѣшеніе этой задачи во многихъ случаяхъ все еще невозможно вслѣдствіе недостатка спеціальныхъ этнографическихъ разысканій и хорошихъ, достаточно подробныхъ этнографическихъ картъ для большей части славянскихъ народовъ. Любопытно, что лучшія, наиболѣе точныя карты имѣются для меньшихъ народностей, напримѣръ, для словаковъ, сербовъ-лужичанъ и кашубовъ. Болѣе же крупныя разновидности нашего племени, какъ поляки, чехи, болгары и сербы еще не дождались своихъ собственныхъ спеціальныхъ этнографическихъ картъ и довольствуются общими картами, составленными большею частью иностранцами и не отличающимися ни полнотой, ни точностью, ни объективностью данныхъ. Не составляютъ исключенія въ этомъ отношеніи и русскіе. Единственная до сихъ поръ подробная карта русскаго народа, составленная Ѳ. Риттихомъ при участіи многихъ членовъ Императорскаго Географическаго Общества, вышла въ свѣтъ болѣе 30 лѣтъ назадъ (1875 г.): она уже нѣсколько устарѣла, а главное не охватываетъ всей области русскаго народа, такъ какъ представляетъ территорію лишь Европейской Россіи. По моему мнѣнію, которое, между прочимъ, я имѣлъ случай изложить

въ одномъ изъ собраній происходившаго въ Петербургѣ въ 1903 г. Предварительнаго съѣзда русскихъ филологовъ, составленіе подробной этнографической карты славянства, вполнѣ удовлетворяющей требованіямъ и запросамъ современной науки, сдѣлается возможнымъ только послѣ предварительнаго совмѣстнаго обсужденія славянскими филологами и этнографами всѣхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ по разграниченію славянскихъ языковъ и народностей и обстоятельнаго разслѣдованія на мѣстѣ пограничныхъ славянскихъ областей спеціальными учеными комиссіями. Если я, не смотря на отсутствіе на лицо этихъ двухъ условій, оставшихся невыполненными вслѣдствіе того, что не состоялся проектированный на 1904 годъ международный съѣздъ славяновѣдовъ, все-таки рѣшился взять на себя по порученію редакціи „Энциклопедіи Славянской Филологіи" составленіе статистико-этнографическаго обзора современнаго славянства и этнографическихъ картъ славянскаго племени, то въ данномъ случаѣ я руководился какъ сознаніемъ всей неотложности этого дѣла, такъ и желаніемъ посильно содѣйствовать осуществленію давно назрѣвшаго научнаго предпріятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я питалъ надежду, что моя работа и приложенныя къ ней карты, какъ бы ни были велики ихъ недостатки, могутъ въ извѣстной степени удовлетворять своему назначенію. Быть можетъ, онѣ дадутъ новый толчокъ къ болѣе тщательному изслѣдованію отмѣченныхъ въ нихъ темныхъ и спорныхъ вопросовъ славянской этнографіи и тѣмъ облегчатъ появленіе въ близкомъ будущемъ такого цѣльнаго труда о славянствѣ, въ которомъ уже все будетъ ясно, точно и безспорно.

При обработкѣ текста Обзора и составленіи этнографическихъ картъ, кромѣ непосредственныхъ разысканій и наблюденій автора, были приняты во вниманіе всѣ сколько-нибудь цѣнные старые и новые труды и карты изъ данной научной области. Тѣ и другія отмѣчены въ библіографическихъ перечняхъ, находящихся въ концѣ каждаго отдѣла работы. При этомъ, однако, надо имѣть въ виду, что въ эти перечни внесены почти исключительно тѣ изданія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ разсматриваемымъ вопросамъ.

Изготовленіе этнографическихъ картъ потребовало не мало труда и хлопотъ. Приложено было всевозможное стараніе къ тому, чтобы онѣ соотвѣтствовали новѣйшимъ даннымъ и были исполнены съ наибольшею точностью.

Т. Флоринскій.

Кіевъ.
1 Октября 1906 г.

I.

Славянское племя въ цѣломъ.

1. Территорія славянства и ея границы.

Славяне (болѣе древнее названіе *словѣне*[1]) наряду съ индѣйцами, германцами и романцами составляютъ наиболѣе численную отрасль арійской или индоевропейской вѣтви человѣчества, той самой, которой въ старыя времена принадлежала и нынѣ принадлежитъ выдающаяся роль въ политической и культурной жизни всего міра. Подобно многимъ другимъ арійцамъ: галламъ и кельтамъ, латинамъ и грекамъ, иллирамъ и ѳракійцамъ, нѣмцамъ и литовцамъ, славяне выселились изъ средней Азіи въ Европу и первоначально занимали въ ней сравнительно небольшую область, расположенную, по мнѣнію однихъ ученыхъ, на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, а по мнѣнію другихъ, кажется, болѣе справедливому, между Карпатами и Балтійскимъ моремъ, между Вислой и среднимъ Днѣпромъ. Изъ этой общей родины постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ, славянское племя широко разсѣлилось на западъ, югъ и востокъ и, разбившись на вѣтви и народы, въ настоящее

---

[1]) Въ исторіи славяне выступаютъ прежде всего (у писателей I и II в. по Р. Хр. Плинія, Тацита и Птоломея) подъ именемъ *венедовъ* или *вендовъ* (*Venedae* Οὐενέδαι). Это названіе было имъ дано вѣроятно германцами или галлами. Нѣмцы и теперь называютъ нѣкоторые славянскіе народы (словинцевъ, сербовъ-лужичанъ) вендами. Имя *славянъ* является впервые у писателей VI ст. Іордана и Прокопія и въ спорномъ трактатѣ Кесарія Назіанскаго (Sclaveni, Sclavini, Sclavi, Σκλαβηνοί, Σκλάβοι). Вѣроятно, первоначально оно принадлежало части народа, а потомъ распространилось на все племя.

время занимаетъ обширную территорію въ Европѣ и Азіи, протяженіемъ не менѣе 400,000 квадратныхъ географическихъ миль. Пограничная черта, опредѣляющая площадь распространенія славянства, представляетъ трудно измѣримую, не всегда совпадающую съ естественными границами, очень извилистую линію, которая тянется десятки тысячъ верстъ. Въ общемъ эта площадь занимаетъ весь востокъ Европы и сѣверъ Азіи, т. е. разныя земли и области, входящія въ составъ Русскаго государства, Австро-Венгріи, Балканскихъ государствъ, Германіи и Италіи. Если принять во вниманіе не только тѣ страны, гдѣ славяне живутъ сплошь, но и тѣ, гдѣ они перемѣшаны съ другими народами и гдѣ, тѣмъ не менѣе, славянскому языку принадлежитъ господствующее значеніе, какъ языку государственному и органу высшей образованности, то крайніе предѣлы славянской территоріи можно обозначить слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ—Ледовитый океанъ и Балтійское море, на югѣ—Адріатическое море, Эгейское море, Черное море, Гиндукушъ и великая Китайская стѣна; на востокѣ—Великій океанъ; на западѣ—верхнее теченіе Лабы (Эльбы), Чешскій лѣсъ и Норическіе Альпы. За предѣлами этой огромной площади наиболѣе значительныя славянскія поселенія находятся въ Америкѣ.

2. Сосѣди славянъ и инородцы на славянской территоріи.

На длинномъ протяженіи своей территоріи славяне имѣютъ своими сосѣдями огромное количество народовъ самаго различнаго происхожденія, съ которыми имъ теперь приходится имѣть дѣло и которые оказывали и продолжаютъ оказывать болѣе или менѣе значительное вліяніе на историческія судьбы, этнографическія особенности и характеръ образованности какъ всего племени, такъ и отдѣльныхъ его представителей. Сосѣди эти: на сѣверѣ—многочисленныя финскія племена, на сѣверо-западѣ болѣе близкія славянамъ—латыши и литовцы, на западѣ—нѣмцы, на юго-западѣ—итальянцы, мадьяры, румыны, албанцы, греки и турки; на юго-востокѣ—разнообразныя кавказскія племена, иранцы, тюрки, монголы, тунгузы, маньчжуры, китайцы, японцы. Почти всѣ эти народы заходятъ своими поселеніями и на славянскую территорію, образуя на ней мѣстами большіе и малые острова[1]). Наиболѣе важными,

[1]) Болѣе подробное разграниченіе славянъ съ инородческими племенами и болѣе точное указаніе иноплеменныхъ островковъ на славянской территоріи представлено ниже въ обозрѣніи области каждаго славянскаго народа въ отдѣльности.

имѣющими существенное значеніе въ судьбѣ славянства, нужно признать три огромныхъ, почти сплошныхъ, тѣсно примыкающихъ одинъ къ другому, инородческихъ острова въ западной части славянской области —нѣмецкій, мадьярскій и румынскій. Они образовались постепенно въ историческую пору (нач. съ IX в.) и раздѣлили географически западное славянство на двѣ половины—сѣверо-западную и юго-западную. Нѣмецкая народность занимаетъ угрожающее, наступательное положеніе по отношенію къ славянству и на всей вообще его западной окраинѣ, постоянно стремясь проникнуть въ глубь его территоріи. На ряду съ нѣмцами и отчасти мадьярами опасными насельниками въ западной части славянской области являются евреи, главнѣйше въ предѣлахъ Польши, Западной Руси и Словацкой земли. Напротивъ, съ остальныхъ трехъ сторонъ славянской территоріи большая часть инородческихъ племенъ не представляетъ ничего грознаго для славянскаго племени и до послѣдняго времени не создавала препятствій къ широкому распространенію славянской (собственно русской) колонизаціи и образованности. Потому то усиливается, крѣпнетъ и растетъ славянская народность не столько на западѣ, сколько на востокѣ.

3. Составъ современнаго славянства.

Въ настоящее время славянское племя составляютъ слѣдующіе 9 народовъ: 1) *русскіе* (подраздѣляющіеся на три разновидности или народности: великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ), 2) *болгаре* (собственно болгаре и македонцы), 3) *сербо-хорваты* (или сербы и хорваты), 4) *словинцы* (краинцы, корошцы, штайерцы, резьяне), 5) *чехи* (собственно чехи и мораване), 6) *словаки*, 7) *сербы-лужичане* (верхніе и нижніе), 8 *поляки* (собственно поляки, мазуры, слезаки, горали), 9) *кашубы* (собственно кашубы и словинцы). Обыкновенно всѣ эти народы сводятъ въ три вѣтви или группы: а) *восточную* или *русскую*, которую представляетъ русскій народъ съ его разновидностями; б) *южную* или *юго-западную*, въ составъ которой входятъ болгаре, сербо-хорваты и словинцы и в) *западную* или *сѣверо-западную*, которую составляютъ чехи, словаки, сербы-лужичане, поляки и кашубы.

Эта группировка, однако, имѣетъ скорѣе практическое, обиходное значеніе, чѣмъ строго научное. Во всякомъ случаѣ она не служитъ показателемъ степени родства и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и языковъ. Въ настоящее время, стоя твердо на почвѣ лингвистическихъ данныхъ, нельзя, напримѣръ, утвер-

ждать, какъ это дѣлалось прежде, что чехи, словаки, поляки, сербы-лужичане и кашубы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вымершими полабскими и прибалтійскими славянами составляли нѣкогда одинъ *западно-славянскій* народъ, говорившій однимъ общимъ западно-славянскимъ языкомъ, изъ котораго потомъ, отчасти черезъ посредствующія ступени, образовались чешскій, словацкій, польскій, сербо-лужицкій и кашубскій языки. Равнымъ образомъ, нельзя предполагать, что болгаре, сербо-хорваты и словинцы въ свою очередь когда-то составляли единый *южно-славянскій* народъ, давшій всѣмъ имъ происхожденіе. Съ бóльшей достовѣрностью теперь мы должны допустить, что каждый изъ девяти перечисленныхъ славянскихъ народовъ самостоятельно выдѣлился изъ общаго корня вслѣдствіе начавшейся уже въ славянской прародинѣ дифференціаціи въ области звуковыхъ и формальныхъ особенностей общеславянскаго языка, при чемъ нѣкоторыя изъ однородныхъ дифференцировавшихся явленій захватывали два и болѣе изъ выдѣлявшихся языковъ. Окончательное же образованіе языковъ и народовъ славянскихъ совершилось, нужно думать, уже послѣ разселенія отдѣльныхъ вѣтвей славянства на новыхъ мѣстахъ жительства подъ вліяніемъ новыхъ своеобразныхъ условій климата и природы занятой страны, различныхъ этнографическихъ, политическихъ и культурныхъ отношеній. Въ предѣлахъ территоріи каждаго народа могла затѣмъ продолжаться дальнѣйшая дифференціація. Такимъ образомъ, указанная группировка славянскихъ народовъ въ основѣ своей не этнографическая, а главнымъ образомъ географическая и отчасти историко-культурная. Въ одну группу соединяютъ народы, наиболѣе близко сосѣдящіе между собой и имѣющіе больше сходства въ своей исторической судьбѣ, но отнюдь не представляющіе между собой преимущественной близости по языку въ сравненіи съ другими славянскими народами. Исключеніе составляетъ лишь одна восточная вѣтвь, представляющая всего одинъ народъ русскій, который несомнѣнно только въ историческую пору распался на три очень близкія между собой народности. Относительно нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ народовъ въ наукѣ идетъ споръ—слѣдуетъ ли ихъ считать за самостоятельные славянскіе народы или же лишь за разновидности другихъ болѣе крупныхъ славянскихъ особей. Такъ, многіе ученые признаютъ словаковъ лишь за разновидность чешскаго народа, а кашубовъ считаютъ разновидностью польскаго народа Македонскихъ славянъ одни относятъ къ болгарамъ, другіе къ сербамъ, третьи склонны признать за особую самостоятельную отрасль славянства. Основываясь на посильномъ тщательномъ изученіи этихъ

спорныхъ вопросовъ, я считаю словаковъ и кашубовъ за самостоятельныя разновидности славянскаго племени, хотя нисколько не оспариваю преимущественной близости первыхъ къ чехамъ, вторыхъ къ полякамъ; въ большей части македонскихъ славянъ я склоненъ, согласно съ мнѣніемъ большинства славянскихъ филологовъ и этнографовъ, видѣть разновидность болгарскаго народа. Вообще, болѣе точное опредѣленіе степени близости и взаимнаго родства славянскихъ языковъ и строго-научная классификація славянскихъ языковъ и нарѣчій—еще непорѣшенныя, труднѣйшія проблемы славянской филологіи. Въ виду этого наиболѣе правильнымъ и объективнымъ представляется распредѣленіе славянскихъ народовъ въ порядкѣ ихъ географическаго сосѣдства безъ подведенія ихъ въ какія-либо группы и отдѣлы.

Вымершее славянство. Границы славянской территоріи въ IX ст.

Современное славянство, не смотря на обширность занимаемой имъ территоріи, далеко не вполнѣ представляетъ то разнообразіе своихъ развѣтвленій и народностей, какое существовало въ отдаленныя времена, на зарѣ его исторіи. На сѣверъ, западъ и югъ отъ нынѣшнихъ его предѣловъ въ IX—X вв. и позже обитали многочисленнныя славянскія колѣна и племена, нынѣ уже совсѣмъ исчезнувшія или уцѣлѣвшія лишь въ незначительныхъ остаткахъ. Соотвѣтственно этому прежнія границы славянскаго племени, особенно въ концѣ IX в., рѣзко отличались отъ нынѣшнихъ.

По Лабѣ и Балтійскому поморью жили т. н. полабскіе и поморскіе славяне, представлявшіе нѣсколько союзовъ мелкихъ племенъ. Всю нынѣшнюю Померанію занимали *поморяне*, потомками которыхъ является маленькій народецъ кашубы (часть его называется словинцами), обитающій на западъ отъ низовьевъ Вислы, въ предѣлахъ Западной Пруссіи и Помераніи. Вся страна между Салой, Чешскимъ лѣсомъ, Одрой и ея притоками была заселена племенами сербовъ, мильчанъ, лужичанъ и другими народцами, объединенными подъ общимъ именемъ *лужицкихъ сербовъ*; остатками этихъ племенъ служитъ нынѣшній крохотный народецъ сербы-лужичане, живущій по верхнему теченію Спревы (Шпрее), въ предѣлахъ Саксонской и Прусской Лузаціи. Большая часть прежней территоріи поморянъ и лужицкихъ сербовъ сдѣлалась достояніемъ нѣмецкой народности. На западъ отъ поморянъ и на сѣверъ отъ лужицкихъ сербовъ, между Лабой, Одрой и Балтійскимъ моремъ, а также кое-гдѣ на западъ отъ нижней Лабы и на островахъ Руянѣ (Рюгенѣ), Волинѣ и Фенерѣ обитали въ средніе вѣка многочисленные славянскіе народы,

которые составляли двѣ болѣе крупныя этнографическія группы, извѣстныя подъ именемъ бодричей и лютичей. *Бодричи* или aботриты занимали край сѣверо-западный, приблизительно территорію, нынѣшняго Мекленбурга и Голштиніи; кромѣ собственныхъ бодричей или рарожанъ (отъ главнаго города Рарога), къ этой вѣтви относились: вагры, полабцы, смолинцы, глиняне, вѣтники, враповцы и древяне (или древляне за Лабой по р. Іецѣ). *Лютичи* или *велеты* (или вильцы) жили на востокъ и югъ отъ бодричей, занимая остальное пространство земли между Лабой, Одрой и Балтійскимъ моремъ до предѣловъ поморянъ, ляховъ и лужицкихъ сербовъ; къ этой вѣтви относились: рапы, волинцы, чрежпѣняне, хижане, доленцы, ратари, укране, рѣчане, стодоряне (или гаволяне), брезане, спреване, морочане, междурѣчане, моричане, грозвиняне, ситняне, дошане, лекусицы, сенчицы, плоняне. Обѣ эти вѣтви обыкновенно соединяютъ въ одну группу полабскихъ славянъ, противополагая ихъ съ одной стороны поморянамъ, съ другой стороны сербамъ-лужичанамъ. Историческая судьба всѣхъ этихъ довольно численныхъ представителей западнаго славянства крайне печальна. Ни лютичи, ни бодричи не успѣли ни образовать своего государства, ни примкнуть въ свое время къ христіанской образованности. Упорно держась своей племенной раздробленности и языческой старины, вѣчно раздираемые внутренними спорами и раздорами, ни тѣ, ни другіе не были въ состояніи совладать съ шедшимъ на нихъ натискомъ западнаго романо-германскаго міра. Упорная трагическая борьба съ германскимъ племенемъ, съ норманнами, датчанами, и нѣмцами, тянулась нѣсколько вѣковъ и закончилась полною гибелью обѣихъ славянскихъ вѣтвей. Уже въ XII в. всѣ бодричи и лютичи утратили свою политическую самостоятельность, а земли ихъ вошли въ составъ нѣмецкихъ государствъ. Вслѣдъ затѣмъ началось послѣдовательное то мирное, то насильственное истребленіе славянскаго языка и народности въ покоренныхъ областяхъ, при чемъ главнымъ средствомъ къ тому служили нѣмецкая колонизація и распространеніе нѣмецкаго языка. Онѣмеченіе совершалось очень быстро. Въ XV ст. въ главномъ оно уже было закончено, гдѣ раньше, гдѣ позднѣе, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Во второй половинѣ XV ст. уже очень рѣдко встрѣчаются славяне между Лабой и Одрой; нѣсколько дольше, до начала XVI ст. держались славянскія поселенія въ области нижней Лабы, въ юго-западной части Мекленбурга. Только за Лабой, въ Люнебургѣ, въ землѣ древянъ и глинянъ, какимъ-то чудомъ славянская рѣчь сохранялась еще въ XVIII ст.; нѣкоторые старые поселяне изъ этого края, какъ

утверждаютъ, знали по славянски еще въ первой четверти XIX ст. Въ настоящее время на территоріи прежнихъ бодричей и лютичей славянская рѣчь совсѣмъ замерла; полабскаго языка уже не существуетъ.

Равнымъ образомъ на югѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ VII—IX в. и позже славянское племя занимало своими поселеніями гораздо большее пространство, чѣмъ въ настоящее время, когда предѣлы славянской территоріи не идутъ южнѣе Македоніи. Самыя южныя области полуострова Эпиръ, Ѳессалія, Аттика, Бэотія и Пелопоннесъ были въ средніе вѣка наводнены славянскими колонистами. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только письменные историческіе источники, но и многочисленныя мѣстныя названія на территоріи древней Эллады, звучащія по-славянски, а равно присутствіе большого числа славянскихъ словъ въ языкѣ грековъ и албанцевъ, современныхъ обитателей этихъ странъ. Уже въ VIII в. по словамъ византійскаго писателя Константина Порфиророднаго (X в.), вся Эллада была ославянена. Въ 1830 г. Фальмерайеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ византійской исторіи, выставилъ смѣлое положеніе, что въ современныхъ новогрекахъ нѣтъ ни капли древне-эллинской крови, что они просто грецизованные славяне. Взглядъ этотъ былъ ограниченъ и отчасти опровергнутъ другимъ извѣстнымъ ученымъ Карломъ Гопфомъ, который, однако, призналъ безспорнымъ фактъ широкаго распространенія славянскаго племени по всей южной части Балканскаго полуострова. Исторія сохранила и названія нѣкоторыхъ изъ жившихъ здѣсь славянскихъ племенъ. Въ Ѳессаліи жили *велесичи* или *вегегостичи* (Βελεγεζῆται) у Пагазійскаго залива, въ Эпирѣ — *войничи* (Βαιουνῆται), въ Пелопоннесѣ—*милинги* (Μιλήγγοι) на вершинахъ Тайгета. *езериты* (Ἐζερῖται) или *езерцы*—на Лаконскомъ берегу, *майноты* (ок. Майны) и *цаконы* на гористомъ берегу, между Монембазіей и Навпліей. Всѣ эти и другія неизвѣстныя по именамъ славянскія племена южной части Балканскаго полуострова съ теченіемъ времени исчезли, уступивъ свое мѣсто грекамъ и албанцамъ, которые въ свою очередь восприняли въ свои народности не мало славянскихъ этническихъ элементовъ. Упоминанія о славянахъ въ Пелопоннесѣ не рѣдки еще въ XIII в. и тянутся до XV в.

Широко были заселены славянами въ первой половинѣ IX в. всѣ Дунайскія земли отъ восточныхъ Карпатовъ до предѣловъ нынѣшней области Тироля и Зальцбурга, т. е. тѣ земли, которыя нынѣ заняты указанными выше тремя большими инородческими островами (нѣмецкимъ, мадьярскимъ и румынскимъ), раздѣлившими юго-

западныхъ и сѣверо-западныхъ славянъ. Они господствовали въ предѣлахъ нынѣшней Румыніи и Трансильваніи, въ южной и западной Венгріи, въ Верхней и Нижней Австріи, въ Штиріи и сѣверной Каринтіи; въ альпійскихъ странахъ славянскія поселенія доходили на западъ до р. Инна и за Сочу. Частныя названія жившихъ въ этихъ странахъ племенъ неизвѣстны; они носятъ общее имя „словѣнъ“ и, вѣроятно, принадлежали къ тремъ разновидностямъ — русской, словацкой и словинской. Постепенное исчезновеніе ихъ началось уже въ IX в., когда послѣ основанія Карломъ Великимъ марокъ въ восточно-альпійскихъ областяхъ и позже, съ ослабленіемъ Велико-Моравскаго княжества, началась усиленная нѣмецкая колонизація на среднемъ Дунаѣ и состоялось поселеніе мадьяръ въ Тисо-Дунайской равнинѣ. Съ теченіемъ вѣковъ обладателями славянскихъ земель сдѣлались нѣмцы, мадьяры и румыны, также воспринявшіе въ себя славянскіе этническіе элементы, что особенно ярко выступаетъ въ мадьярскомъ и румынскомъ языкахъ.

Наконецъ, нужно отмѣтить, что въ эпоху широкаго распространенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ болѣе или менѣе значительныя славянскія колоніи существовали въ Малой Азіи (въ Виѳиніи, Опсикіонѣ), Сиріи, въ сѣверной Африкѣ, Испаніи, Сициліи, въ арабскихъ владѣніяхъ. Всѣ эти колоніи давно исчезли.

Такимъ образомъ, въ древнѣйшую эпоху славянской исторіи границы славянской области были иныя, чѣмъ теперь. На западѣ и югѣ онѣ шли значительно дальше въ глубь странъ, заселенныхъ теперь другими народами. Западная граница, начинаясь въ низовьяхъ Лабы, недалеко отъ Гамбурга, шла на югъ черезъ Магдебургъ, Эрфуртъ, Эгеръ, вдоль Чешскаго Лѣса къ Дунаю ниже впаденія Инна, къ верховьямъ Муры, Дравы, по р. Плавѣ къ сѣверному углу Адріатическаго моря, недалеко отъ Венеціи. Южные предѣлы славянской территоріи достигали южнаго побережья Пелопоннеса. Средне и нижне-дунайскія земли находились въ обладаніи славянъ. Зато восточная граница славянства не шла такъ далеко, какъ теперь: она достигала только Ладожскаго озера и верховьевъ Волги, Оки, Дона и Донца. Въ теченіе всей своей исторической жизни славянство должно было постоянно уступать свои земли на западѣ и отчасти на югѣ, неся при этомъ большія потери въ своемъ племенномъ составѣ. Потери эти вознаграждались и продолжаютъ вознаграждаться въ значительно большей степени широкимъ, могучимъ распространеніемъ славянства, точнѣе главнаго его представителя, русскаго народа на востокѣ. Главными претендентами на славянскія земли всегда были нѣмцы, сдѣлавшіе уже

большіе захваты на славянской территоріи и поныне продолжающіе съ большой энергіей свой знаменитый Drang nach Osten, не смотря на усилія и старанія отдельныхъ славянскихъ народовъ защищаться противъ этого грознаго иноплеменнаго движенія.

5. Численность славянскаго племени къ концу 1906 г.

По новейшимъ даннымъ и вычисленіямъ, подробныя сведенія о которыхъ приведены ниже въ соответствующихъ главахъ, численность славянскаго племени въ настоящее время представляется (въ круглыхъ цифрахъ) въ следующемъ виде:

1. Русскихъ		102,840,000
Въ томъ числе:		
Великоруссовъ	65,054,000	
Малоруссовъ	30,925,000	
Белоруссовъ	6,861,000	
2. Болгаръ		5,440,000
3. Сербо-Хорватовъ		9,135,000
4. Словинцевъ		1,475,000
5. Чеховъ		7,237,000
6. Словаковъ		2,671,000
7. Сербовъ-Лужичанъ		157,000
8. Поляковъ		19,200,000
9. Кашубовъ		366,000
Всего ок.		148,521,000

Эта цыфра всего племени, вычисленная съ большой осторожностью, скорее ниже, чемъ выше действительной, которая конечно, никогда не можетъ быть установлена точно, такъ какъ меняется не только каждый месяцъ, но каждый день. Проф. Л. Нидерле определялъ общее число славянъ къ концу 1900 г. въ 138,591,800. Принимая приблизительно коэфиціентъ прироста населенія въ 1,5% онъ пришелъ къ заключенію, что число славянъ должно ежегодно увеличиваться более чемъ на 2,000,000 ч.; следовательно за истекшія 6 летъ общій приростъ славянскаго племени долженъ составлять более 12,000,000. Въ результате по этому разсчету общая численность славянскаго племени къ концу 1906 г. должна превышать 150,000,000. Столь быстрое увеличеніе славянскаго племени совершается главнымъ образомъ за счетъ русскаго народа, самого численнаго въ славянской семье народовъ. Новейшія статистическія данныя относительно роста населенія Россіи заставляютъ предпола-

гать, что указанная выше общая цыфра русскаго народа для 1906 г., выведенная мной на основании итоговъ первой всеобщей переписи 1897 г. и дальнѣйшихъ начисленій прироста населенія, вѣроятно ниже дѣйствительной почти на два милліона душъ. Только въ предѣлахъ Россіи русскаго народа должно быть ок. 100,000,000 [1]). Сопоставленіе оффиціальныхъ валовыхъ цыфръ населенія Россіи за 1897 и 1904 г. заставляетъ предполагать, что коэффиціентъ прироста главной массы русскаго народа составляетъ не 1,5%, а почти 2%. На основаніи этого факта естественно допустить, что средній ежегодный приростъ для всего славянства долженъ быть не менѣе 1,7%. Если этотъ разсчетъ правиленъ, то ежегодный приростъ славянскаго населенія будетъ отъ 2,550,000 до 2,600,000. Слѣдовательно, черезъ 14 лѣтъ къ 1920 г. славянское племя будетъ насчитывать ок. 186,000,000, а къ 1925 г. до 200,000,000.

Любопытно сопоставить съ числомъ славянъ число нѣмцевъ. По исчисленію Лангханса, сдѣланному на основаніи данныхъ 1900 и 1901 гг. и сообщенному въ 3 изд. Alldeutscher Atlas (Gotha Justus. Perthes. 1905 г.) всѣхъ нѣмцевъ на всемъ земномъ шарѣ 89,473,000, въ томъ числѣ въ Европѣ 77,676,000 и въ частности въ Германской имперіи 52,113,000. Неизвѣстно, насколько эта цыфра должна увеличиться для настоящаго времени вслѣдствіе естественнаго прироста населенія за послѣдніе годы, но во всякомъ случаѣ она должна быть ниже цыфры даже одного русскаго народа. Изъ другихъ сосѣдей славянъ насчитывается: итальянцевъ около 30,000,000, румыновъ около 9,000,000, мадьяръ около 9,000,000, грековъ около 5,000,000, албанцевъ около 1,850,000, турокъ-османовъ ок. 12,000,000 (въ предѣлахъ Европы только около 1,000,000).

Для сравненія съ приведенной новѣйшей приблизительной цыфрой славянства могутъ имѣть извѣстное значеніе слѣдующія указанія на нѣкоторые прежніе подсчеты нашего племени, впрочемъ, рѣдко опиравшіеся на достаточно точныя статистическія свѣдѣнія о всѣхъ славянскихъ народахъ:

въ 1826 г. Шафарикъ насчитывалъ славянъ	55,270,000
въ 1842 г.	78,691,000
въ 1876 г. проф. Будиловичъ	90,329,633
въ 1885 г. Риттихъ	95,000,000
— проф. Кочубинскій	99,277,000
въ 1887 г. проф. Л. Леже	101,724,000

[1]) Ср. ниже гл. II „Русскіе“ § 4.

въ 1896 г. проф. Флоринскій 103,000,000
въ 1900 г. проф. Л. Нидерле 138,591,800
въ 1906 г. по моему исчисленію minimum 148,521,000
а болѣе вѣроятно около 150,000,000

6. Распредѣленіе славянства въ политическомъ и культурномъ отношеніи.

Не всѣ славянскіе народы изъ числа существующихъ нынѣ успѣли создать свои національныя государства. Это не удалось меньшимъ народамъ—словакамъ, словинцамъ, сербамъ-лужичанамъ и кашубамъ. Другіе, какъ чехи, поляки, хорваты нѣкогда имѣли свои государства, но уже давно утратили ихъ. Въ своихъ національныхъ государствахъ живутъ только русскіе и часть болгаръ и сербовъ. Русскій народъ создалъ огромное государство, въ которомъ сосредоточена вся главная его масса, ок. 100,000,000 ч., и которое заключаетъ въ себѣ значительную часть территоріи польскаго народа и много неславянскихъ народовъ. Только небольшая часть русскаго народа, т. н. Карпатская Русь (ок. 4,333,000), по горькой ироніи судьбы, остается въ чужомъ государствѣ, въ Австро-Венгерской монархіи. Болгарское княжество, возникшее при дѣятельной помощи русскаго народа, содержитъ въ себѣ лишь одну, правда бо́льшую, часть болгарскаго народа; другая, меньшая, часть остается подъ владычествомъ турокъ. Сербы имѣютъ два маленькихъ государства: Сербское королевство и Черногорское княжество, также заключающія въ себѣ лишь часть сербскаго народа; другая часть сербо-хорватовъ раздѣлена между Австро-Венгріей и Турціей. Всѣ прочіе славянскіе народы живутъ полностью въ чужихъ государствахъ; а именно: поляки въ Германіи, Австріи и Россіи, чехи и словинцы въ Австріи (Цислейтаніи), словаки—въ Венгріи (Транслейтаніи), сербы-лужичане—въ Пруссіи и Саксоніи, кашубы—въ Прусскомъ королевствѣ (въ Западной Пруссіи и Помераніи). Не мало славянъ обитаетъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Бразиліи. По государствамъ славяне распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ Россійской имперіи славянъ 107,496,000
въ Болгарскомъ княжествѣ 3,150,000
въ Сербскомъ королевствѣ 2,560,000
въ Черногорскомъ княжествѣ 236,000
въ Австро-Венгерской монархіи 24,975,000
а именно:

а) въ Австріи (Цислейтаніи) 17,045,000	
б) въ Венгріи (Транслейтаніи) 6,063,000	
в) въ Босніи и Герцеговинѣ 1,867,000	
въ Турціи	2,353,000
въ Германіи	4,200,000
въ Американскихъ государствахъ	3,104,000
въ Румынскомъ королевствѣ	102,000
въ Италіи	45,000
въ прочихъ государствахъ Европы и въ нѣкоторыхъ азіатскихъ государствахъ (Хива, Бухара, Персія, Китай, Японія)	300,000
Всего .	148,521,000

Такимъ образомъ, главная масса славянскаго племени сосредоточена въ Россіи, именно, ок. 72,2%; затѣмъ въ Австро-Венгріи славянъ ок. 16,8%, въ Германіи 2,8%, въ Болгаріи 2,2%, въ Америкѣ 2%, въ Сербіи 1,7%, въ Турціи 1,6%, въ Черногоріи 0,15%, во всѣхъ остальныхъ государствахъ 0,55%. Въ Австро-Венгріи славяне составляютъ 40,5% всего населенія имперіи, въ частности, въ Цислейтаніи 60,5%, въ Транслейтаніи (Венгріи) 27%.

Въ раннюю пору исторической жизни славянства, въ IX в., открывалась возможность для всего племени въ цѣломъ имѣть единую національную христіанскую церковь съ народнымъ языкомъ въ богослуженіи, на началахъ тѣсной связи съ восточной православной церковью. Славная дѣятельность незабвенныхъ просвѣтителей славянъ свв. Кирилла и Меѳодія, посвященная созиданію этой церкви, главнѣйше выполненный ими переводъ священнаго писанія на „словѣнскій“ языкъ и введеніе этого языка въ богослуженіе, обезпечивали всѣмъ славянамъ возможность религіознаго и вообще культурнаго единенія. Однако, вслѣдствіе разнообразныхъ историческихъ условій, въ которыхъ очутились отдѣльные славянскіе народы, лишь нѣкоторые изъ нихъ сохранили у себя драгоцѣнное культурное наслѣдіе великій эпохи; другіе же вынуждены были примкнуть къ западной римской церкви или къ выдѣлившемуся изъ нея протестантству, или даже измѣнили христіанству, принявъ мусульманскую вѣру. Различіе вѣроисповѣдное, на ряду съ другими сторонами несходства въ области культуры, имѣетъ немаловажное значеніе въ исторіи взаимныхъ отношеній славянскихъ народовъ. Въ настоящее время по вѣроисповѣданію славяне распредѣляются приблизительно [1]) слѣдующимъ образомъ:

[1]) Точныхъ цыфръ нѣтъ.

Православные			ок. 103,740,000
а именно:	русскіе	ок. 93,596,000	
	болгаре	ок. 5,031,000	
	сербы	ок. 5,063,000	
другіе славяне		ок. 50,000	
Русскіе ***раскольники*** и ***сектанты***, не признающіе православной церкви			ок. 3,234,000
Уніаты			ок. 4,004,000
а именно:	русскіе	ок. 4,000,000	
	болгаре и сербы	ок. 4,000	
Римско-католики			ок. 34,298,000
а именно:	поляки	ок. 18,700,000	
	чехи	ок. 7,000,000	
	словаки	ок. 2,000,000	
	сербо-хорваты	ок. 3,250,000	
	словинцы	ок. 1,440,000	
	кашубы	ок. 343,000	
	русскіе	ок. 1,500,000	
	болгаре	ок. 50,000	
	сербы-лужичане	ок. 15,000	
Протестанты			ок. 1,570,000
а именно:	словаки	ок. 671,000	
	поляки	ок. 490,000	
	чехи	ок. 222,000	
	сербы-лужичане	ок. 142,000	
	кашубы	ок. 23,000	
	словинцы	ок. 20,000	
	болгаре	ок. 2,000	
Мусульмане			ок. 1,175,000
а именно:	болгаре	ок. 355,000	
	сербы	ок. 820,000	
			Всего . 148,521,000

Итакъ, главная масса славянства—ок. 70% исповѣдуетъ православную вѣру, ок. 23% принадлежитъ къ западной римско-католической, уніаты составляютъ 2,7%, русскіе сектанты 2,3%, протестанты 1% и мусульмане 1%.

Языки славянскихъ народовъ, несмотря на все представляемое ими разнообразіе, всетаки, какъ члены одной семьи, довольно близки между собой. Во всякомъ случаѣ, ихъ взаимное различіе едва ли много больше, чѣмъ различіе между нарѣчіями нѣмецкими, или

французскими или итальянскими. Тѣмъ не менѣе славянскіе народы вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ не успѣли выработать себѣ общій литературный языкъ, какъ это удалось нѣмцамъ, французамъ и итальянцамъ, которые имѣютъ въ своихъ литературныхъ языкахъ и могущественное средство національнаго и культурнаго единенія, и надежные органы для развитія своей образованности и въ то же время сохраняютъ свои частныя нарѣчія для домашняго обихода и областныхъ литературъ. У русскихъ и нѣкоторыхъ южныхъ славянъ (болгаръ и сербовъ) въ теченіе многихъ вѣковъ былъ въ употребленіи въ значеніи такого общаго литературнаго органа т. н. церковно-славянскій языкъ, нынѣ удержавшійся только въ богослуженіи православнаго славянства. Въ настоящее время всѣ девять славянскихъ народовъ—русскіе, болгаре, сербохорваты, словинцы, чехи, словаки, сербы-лужичане, поляки и кашубы пользуются своими, выработанными каждымъ изъ нихъ отдѣльно, литературными языками. Вслѣдствіе малочисленности нѣкоторыхъ народовъ и ихъ литературы очень малы, бѣдны и по необходимости должны уступать мѣсто у себя на родинѣ литературамъ болѣе численныхъ и культурныхъ чужихъ народовъ. Многіе образованные люди среди западныхъ и южныхъ славянъ вынуждены пользоваться не только въ литературѣ, но и въ общественной жизни инородческими языками, чаще всего нѣмецкимъ, а кое-гдѣ мадьярскимъ, итальянскимъ, англійскимъ (въ Америкѣ). Сверхъ того, у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ подвергаются литературной обработкѣ ихъ частныя, областныя нарѣчія. Такъ, на территоріи русскаго народа, кромѣ общерусскаго книжнаго языка, выработаннаго трудами и усиліями всѣхъ трехъ русскихъ народностей и служащаго для всѣхъ ихъ (за исключеніемъ лишь небольшой части малоруссовъ, живущихъ въ Австро-Венгріи) органомъ государственной и общественной жизни, школы, литературы и науки, употребляется въ литературѣ также и малорусское нарѣчіе. Въ новѣйшія времена наблюдается движеніе, исходящее главнымъ образомъ изъ Галиціи, въ пользу болѣе широкаго развитія малорусской литературы и возвышенія малорусскаго языка до роли языка науки и высшей образованности. Дѣлались попытки, хотя и не очень многочисленныя, ввести въ литературу и бѣлорусское нарѣчіе. Равнымъ образомъ у сербовъ-лужичанъ, наряду съ болѣе распространеннымъ верхнелужицкимъ нарѣчіемъ употребляется въ письменности и нижнелужицкое нарѣчіе. У чеховъ появлялись и издаются книжки на моравскомъ нарѣчіи, у поляковъ на силезскомъ. Изъ всѣхъ славянскихъ литературныхъ языковъ русскій языкъ самый распростра-

ненный не только потому, что онъ служитъ органомъ образованности для 72% славянскаго племени, но также и потому, что имѣетъ значеніе языка государственнаго для 50 милліоновъ неславянскихъ народовъ, населяющихъ русское государство. Сверхъ того, по утвержденію славянскихъ ученыхъ и публицистовъ, русскій книжный языкъ въ послѣднее время служитъ предметомъ широкаго изученія почти у всѣхъ южныхъ и западныхъ славянскихъ народовъ [1]).

Какъ ни очевидны начала разнообразія и разъединенности среди славянскаго племени въ отношеніяхъ этнографическомъ, политическомъ и историко-культурномъ, они отнюдь не покрываютъ собой столь же рѣзко выступающія, прямо имъ противоположныя, начала близкаго родства, сходства и единства между всѣми разновидностями нашего племени, которыя, поэтому, съ полнымъ правомъ объединяются, не только въ теоретическихъ построеніяхъ, но и въ жизни въ одно цѣлое, давно получившее имя *славянства, міра славянскаго*. Если сравнительное славянское языкознаніе съ поразительной ясностью раскрываетъ близкое родство всѣхъ славянскихъ языковъ, то славянская этнографія устанавливаетъ близкое сходство въ бытѣ, народныхъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, правовыхъ воззрѣніяхъ, сказкахъ, пѣсняхъ, пословицахъ, плясках и другихъ племенныхъ особенностяхъ различныхъ славянскихъ народовъ. Равнымъ образомъ исторія славянства уже выяснила черты сходства въ различной судьбѣ отдѣльныхъ представителей племени, главнѣйше со стороны отношеній къ нему западнаго, романо-германскаго міра. Съ другой стороны самимъ славянскимъ народамъ, всѣмъ безъ исключенія, всегда было свойственно и теперь присуще общеславянское сознаніе, т. е. сознаніе близкаго ихъ племеннаго и духовнаго родства. Оно не только запечатлѣно въ многочисленныхъ памятникахъ старой славянской письменности и въ произведеніяхъ новыхъ славянскихъ литературъ, но и ярко выражено въ самой жизни славянскихъ народовъ, въ обстоятельствахъ участливаго отношенія однихъ славянскихъ братьевъ къ судьбѣ и тяжелому положенію другихъ. Крупнѣйшимъ явленіемъ этого рода служитъ дѣятельное участіе русскаго народа въ освобожденіи сербовъ и болгаръ отъ турецкаго ига. Однимъ изъ выраженій того-же общеславянскаго сознанія являются заботы лучшихъ представителей славянской образованности о расширеніи и укрѣпленіи культурныхъ

---

[1]) Ср. одно изъ новѣйшихъ свидѣтельствъ въ изданіи Ottův Slovník naučný. Ст. Slovane. Т. XXIII, стр. 430 а.

связей между славянскими народами и о наиболѣе успѣшномъ изученіи славянства въ цѣломъ и его частяхъ.

---

7. Литература.

а) Этнографическія карты всего славянскаго племени.

П. I. Шафарикъ. Slovanský národopis w Praze. 1842. 3-е изд. 1849. Русскій переводъ О. М. Бодянскаго «Славянское народописаніе» М. 1843.

М. Ѳ. Мирковичъ. Этнографическая карта славянскихъ народовъ. Спб. 1867; 2-е изд. Русскаго Географическаго Общества, Спб. 1875 и при немъ «Статистическія таблицы» А. С. Будиловича; 3-е изданіе, съ дополненіями А. Ѳ. Риттиха, Спб. Отдѣленія Славянскаго Благотворительнаго Общества, Спб. 1877. Масштабъ 1 : 4,200,000.

А. Ѳ. Риттихъ, Славянскій міръ. Варшава. 1885. Въ приложеніи двѣ этнографическія карты: 1) Этнографическая карта славянскаго міра и 2) Карта западныхъ и южныхъ славянъ.

Н. С. Зарянко, Карта славянскихъ народностей. Второе изданіе В. В. Комарова. Спб. 1890. Приложеніе къ «Русско-славянскому календарю» на 1890 г.

Д. Н. Вергунъ, Нѣмецкій Drang nach Osten въ цифрахъ и фактахъ. Съ картою нѣмецкихъ захватовъ на славянской землѣ. Вѣна 1905.

Mapa Slovanského Světa. V Praze. Nakladatelství F. Šimačka. 1903.

E. Debes, Neuer Handatlas. 3-te Auflage 1905. № 12. Europa. Sprachen und Völker-Karte.

Andrees, Allgemeiner Handatlas. 1891.

б) Этнографическія карты отдѣльныхъ вѣтвей славянства или отдѣльныхъ группъ славянскихъ народовъ.

Heinrich Berghaus, Physicalischer Atlas, Abth. VIII. 1845, № 10 a. 19.

Häufler, Sprachen-karte der österrichischen Monarchie Pest. 1846.

Fr. v. Czoernig, 1) Ethnographische Karte der österreichischen Monarchie, herausgegeben von d. K. K. Direction der administrativen Statistik. Wien. 1855: 2) Die Vertheilung der Völkerstämme in Oesterreich. Wien. 1856.

A. Ficker, 1) Bevölkerung der Österreichischen Monarchie in ihren wichtigsten Momenten statistisch dargestellt. Gotha. 1860; 2) Die Völkerstämme der Österreichischen Monarchie, ihre Gebiete, Gränzen und Inseln. Wien. 1869.

H. Kiepert, 1) Völker-und-Sprachen Karte von Oesterreich und den Unter-Donau-Ländern. Zweite Auflage Berlin; 2) Ethnographische Uebersichtskarte des Europäischen Orients (1876—1882). Berlin. Verlag von Reimer; 3) Völker-und-Sprachenkarte von Deutschland und den Nachbarländern, 2-te Auflage; 4) Uebersichtskarte der Verbreitung der Deutschen in Europa. Berlin. 1887.

Le-Monnier, Sprachen-Karte von Oesterreich-Ungarn, bearbeitet nach den durch die Volkszählung von 31 Dec. 1888 erhobenen Daten. Wien. 1888.

H. Nabert, Karten der Verbreitung der Deutschen in Europa. Glogau. 1891.

Paul Langhans, 1) Deutscher Kolonial-Atlas. Gotha. Justus Perthes, 1897; 2) *Justus Pertes*, Alldeutscher Atlas, bearbeitet v. P. L. 1905. Gotha; 3) Karten der Verbreitung von Deutschen und Slawen in Oesterreich. Gotha. 1899; 4) Karte der Verbreitung der Deutschen in Ungarn 1900 nach Bezirken. (Petermann's Geographische Mittheilungen 1900); 5) Karte der Verbreitung von Deutschen und Windischen in Südösterreich (Тамъ же); 6) Fremde Volksstämme in Deutschen Reich verglichen mit der Verteilung der christlichen Hauptbekenntnisse.

Böck, Sprachkarte des Preussischen Staates. Berlin. 1869.

A. Firekse, Die Preussische Bevölkerung nach ihrer Muttersprache und Abstammung. 1893. (Zeitschrift d. k. preussischen Statistischen Bureau. 1893). Съ картой.

Chr. Petztet, Die preussischen Ostmarken. Mit einer Sprachenkarte. München. 1898 (Der Kampf um das Deutschtum. H. 5). Handbuch des Deutschtums im Auslande. Berlin. 1904. Mit Beilage: Uebersichtskarte der Verbreitung der Deutschen in Mittel-Europa.

Prof. A. L. Hickmann's, Geographisch-statistischer Taschen-atlas von Oesterreich-Ungarn. 1900.

Ign. Hatschka, Ethnographische karte der Länder der Ungarischen Krone. (Pettermann's Geographische Mittheilungen 1885 Taf. 3).

Fr. Réthey, A magyar sz. korona orszaginak etnographicai térképe.

J. Homolka, A magyar allom ismertetése. 1892.

P. Balogh, A népfajok Magyororságon (съ приложеніемъ 22 картъ). Budapest 1902. Ср. Zeit 1903 № 433—434.

Г. А. Де Волланъ, Мадьяры и національная борьба въ Венгріи. Спб. 1877. Съ приложеніемъ этнографической карты Венгріи.

A. Boué, Etnographische karte des osmanischen Reiches europäischen Theiles und von Griechenland. 1847.

Lejean, Ethnographie de la Turqnie d'Europe. 1861. Русскій переводъ въ Этнографическомъ Сборникѣ Русскаго Географическаго Общества, вып. VI. Спб. 1864.

Fr. Bradaška, Die Slaven in der Türkei. Petermann's Mittheilungen. Jahrg. 1869.

A. Petermann, Die Ausdehnung der Slaven in der Türkei und den angrenzenden Gebieten. Geographische Mittheilungen 1869. Tafel 22.

G. M. Mackenzie and L. P. Irby. The Turks, the Greeks and the Slavons. London. 1867.

Bianconi, Etnographie et statistique de la Turquie d'Europe, avec carte. Paris. 1877.

Synvet, Carte etnographique de la Turquie d'Europe et dénombrement de la population grecque de l'Empire Ottoman. Paris. 1877.

Genadios, An ethnological Map of European Turkey and Greece with introductory remarks on the distribution of races in the Illyrian peninsula and statistical tables of population. London. Stanford. 1877.

Sax, Ethnographische Karte der Europäischen Türckei und ihrer Denpendenzen zu Anfang des Jahres 1877. (Mittheilungen der k. k. geographischen Geselschaft in Wien. 1878. Bd. XXI).

Jun Majciger in M. Pleteršnik, Slovanstvo. Založila in na svitlo dala Matica slovenska. V Ljubljani. Съ двумя этнографическими картами южнаго славянства.

Spruner-Menke, Historisch-geographischer Atlas.

А. А. Кочубинскій, К рта разселенія славянъ въ IX ст. Ко дню тысячелѣтней памяти св. Меѳодія. Одесса. 1885.

P. J. Šafařik, 1) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur. Ofen. 1826; 2) Slovanské starožytnosti. V Praze. 1836. 2-е изд. 1862—63. Русскій переводъ О. М. Бодянскаго. М. 1848.

Maretić, Slaveni u davnini. Zagreb, 1889.

L. Niederle, 1) Slovanské starožytnosti. Praha. I, 1902. II, 1904; 2) Kolik bylo Slovanův koncem r. 1900. V Praze, 1903 (Slovanský Přehled. 1903. R. V, 4.

В. И. Ламанскій, 1) О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи, Спб. 1859; 2) Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи (Отечественныя Записки, 1864 г.); 3) Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ (тамъ-же, 1864 г.); 4) Вступительное чтеніе (День. 1865 г. № 50, 51, 52); 5) Чтенія о славянской исторіи въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Чтеніе 1-е. Изученіе славянства и русское самосозна- (Журн. Мин. Нар. Пр. 1867 г. Январь); 6) Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра. Спб. 1871; 7) Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII ст. Введеніе. (Славянскій Сборникъ. Т. I. Спб. 1875 г.); 8) Secrets d'Etat de Venise. S. P. 1884. Preface; 9) Три міра Азійско-европейскаго материка. Спб. 1892. Славянское Обозрѣніе, 1892; 10) Статья «Славяне» въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Эфрона, т. XXX.

А. С. Будиловичъ, 1) Нѣсколько замѣчаній объ изученіи славянскаго міра (Славянскій Сборникъ, т. II, Спб. 1877; 2) Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства Спб. 1886; 3) Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Варшава, 1892.

І. І. Первольфъ, Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. I—III. Варшава 1880.

А. Θ. Гильфердингъ, Собраніе сочиненій. Т. I—V. Спб. 1873.

А. Н. Пыпинъ и *В. Д. Спасовичъ,* Исторія славянскихъ литературъ. Два тома. Спб. 1879 и 1881.

А. *Н. Пыпинъ,* 1) Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ (Вѣстникъ Европы, 1878, т. 9—12); 2) Литературный панславизмъ (тамъ-же 1879, кн. 6, 8, 9); 3) Обзоръ русскихъ изученій славянства (тамъ-же 1889, кн. 4—6); 4) Русское славяновѣдѣніе въ XIX ст. (тамъ-же 1889, кн. 7—9).

G. Krek, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte. 2-te Auflage. Graz. 1887.

Dr. Fr. Tetzner, Die Slaven in Deutschland. Braunschweig. 1902.

Э. Мука, Полабскіе славяне. Очерки. 1906. (Славянскія Извѣстія. Спб. 1906).

Die Völker Oesterreich-Ungarns. Ethnographische und Culturhistorische Schilderungen. Wien und Teschen. Die Slawen. Bd. VIII—XI. 1881—1883.

Oesterreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild. Auf Anregung und unter Mitwirkung weiland Seiner Kaiserl. Hoheit des durchlautigsten Kronprinzen Erzherzog Rudolf begonnen forgesetzt unter dem Protectorate ihrer kaiserl. und königl. Hoheit der durchlautigsten Frau Kronprinzessin -Witwe Erzherzogin Stephanie. Bd. I—XXIV. Wien, 1887—1902.

Palugyai, Historisch-geographisch-statistische Beschreibung des Ungarischen Reichs. Budapest, 1852.

P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn. Uebertragen von Prof. J. H. Schwicker. Budapest. 1877.

Brachelli, 1) Statistik der östrreichischen Monarchie. Wien, 1857; 2) Handbuch der Geographie und Statistik des Kaiserthums Oesterreich 1861—1867; 3) Statistische Skizze der Österreichischen Monarchie. Leipzig, 1872.

V. Křišek, Statistika císařství rakouského. Praha, 1872.

Schmidt, Statistik des österreichisch-ungarischen Kaiser-Staates. Wien. 1872.

Neumann, Das Deutsche Reich. Berlin, 1872.

Schwicker, 1) Das Königreich Ungarn. Wien, 1866; 2) Statistik des Königreichs Ungarn. Stuttgart. 1877.

А. Петерсонъ, Венгрія и ея жители. Переводъ съ англійскаго Д. Г. Фридберга. Спб. 1873.

M. Gehre, Die deutschen Sprachinseln in Oesterreich. Grossenheim, 1886.

Dr. H. Rauchberg, Die Bevölkerung Österreichs auf Grund der Ergebnisse der Volkszählung vom 31 December 1890. Wien. 1895.

Австро-Венгрія. Изданіе Главнаго Штаба. Спб. 1880.

Щербовъ-Нефедовичъ, Военное обозрѣніе Австро-Венгріи. Спб. 1889.

Н. Н. Обручевъ, Военно-статистическій сборникъ. Спб. 1868.

Oesterreichische Statistik, herausgegeben von d. k. k. Statistischen Central-Commission; особенно Bd. LXIII. Die Ergebnisse der Volkszählung von 31 December 1900, in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Ländern. Wien. 1902.

Dr. J. V. Twardowski, Statistische Daten über Oesterreich. Wien und Leipzig, 1902.

Dr. Alex. von Matlekovits, Das Königreich Ungarn. Volkswirthschaftlich und statistisch dargestellt I—II. B-de. Leipzig, 1900.

Ed. Leiper, Die Sprachgebiete in den Ländern der Ungarischen Krone. Wien. 1896.

J. Zemmrich, Die Völkerstämme Österreichs (Geographische Zeitschrift. 1899, s. 361.

J. Varghy, 1) Die nationalitäten Ungarns im J. 1890 (Ungarische Revue 1893); 2) Volkszählung in den Ländern d. Ungarischen krone in. J. 1900. Budapest, 1902.

J. Vargha Gyula, A magyar korona országainak 1900 évi népszasilálása. Budapest, 1902).

Д-р. М. В. Смиљанић, Етнографско груписање народа Балканского полуострва. 1905 (Годишњица Николе Чупића. У Београду 1905).

Zmago Valjavec, Slovenci v Ameriki. 1902. (Ljubljanski Zvon. 1902. Свѣдѣнія о всѣхъ славянскихъ народахъ въ Америкѣ).

El. Reclus, Nouvelle géographie universelle, la terre et les hommes; также русскій переводъ. Томы, посвященные Россіи, Германіи, Австріи и Балканскимъ государствамъ.

L. Leger, 1) Le monde Slave, 1873; 2) Etudes slaves 1875: 3) Nouvelles études slaves; 4) Le monde slave au XIX siècle, 1884; 5) La Save, le Danube et le Balkan. 1884.

René Henri, Questions d'Autriche-Hongrie et question d'Orient avec préface de M. Anatole Leroy-Beaulieu. Paris. 1904. Ouvrage accompagné de sept cartes.

André Cheradame, L'Europe et la question d'Autriche au seuil du vingtième siècle. 3-me edition. Paris. Avec 6 cartes en noir, 8 en couleurs et 4 fac-similés de documents.

Статья «Slovane» въ чешской энциклопедіи: «Ottův Slovnik Naučny».

Auerbach, Les races et les nationalités en Autriche-Hongrie. Paris, 1898.

Leon Lamouche, La Péninsule Balkanique. Esquisse historique, ethnographique, philologique et litteraire. Paris. 1899.

Jan Badeni, Między Słowianami. Kraków. 1896.

А. Вознесенскій, Западные славяне къ началу XX вѣка (Словаки, словинцы и славонцы), Богословскій Вѣстникъ. 1901.

Е. Н. Водовозовъ, Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Болгары, Сербы, Черногорцы, изд. 2-е. Спб. 1902.

Fr. Miklosich, Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. 2-te Auflage 1876—83. Wien.

М. Петровскій, Матеріалы для славянской діалектологіи (Ученыя Записки Казанскаго Университета 1864—66 г.).

В. И. Григоровичъ, Славянскія нарѣчія. Варшава 1884.

А. А. Кочубинскій, 1) Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Одесса 1877—78; 2) Изъ-за границы. Отчеты о занятіяхъ 1 авг. 1873—1 іюня 1876. Одесса 1876—77 г. (Записки Новороссійскаго Университета т. XXII); 3) Мы и они. 1879.

Даничић, Диоба словенских језика. У Биограду 1874.

V. Jagić, Einige Streitfragen. Archiv für Slavische Philologie. B-de XX, XXII, XXIII.

М. П. Веске, Славянофинскія культурныя отношенія по даннымъ языка.

Т. Д. Флоринскій, 1) Лекціи по славянскому языкознанію. I—II. Кіевъ. 1895 и 1897; 2) Критико-библіографическіе обзоры трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію—въ Кіевскихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» съ 1883 г.; 3) Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX в. Кіевъ. 1895.

Важнѣйшія періодическія изданія, содержащія свѣдѣнія, матеріалы и изслѣдованія о славянствѣ.

Archiv für Slavische Philologie. Berlin. B-e I—XXVIII.

Славянскій Сборникъ, Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Т. I—III.

Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, позже подъ заглавіемъ: *Славянскія Извѣстія*. Спб. съ 1884 г.

Славянское Обозрѣніе, Спб. 1892 г.

Славянскій Ежегодникъ, Изданіе Кіевсчаго Славянскаго Благотворителонаго Общества. Вып. I—VI. Кіевъ. 1876—1884.

Вѣстникъ Славянства. Сборникъ, издаваемый Владиміромъ Качановскимъ (съ 1888 г.).

Slovanský Sborník. Praha. 1881—1887.

Slovanský Přehled. Praha (съ 1898 г.).

Славянскій Вѣкъ, Вѣна (съ 1901 г.).

Славянски Гласъ. Софія (съ 1902 г.).

Swiat Słowiański. Kraków, съ 1905 г.

La Revue Slave politique, litteraire et artistique. Paris, съ 1906 г.

Древности. Труды Славянской Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва. Т. I, II, III.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1852—1862. Новая Серія съ 1896 года. Т. I—XI.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ Спб.

Записки Императорскаго русскаго Географическаго Общества. Спб.

Живая Старина. Спб. (съ 1890 г.).

Этнографическое Обозрѣніе. Москва (съ 1889 г.).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Спб.

Русскій Филологическій Вѣстникъ. Варшава.

Филологическія Записки. Воронежъ.

Русскій антропологическій журналъ. Москва.

Listy filologické. Praha (съ 1873 г.).

Památky archaeologické a místopisné. Praha (съ 1872 г.).

Wisła. Варшава (съ 1887 г.).

Lud. Львовъ (съ 1895 г.).

Národopisný Sborník česko-slovanský. Прага.

Národopisný Věstník česko-slovanský. U Praze (съ 1906 г.).

Věstník slovanskych starožytností (съ 1898 г.), съ 1901 г. подъ заглавіемъ: «*Věstník slovanské filologie a starožitností*. Praha.

Zbornik za narodni život i običaje Južnich Slavena. Загребъ (съ 1897 г.).

Pettermann's, Geographische Mittheilungen. Gotha.

Mittheilungen der k. k geographischen Gesellschaft in Wien.

«*Abhandlungen*» und «*Denkschuften*« der K. Akademie der Wissenschaften in Wien.

Globus, Braunschweig.

Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn. Budapest.
Zeitschrift für österreichische Volkskunde. Wien.
Ethnographia. Budapest.
Centralblatt für Anthropologie, Ethonologie und Urgeschichte. Jena.
Zeitschrift für Ethnologie. Berlin.
Zeitschrift des Vercines für Volks Kunde. Berlin.

II.

Русскiе.

1. Русская область и ея границы.

Русскіе, самая численная и самая могущественная вѣтвь славянства, занимаютъ обширныя области восточной Европы и сѣверной Азіи, на протяженіи отъ Карпатъ и Балтійскаго моря до Восточнаго океана и отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Чернаго и Каспійскаго морей и предѣловъ Китая. Вся масса русскаго народа живетъ въ своемъ, имъ созданномъ государствѣ—Россійской имперіи, за исключеніемъ небольшой части (Русь Галицкая, Буковинская и Угорская), входящей въ составъ Австро-Венгерской Монархіи. Отдѣльныя же русскія колоніи встрѣчаются почти во всѣхъ государствахъ западной и южной Европы и въ Америкѣ.

Точно обозначить границы русской области довольно трудно, такъ какъ въ предѣлахъ обширнаго русскаго государства русскій народъ сталкивается болѣе чѣмъ со ста народами, распространяясь и разселяясь на общей съ ними землѣ. Разграниченіе русскихъ поселеній отъ инородческихъ иногда даже совсѣмъ невозможно. Въ широкомъ смыслѣ слова, русская область охватываетъ всю политическую окружность Русскаго государства отъ Польши до Владивостока и Самарканда. Повсюду, во всѣхъ концахъ и областяхъ Имперіи, населенныхъ и другими наодами, не мало русскихъ поселеній, всюду слышится русская рѣчь. Понимаемая въ болѣе узкомъ смыслѣ слова русская область, т. е. область, въ которой русскій народъ живетъ сплошной массой, составляя большинство населенія (т. е. болѣе 50%), можетъ быть обозначена приблизительно такой пограничной линіей. Начинаясь у Петербурга, она идетъ на югъ вдоль

Финскаго залива къ устью Наровы и Наровой, по восточному берегу Чудскаго озера, вокругъ Псковскаго озера, на Изборскъ, Люцынъ, Дриссу на Западной Двинѣ, къ Двинску (Динабургъ), Видзинъ, выступомъ на западъ вокругъ Вильны черезъ Солечники, Жирмуны, Радунь по Порѣчью на Нѣманѣ, отсюда къ Сувалкамъ (граница съ поляками), далѣе на югъ извилинами черезъ Августово, Райгродъ, Гоніондзе, Бѣлостокъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ, Венгровъ, Межирѣчье, Луковъ, Островъ, Красноставъ, Щебрешинъ, Раковъ, Бѣлгорай. У Тарнограда пограничная линія переходитъ въ Австрію, въ Галичину къ р. Сану, вдоль этой рѣки, черезъ Улановъ, Лежайскъ, Гродзиско, Радимно, Дубецко, Заршинъ къ Саноку, на западъ черезъ Рымановъ, Дуклю, Ропу къ Пивничнѣ на венгерской границѣ; отсюда по границѣ и черезъ рядъ русскихъ островов въ столицахъ спишской, шарышской и земплинской къ Ужгороду, Мукачеву и Сигету, откуда линія направляется извилинами въ Буковину, черезъ верхній Серетъ къ Черновцамъ. На востокъ отъ Черновицъ пограничная линія переходитъ въ предѣлы Россіи, въ Бессарабію, представляющую много румынскихъ, болгарскихъ и нѣмецкихъ островов къ Хотину, на югъ по правому берегу Днѣстра, то удаляясь, то приближаясь къ нему; затѣмъ по побережью Чернаго и Азовскаго морей почти до Батума, прерываемая въ Крыму татарскими островами, на Кавказѣ островами грузинъ и другихъ горцевъ. Кавказскій перешеекъ пограничная линія русской области пересѣкаетъ приблизительно отъ Гагръ, черезъ Хумару, Кисловодскъ, Владикавказъ по Тереку до Каспійскаго моря. Далѣе пограничная линія идетъ побережьемъ Каспійскаго моря до устьевъ Волги, вверхъ по лѣвому берегу Волги до Камышина, среди степей, заселенныхъ калмыками и киргизами, отъ Камышина среди нѣмецкихъ островов, извилинами на востокъ до Уральска, узкой полосой внизъ по правому берегу Урала до впаденія въ Каспійское море и вверхъ по этой рѣкѣ на СВ къ Оренбургу, черезъ Орскъ, Петропавловскъ, Омскъ, Бійскъ, Кузнецкъ, Минусинскъ, Нижне-Удинскъ, Иркутскъ, Троицкосавскъ, вдоль Китайской стѣны, по р. Аргуни, Амуру, Уссури, къ Владивостоку, побережьемъ Восточнаго океана къ сѣверу до Охотска. Затѣмъ пограничная линія идетъ отъ Амурской области къ Якутску и по западной границѣ Якутской области къ берегамъ Сѣвернаго океана, далѣе на западъ вдоль почти ненаселеннаго побережья Сѣвернаго океана, среди инородческихъ племенъ якутовъ, тунгузовъ, остяковъ, побережьемъ Бѣлаго моря, по западному берегу Онежскаго озера, къ Ладожскому озеру и С.-Петербургу.

Главная масса русскаго народа сосредоточена въ предѣлахъ Европейской Россіи, преимущественно въ его исконныхъ областяхъ— въ Великороссіи, Малороссіи и Бѣлоруссіи. Въ сѣверно-азіатской Россіи, въ Сибири, на ея необъятныхъ пространствахъ, живетъ лишь небольшая часть русскихъ (ок. 6½ милліоновъ)[1]), которые тѣмъ не менѣе составляютъ здѣсь болѣе 87% всего населенія. На основаніи данныхъ переписи 1897 г. русскіе составляютъ большинство населенія въ слѣдующихъ губерніяхъ Европейской Россіи: владимірской (99,74%), воронежской (99,65%), костромской (99,62%), тульской 99,62%), курской (99,59%), калужской (99,58%), ярославской (99,51%), рязанской (99,44%), орловской (99,37%), харьковской (98,72%), смоленской (98,31%), московской (97,85%), новгородской (96,90%), тамбовской (95,79%), полтавской (95,65%), донской обл. (95,22%), псковской (94,93%), черниговской (94,58%), нижегородской (93,24%), тверской (92,92%), ставропольской (91,97%), вологодской (91,32%), кубанской обл. (90,57%), пермской (90,43%), екатеринославской (86,77%), могилевской (86,06%), кіевской (85,28%), архангельской (85,17%), подольской (84,24%), пензенской (83,05%), саратовской (83,02%), петербургской (82,40%), минской (80,42%), олонецкой (78,26%), вятской (77,44%), херсонской (75,37%), волынской (73,73%), оренбургской (73,10%), гродненской (71,20%), таврической (70,80%), симбирской (68,14%), витебской (66,28%), виленской (61%), черноморской (60,06%), астраханской (54,13%); въ Сибири: въ тобольской (91,58%), томской (91,40%), енисейской обл. (86,81%), амурской об. (86,33%), иркутской (73,58%), забайкальской об. (66,20%) и приморской об. (50,24%). Такимъ образомъ, русская народность представляетъ собой подавляющее большинство населенія въ 52 губерніяхъ и областяхъ Европейской и Азіатской Россіи. Но и во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ и областяхъ находятся то болѣе, то менѣе значительныя русскія поселенія; а именно: въ казансиой губ. русскіе составляютъ 38,33%, въ уфимской 38,22%, бессарабской 27,80%, въ литовскихъ губерніяхъ—сувалкской 9,12% и ковенской 7,29%, въ латышской—курляндской 5,68%, въ эстляндской 5,07%, въ лифляндской 5,36%; въ финляндскихъ губерніяхъ

---

[1]) По переписи 1897 г. въ Сибири насчитано русскихъ 4,948,000, а инородцевъ 750,000. За 9 послѣднихъ лѣтъ переселилось въ Сибирь (считая среднимъ числомъ по 150.000 въ годъ) не менѣе 1,350,000 русскихъ. Да къ этому числу надо прибавить еще естественный приростъ населенія. Такимъ образомъ, общее число рускихъ въ Сибири въ настоящее время достигаетъ, вѣроятно, 6,500,000, если не больше.

(по переписи 1900 г.)—куопіоской 0,06%, С.-Михельской 0,1%, улеаборгской 0,002%, тавастгусткой 0,001%, выборгской 0,94%, абобьернсборгской 0,03%, вазской 0,01%, нюландской 0,48%; въ польскихъ губерніяхъ: люблинской 21,08%, сѣдлецкой 16,50%, варшавской 5,44%, ломжинской 5,52%, плоцкой 3,17%, петроковской 1,57%, радомской 1,39%, кѣлецкой 1,19%, калишской 1,05%; въ кавказскихъ: терской об. 33,62%, карской об. 9,58%, бакинской г. 9,32%, тифлисской 8,16%, дагестанской об. 2,81%, елисаветпольской г. 2,04%, кутаисской г. 2,22%, эриванской 1,91%; въ Сибири: въ якутской об. 11,10%; въ средне-азіатской Россіи: въ акмолинской обл. 33,05%, уральской об. 25,12%, семипалатинской об. 10%, семирѣченской об. 9,66%, закаспійской об. 8,70%, тургайской об. 7,72%, сыръ-дарьинской об. 3,08%, самаркандской об. 1,62% и ферган. об. 0,63%. Изъ этихъ цыфръ видно, что изъ всѣхъ окраинъ русскаго государства слабѣе всего представлена русская народность въ Финляндіи (0,2%). Въ общемъ же русскій народъ въ предѣлахъ Россійской имперіи (безъ Финляндіи) составлялъ въ 1897 г., сколько можно судить по даннымъ переписи этого года, 66,79% всего населенія государства. Если же имѣть въ виду и Финляндію, то этотъ процентъ долженъ былъ понизиться до 65,7%. Въ настоящее время, вслѣдствіе общаго значительнаго увеличенія русскаго населенія за истекшія 10 лѣтъ и болѣе высокаго коэфиціента прироста населенія у русскихъ сравнительно съ тѣмъ же коэфиціентомъ у большей части инородцевъ, процентъ русскаго народа, надо полагать, значительно поднялся и, быть можетъ, уже достигаетъ 68.

Меньшая часть русской области находится за предѣлами Россіи, въ Австро-Венгерской монархіи. Здѣсь русскій народъ занимаетъ восточную часть Галичины, западную часть Буковины и сѣверо-восточный уголъ Венгерскаго королевства. Это т. н. Галицкая, Буковинская и Угорская Русь или вообще Карпатская Русь. Въ Галичинѣ русскіе населяютъ уѣзды: перемышльскій, самборскій, жолковскій, золочевскій, тернопольскій, львовскій, бережанскій, чертковскій, стрыйскій, станиславскій и коломыйскій, и части уѣздовъ: сандечскаго, ясельскаго и сяночскаго. Въ Буковинѣ, имѣющей въ своей восточной и южной части румынское населеніе, а кое-гдѣ и нѣмецкое, русскіе занимаютъ почти сплошь уѣзды (станы, староства) коцманскій и выжницкій, преобладаютъ въ уѣздахъ черновицкомъ и старожницкомъ и находятся въ меньшинствѣ въ серетскомъ и радовецкомъ уѣздахъ. Въ Венгерскомъ королевствѣ (Угріи) русскій народъ живетъ сплошною массой главнымъ образомъ въ столицахъ (комитетахъ) мормарошской, бережской и ужгородской, затѣмъ смѣ-

шанно то со словаками, то съ мадьярами въ столицахъ—шарышской, земплинской, спишской, угочской, бочко-бодрожской, статмарской и борсодской. Изъ всѣхъ трехъ частей зарубежной Руси только Угорская Русь уже съ давнихъ поръ входитъ въ составъ Венгерскаго королевства; Галичина (Галиція) присоединена къ Австріи послѣ раздѣла Польши въ 1772 г., а Буковина перешла отъ Турціи по трактату 1777 г.

2. Сосѣди русскаго народа и инородцы на территоріи русскаго народа и русскаго государства.

На обширномъ протяженіи своей племенной области и своего государства русскій народъ сталкивается съ огромнымъ числомъ родственныхъ и иноплеменныхъ народовъ, изъ которыхъ одни сосѣдятъ съ нимъ и имѣютъ свои поселенія на русской землѣ, другіе же, составляя на занимаемыхъ ими областяхъ численное большинство, входятъ въ составъ русскаго государства и подвергаются въ большей или меньшей степени политическому и культурному вліянію русскаге народа. Эти народы можно распредѣлить въ слѣдующія группы:

1) *Славянскіе народы:* поляки, словаки, болгары, чехи и сербы. Съ *поляками* русскіе сосѣдятъ на западѣ. Точное разграниченіе этихъ двухъ народностей представляетъ большія трудности, такъ какъ польскія поселенія вслѣдствіе историческихъ причинъ заходятъ далеко въ область русскаго народа: они разсѣяны во всемъ Сѣверо-западномъ и Юго-западномъ краѣ, въ восточной Галичинѣ и отчасти въ Буковинѣ[1]). То же относится къ *словакамъ*, съ которыми русскій народъ встрѣчается въ Венгріи. Русскіе образуютъ своими поселеніями рядъ большихъ и малыхъ островóвъ на словацкой землѣ въ столицахъ спишской, шарышской, земплинской и ужгородской. Вопросъ о русско-словацкой границѣ остается не вполнѣ выясненнымъ въ виду существованія переходныхъ говоровъ, сближающихъ между собой оба языка—русскій (малорусскій) и словацкій[2]). Съ *болгарами* русскіе сосѣдятъ на юго-западѣ въ Бессарабіи (въ аккерманскомъ и бендерскомъ уѣздахъ). Сверхъ того, значительныя болгарскія поселенія находятся въ таврической (бердянскомъ, ѳеодосійскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ) и херсонской (тираспольскомъ, одесскомъ и елисаветградскомъ уѣздахъ) губ.,

---

[1]) Ср. ниже гл. „Поляки“.

[2]) См. ниже главу „Словаки“.

образуя острова среди русскаго населенія. Всего болгаръ въ Россіи ок. 200,000[1]). *Сербы* въ небольшомъ числѣ (ок. 9,000) живутъ въ екатеринославской и херсонской губ. Это—выселенцы XVII—XVIII вв., въ настоящее время почти забывшіе свой языкъ. *Чешскія* поселенія образуютъ рядъ мелкихъ островковъ, разсѣянныхъ въ волынской губ. и отчасти въ Черноморской области. Чехи встрѣчаются во всѣхъ большихъ городахъ Россіи и Галиціи. Общее число чеховъ въ Россіи достигаетъ 60,000, а можетъ быть и нѣсколько больше[2]).

2) *Народы латышско-литовской вѣтви*: а) *литовцы*, живущіе главнымъ образомъ по р. Виліи и нижнему теченію Нѣмана, раздѣляемые на собственно литовцевъ (въ вост. половинѣ ковенской и западной половинѣ виленской, въ губ. сувалкской и части гродненской) и *жмудь* (въ зап. полов. ковенской губ.), около 1,800,000; б) *латыши* (ок. 1,436,000), живущіе въ Лифляндіи, Курляндіи и трехъ западныхъ уѣздахъ витебской губ,, и также кое-гдѣ въ псковской, тверской и другихъ губерніяхъ. Руская народность сосѣдитъ съ тѣми и другими на западной своей границѣ.

3) *Народы германскіе*. *Нѣмцы* въ предѣлахъ Россіи живутъ главнымъ образомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ составляютъ ок. 10% населенія, преимущественно среди дворянскаго и городского сословія, затѣмъ въ Привислинскомъ краѣ и большими колоніями въ волынской губ., южной Бессарабіи (въ аккерманскомъ уѣздѣ 14% нас.), въ губ. херсонской, таврической (бердянскій уѣздъ до 17%, мелитопольскій, перекопскій), саратовской (камышинскій у., Сарепта), самарской (новоузенскій у. до 40%, ставропольскій), на Кавказѣ. Не мало нѣмцевъ въ обѣихъ столицахъ и во всѣхъ большихъ городахъ. Въ Юго-западномъ краѣ, на югѣ—по черноморскому побережью и на среднемъ Поволжьѣ нѣмецкія колоніи представляютъ большіе острова. Всѣхъ нѣмцевъ въ Россіи ок. 2,000,000. Въ русскихъ областяхъ Австро-Венгріи также существуютъ островки нѣмецкихъ поселеній какъ въ Галичинѣ и Буковинѣ, такъ и въ Угорской Руси. Въ Буковинѣ нѣмецкій языкъ господствуетъ въ высшемъ управлъніи, въ средней и высшей школѣ.—Другая германская народность—*шведы* (около 350,000) живутъ въ Финляндіи, главнымъ образомъ по побережью Ботническаго и Финскаго заливовъ, на Аландскихъ островахъ и кое-гдѣ въ Эстляндіи.

4) *Румыны*. Они сосѣдятъ, а частью живутъ смѣшанно съ русскимъ народомъ (малоруссами) въ бессарабской губ. (бѣльцевскомъ,

---

[1]) См. ниже главу „Болгаре“.

[2]) См. ниже главу „Чехи“.

сорокскомъ, кишиневскомъ, оргѣевскомъ уу.) и въ приднѣстровскихъ уѣздахъ херсонской губ., всего ок. 1,122,000. Подобнымъ же образомъ соприкасаются русскіе съ румынами въ Буковинѣ. Точное разграниченіе здѣсь русской и румынской народностей представляетъ большія трудности.

5) *Греки.* Имъ принадлежатъ значительныя поселенія въ Новороссійскомъ краѣ, особенно въ таврической губ., затѣмъ тифлисской губ. и карской обл., а также кое-гдѣ на сѣверномъ Кавказѣ. Въ предѣлахъ русской области всѣхъ грековъ ок. 190,000.

6) *Народы иранской группы:* а) *армяне* (ок. 1,200,000) въ губ. эриванской (50%), елизаветпольской (35%), тифлисской (25%) и карской обл. (21%); сверхъ того въ Моздокѣ, Кизлярѣ, Астрахани, Нахичевани, Армовирѣ, въ Крыму и др. м.; б) *таджики*—осѣдлое населеніе Туркестана (ок. 140,000); в) *таты* (ок. 125,000) и *талашинцы* (ок. 50,000) въ бакинской губ.; г) *курды* (ок. 100,000) въ эриванской губ., карской обл. и елисаветпольской губ.; д) *кавказскіе осетины*)ок. 70,000) въ центральной части кавказскаго погорья, а также въ равнинѣ по среднему теченію Терека.

7) *Цыгане* (ок. 20,000) главнѣйше въ Бессарабіи и другихъ мѣстахъ Россіи, а также въ Карпатской Руси.

8) *Евреи.* Ихъ поселенія распространяются по всей западной части русской области—въ Сѣверо-западномъ и Юго-западномъ Краѣ, Новороссіи, Галичинѣ, Буковинѣ и сѣверо-восточной Венгріи. Въ предѣлахъ Россіи (съ Царствомъ Польскимъ) евреевъ насчитывается ок. 5,200,000, въ Галичинѣ ок. 815,000, въ Буковинѣ около 100,000, во всей Венгріи ок. 825,000.

9) *Кавказскіе народы:* а) *грузины* (ок. 400,000) въ тифлисской г., Карталоніи и Кахетіи; б) *имеретины* и *курійцы* (ок. 500,000)—въ кутаисской г.; в) *аджарцы* (ок. 60,000) въ батумскомъ окр.; г) *ингилойцы* (ок. 9,000) въ запотальскомъ окр.; д) *мингрельцы* въ кутаисской г. и *лазы* въ батумскомъ окр. (тѣхъ и другихъ ок. 220,000); е) *грузины-горцы* въ тифлисской губ., *хевсуры*, *пшавы*, *тушины* (ок. 20,000); ж) *лезгины* (ок. 600,000)—въ Дагестанѣ; з) *чеченцы* (ок. 200,000) въ терской обл., веденскомъ окр., владикавказскомъ окр. и въ тіонетскомъ и душетскомъ уѣздахъ тифлисской губ.; і) *черкесы* (кабардинцы, бжедухи и др.) и *абхазцы* (ок, 230,000) въ терской обл., въ приморской полосѣ между Чернымъ моремъ и предгорьями главнаго хребта.

10) Многочисленные *народы урало-алтайской вѣтви*, распадающіеся на двѣ главныя группы—уральскую и алтайскую.

Къ *уральской группѣ* относятся:

а) *Финны прибалтiйскiе*, населяющiе Финляндiю и Прибалтiйскiй край, а именно: *лопари* (ок. 3,500 въ сѣверной Финляндiи и кольскомъ (нынѣ александровскомъ) у. архангельской губ.); *собств. финны*, раздѣляемые на *тавистовъ*, *кореловъ-лютеранъ* (ок. 2,200,000), *веде*, *ижору*, *кореловъ-православныхъ* (ок. 200,000, имѣющихъ поселенiя также въ архангельской, тверской, новгородской, олонецкой, петербургской, калужской, ярославской), *эврёмёизетъ* (60,000), *савакотъ* (40,000) въ петербургской губ., *вепсовъ* въ олонецкой губ.; *эсты* (ок. 900,000) въ Эстляндiи, сѣверной части Лифляндiи съ островомъ Эзелемъ, въ гдовскомъ у. петербургской губ. и псковскомъ у.; *ливы* (ок. 2,000) въ Курляндiи.

б) *Приволжскiе финны*: *черемисы* (ок. 400,000) въ уржумскомъ и яронскомъ уу. вятской г., въ царево-кокшайскомъ, козмодемьянскомъ и чебоксарскомъ уу. казанской губ., а также кое-гдѣ въ уфимской, пермской, костромской и нижегородской губ.; *мордва* (ок. 1,000,000) въ нижегородской, пензенской, симбирской, саратовской и тамбовской губ. Эта народность, раздѣляющаяся по языку на двѣ части—*эрзя* и *мокша*, быстро обрусѣваетъ.

в) *Прикамскiе финны*: *вотяки* (ок. 400,000) въ глазовскомъ, сарапульскомъ и слободскомъ уу. вятской губ., а также въ осинскомъ у. пермской г., мамадышскомъ и казанскомъ казанской г., бирскомъ уфимской, бугульминскомъ самарской; *пермяки* (ок. 90,000) въ соликамскомъ и чердынскомъ уу. пермской г., по рр. Инвѣ, Обвѣ, Косѣ, также въ оханскомъ у. пермской г. и въ орловскомъ и глазовскомъ уу. вятской г.; *зыряне* (ок. 170,000) въ вологодской г. и въ мезенскомъ у. архангельской г.—Всѣ приволжскiе и прикамскiе финны православные христiане и охотно усвоиваютъ русскую образованность.

г) *Угро-финны*: *мадьяры* или *угры* (венгры) (ок. 9,200,000 по оффицiальной, весьма пристрастной и неточной статистикѣ), господствующая народность въ транслейтанской половинѣ Австро-Венгерской монархiи, сосѣдятъ съ русскимъ народомъ въ Венгрiи и образуютъ рядъ острововъ въ предѣлахъ Угорской Руси, а также встрѣчаются кое-гдѣ и въ Буковинѣ; *вогулы* (ок. 7,000) на рр. Сосьвѣ и Лозьвѣ (впадающихъ въ Тавду и Тоболъ) и на верховьяхъ Печоры; *остяки* (ок. 25,000) въ березовскомъ и тобольскомъ окр. тобольской губернiи и въ нарымскомъ краѣ томскаго округа; вогулы и остяки—православные христiане.

д) *Самоѣды* (ок. 20,000)—обитатели дальняго сѣвера Европейской Россiи и Западной Сибири (*юраки*, *енисейскiе самоѣды*, *товги*, *остяки-самоѣды*).

Къ *алтайской группѣ* относятся народы трехъ типовъ: *тюрки, монголы и тунгузы.*

Тюркскую группу составляютъ: а) *якуты* (ок. 230,000) въ бассейнѣ р. Лены на В. до Охотского моря, на З. почти до Енисея; б) *алтайцы* или *бѣлые калмыки, телеуты* и *теленгеты* (ок. 25,000)—въ Алтаѣ; в) *отатарившіеся енисейцы* и *самоѣды* верхней Оби (ок. 100,000), *кумандинцы, лебединскіе татары, черневые татары, шорцы, кузнецкіе и кулымскіе татары, кызылы, сойоты* и др.); г) *западно-сибирскіе татары* въ тобольской г. (осѣдлые) и *барабинцы* (степные)—ок. 43,000; д) *киргизъ-кайсаки* (болѣе 3,300,000), раздѣляющіеся на три орды, въ обширной степной области отъ бассейна оз. Балхаша и предгорій Тянь-Шаня до Каспійскаго моря и низовьевъ Волги; е) *кара-киргизы* (ок. 350,000) въ западномъ Тянь-Шанѣ, долинѣ Алая и на Памирѣ; ж) *узбеки* (ок. 600,000) — въ сырь-дарьинской, самаркандской, ферганской, и закаспійской областяхъ; з) *сарты* (ок. 700,000) въ сырь-дарьинской, самаркандской и ферганской обл., і) *таранчи* (ок. 50,000) въ семирѣченской обл.; и) *туркмены* (ок. 600,000) въ закаспійской, сырь-дарьинской и карской обл.; к) *адербенджанскіе татары* (ок. 1,250,000)—потомки турокъ—сельджуковъ въ елисаветпольской, бакинской, эриванской, тифлисской губ., закотальскомъ окр., южномъ Дагестанѣ; сюда же относятся *турки-османы* (70,000) и *кара-папахи* (30,000) въ карской области; л) *кара-калпаки* (ок. 90,000) въ дельтѣ Аму-Дарьи, м) *ногайцы* (ок. 100,000) главнѣйше въ ставропольской губ., отчасти также въ областяхъ уральской, кубанской, терской, дагестанской и карской; н) *кумыки* (ок. 100,000) въ дагестанской и терской обл., о) *карачаевцы* въ кубанской обл.; п) *крымскіе татары* (ок. 150,000); р) *волжскіе татары*, (ок. 1,350,000) въ губ. казанской, симбирской, самарской, вятской, уфимской, саратовской, пензенской, нижегородской, пермской, оренбургской, астраханской, тамбовской, рязанской и др.; с) *башкиры* (болѣе 1,300,000) въ уфимской и оренбургской губ., отчасти въ самарской, пермской и вятской; т) *мещеряки*, (ок 130,000) и *тептяри* (болѣе 300,000) въ уфимской, пермской, вятской, оренбургской и саратовской; у) *чуваши* (ок. 650,000) главнѣйше въ казанской и симбирской губ., отчасти въ самарской, уфимской, саратовской и оренбургской.– Всѣ народы тюркской группы исповѣдуютъ исламъ, за исключеніемъ якутовъ и нѣкоторыхъ алтайцевъ и чувашъ, принявшихъ христіанство.

Монгольскую группу составляютъ: а) *калмыки* (ок. 202,000) въ губ. астраханской и ставропольской и въ обл. уральской, семирѣченской, донской и въ бійскомъ окр. томской губ.; б) *буряты* (ок. 270,000)

въ иркутской губ. и забайкальской обл. Монголы исповѣдуютъ буддизмъ или ламаизмъ.

Тунгузскую группу составляютъ: а) *маньчжуры* (ок. 14,000) на лѣвомъ берегу Амура, буддисты или шаманисты; б) *тунгузы* (ок. 44,000), кочующіе на пространствѣ отъ Енисея и сѣверныхъ тундръ до Охотского моря и Амура; в) мелкіе народы по берегамъ Охотскаго моря и Татарскаго пролива—*орочоны* (3.500), *манягры* (ок. 1000), *гольды* (5,000), *ламуты* (2,500), *гиляки* (ок. 8,000). Всѣ эти народы отчасти христіане, отчасти шаманисты.

11. *Китайцы* (ок. 13,000) въ амурской обл.

12. *Корейцы* (ок. 17,000) въ южно-уссурійскомъ краѣ.

13. *Японцы* (ок. 5,000) во Владивостокѣ.

14. *Мелкіе народы* различнаго происхожденія: *енисейскіе остяки* (нѣсколько сотъ), *юкагиры* (ок. 1,700) къ востоку отъ якутовъ, по берегамъ Большого и Малого Анюя, Яны, Индигирки и Колымы въ верхоянскомъ и колымскомъ округахъ; *коряки* (ок. 5,000) въ приморской области; *камчадалы* (ок. 5,000) въ Камчаткѣ; *чукчи* (ок. 12,000) въ приморской и якутской обл. до р. Колымы; *айны* въ южн. ч. о. Сахалина и на Курильскихъ островахъ.

Обозрѣвая размѣщеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ по происхожденію и культурѣ народовъ на этнографической картѣ восточно-славянскаго міра, нельзя не замѣтить, что наиболѣе численныя инородческія племена сосредоточены на окраинахъ русской племенной области и Русскаго государства и что въ глубь русской земли они проникаютъ небольшими островками, не нарушающими существенно ея цѣлостности и единства. На западѣ русской области наибольшое количество островковъ образуютъ евреи, поляки, финны, нѣмцы, румыны и мадьяры, на востокѣ многочисленные народы урало-алтайской вѣтви. Болѣе крупные инородческіе острова представлены въ казанской, уфимской, вятской, пермской, нижегородской, (татары, вотяки, пермяки, черемисы) и саратовской губ. (нѣмцы). Присутствіе инородческихъ элементовъ оказывается наиболѣе тяжелымъ въ Прикарпатской Руси, гдѣ русскій народъ вслѣдствіе своей малочисленности и приниженнаго положенія въ чужомъ государствѣ лишенъ возможности обороняться противъ притязаній другихъ народностей. Такъ, въ Галичинѣ русскіе стѣснены поляками и евреями, въ Буковинѣ—нѣмцами, румынами и евреями, въ Венгріи—мадьярами и евреями. Въ предѣлахъ же Русскаго государства, основатель его, русскій народъ, конечно, имѣетъ возможность и законное право отстаивать свою народность, свою землю, свою государственность отъ всякихъ инородческихъ посягательствъ.

Впрочемъ, большая часть инородцевъ, преимущественно восточныхъ, не только не питаютъ никакихъ подобныхъ посягательствъ, а напротивъ охотно и добровольно подчиняются культурному воздѣйствію русскаго народа. Помимо историческихъ условій важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ высокое численное преобладаніе русскаго народа надъ всѣми многочисленными инородческими племенами, входящими въ составъ Россійской Имперіи. По даннымъ переписи 1897 г. отношеніе русскаго народа къ прочимъ народамъ Имперіи (за исключеніемъ Финляндіи) представляется въ такомъ видѣ:

Русскіе	составляютъ	66,79%	всего населенія
Поляки	„	6,31%	„
Болгаре	„	0,14%	„
Чехи	„	0,04%	„
Литовцы	„	0,96%	„
Жмудь	„	0,35%	„
Латыши	„	1,14%	„
Нѣмцы	„	1,42%	„
Румыны	„	0,89%	„
Греки	„	0,15%	„
Армяне	„	0,93%	„
Таты и Тадтжики	„	0,35%	„
Курды и Осетины	„	0,21%	„
Финскіе народы (9 нар.) . . .	„	2,72%	„
Турецко-татарскіе народы (23 нар.)	„	10,80%	„
Тунгузы	„	0,05%	„
Калмыки и буряты	„	0,38%	„
Кавказскіе народы (15 нар.) .	„	1,84%	„
Евреи	„	4,03%	„
Прочія народности	„	0,50%	„

Слѣдовательно, русскіе составляютъ въ имперіи $^2/_3$ всего населенія, а остальная $^1/_3$ представлена болѣе, чѣмъ ста народами (не считая многихъ меньшихъ народцевъ), принадлежащими къ самымъ разнообразнымъ расамъ и племенамъ и говорящими на рѣзко несходныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Изъ числа послѣднихъ только поляки и евреи представляютъ сравнительно болѣе численныя и въ то же время сплоченныя по языку и культурѣ племенныя группы.

Въ настоящее время съ общимъ увеличеніемъ населенія государства сравнительно съ 1897 г., въ виду особенно сильнаго при-

роста именно русскаго населенія, долженъ еще болѣе повыситься процентъ русскаго народа по отношенію къ другимъ народностямъ.

За предѣлами своей области, расположенной въ Россіи и отчасти въ Австро-Венгріи, русскіе встрѣчаются во многихъ большихъ городахъ Западной Европы и въ нѣкоторыхъ азіатскихъ государствахъ (Хива, Бухара, Персія, Китай, Японія), а также имѣютъ довольно-значительныя колоніи въ Америкѣ.

3. Разновидности русскаго народа и ихъ названія.

Русскій народъ, подобно всѣмъ прочимъ славянскимъ народамъ, не представляетъ полнаго однообразія въ этнографическомъ отношеніи. На обширномъ протяженіи занимаемыхъ имъ земель онъ распадается на разновидности, различающіяся между собой по нарѣчіямъ и говорамъ, по одеждѣ, быту и обычаямъ, по пѣснямъ и преданіямъ, наконецъ, по народному характеру. Въ этомъ отношеніи уже давно опредѣлились три крупныя русскія разновидности или народности: *великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы*, при чемъ каждая изъ нихъ представляетъ свои частныя подраздѣленія, характеризуемыя своими особенностями. Всѣ три названія частей русскаго народа книжнаго происхожденія, не ранѣе XIV — XV в. и слабо распространены въ простомъ народѣ, но прочно установились въ жизни, среди образованныхъ классовъ и въ наукѣ. Обыкновенно говорятъ о трехъ русскихъ народностяхъ — великорусской, малорусской и бѣлорусской, о великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, о великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, о великорусскихъ былинахъ и малорусскихъ думахъ и т. п. Эта терминологія для разновидностей русскаго народа принята во всѣхъ важнѣйшихъ трудахъ по русской исторіи, географіи, этнографіи и языкознанію. Подъ этими тремя названіями занесены вѣтви русскаго народа во всѣ извѣстнѣйшія научныя энциклопедіи какъ Брокгауза и Ефрона, Ерша и Грубера, Оттовъ „Slovnik naučny“ и др. Только по отношенію къ названіямъ „малоруссы“, „малорусскій“, примѣняемымъ къ южной вѣтви русскаго народа, дѣлались и дѣлаются попытки новшествъ, замѣны ихъ другими, искусственно придуманными названіями. Попытки эти исходили и исходятъ главнымъ образомъ изъ Галичины, со стороны существующихъ тамъ политическихъ и литературныхъ обществъ, пропагандирующихъ явно несостоятельную идею полной племенной, языковой, культурной и политической обособленности и самостоятельности малоруссовъ и озабоченныхъ пріисканіемъ для этой вѣтви русскаго народа

такого названія, которое не указывало бы на близкую ея связь съ прочими частями русскаго народа. Эти названія слѣдующія: *русины, руснаки, рутены, Украйна-Русь, украинцы-русины, украинцы*; прилагательныя: *русинскій, руснацкій, украинско-руській, украинскій.* Всѣ они искусственны и не удачны. Названіе *Рутены* (лат. Rutheni, нѣм. Ruthenen), введенное поляками и нѣмцами для русскаго населенія австро-венгерскихъ земель, есть собственно средневѣковое латинское названіе вообще русскихъ и не привилось для обозначенія спеціально всего малорусскаго племени. *Русины*, терминъ также первоначально примѣнявшійся лишь къ русскому населенію Австро-Венгріи и лишь позже распространенный и на малоруссовъ Россійской Имперіи (впрочемъ съ прибавкой „украинскіе русины")—есть неправильное образованіе множественнаго числа отъ единственнаго числа имени *русинъ*. Сами русскіе люди въ Прикарпатской Руси, а также въ западной части волынской губ., въ хотинскомъ уѣздѣ бессарабской губ., и въ Холмской Руси дѣйствительно называютъ себя въ единственномъ числѣ *русинъ*, но во множественномъ числѣ—*русскими*, вѣру свою—*русскою*, свой народъ и языкъ—*русскими*. Суффиксъ—*ин*, обозначающій при образованіи словъ единство, ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ не сохраняется во множественномъ числѣ; напримѣръ: болгаринъ—болгаре, татаринъ—татаре, кіевлянинъ—кіевляне, мораванинъ—мораване, србин—срби, турчин—турци и т. д. Такимъ образомъ, названіе „русины" не только искусственно, такъ какъ не существуетъ ни въ русскомъ языкѣ, ни въ одномъ изъ его нарѣчій, но и противорѣчитъ его духу и законамъ образованія славянскихъ словъ. Столь же искусственно и производное отъ него прилагательное „русинскій". *Руснаки* (*руснацкій*)—частное названіе небольшой частицы карпатскихъ русскихъ, называемыхъ обыкновенно лемками (см. ниже), не заключающее въ себѣ никакихъ основаній для примѣненія его къ цѣлой обширной вѣтви русскаго народа. *Украйна и Украинцы*—названія не этнографическія, а географическія, при томъ захватывающія лишь часть области малорусскаго народа. Собственно говоря „украинцами" являются славяне во всѣхъ пограничныхъ областяхъ. Уже въ Ипатьевской лѣтописи терминъ „Украйна" употребленъ для обозначенія пограничной русской земли. Онъ получаетъ широкое распространеніе въ частномъ обиходѣ и въ народной поэзіи со времени польскаго владычества, когда имъ обозначались *окраинныя* юго-восточныя земли Рѣчи-Посполитой. Географическій терминъ Украйны обнималъ юго-восточную часть нынѣшней губерніи по-

дольской, значительную часть кіевской, юго-западную часть черниговской, всю полтавскую и значительную часть екатеринославской и херсонской. Такимъ образомъ, въ названіи „украинцы“ отсутствуетъ *этнографическій* признакъ. Такіе термины какъ „украинскій народъ“, „украинскій языкъ“ должны быть признаны произвольными и неопредѣленными, лишенными сколько-нибудь яснаго этнографическаго содержанія. Сознавая такія ихъ свойства, новѣйшіе ревнители идеи племенной и культурнай самостоятельности южной вѣтви русскаго народа ввели новые сложные термины: „*Украйна-Русь*“, „*украинецъ-русинъ*“, „*украиньско-руській*“. Но всѣ эти названія вслѣдствіе явной ихъ искусственности и безпочвенности не привились ни въ литературѣ, ни среди малорусской интеллигенціи и въ настоящее время почти не употребляются. Вмѣсто нихъ галицкіе сепаратисты-филологи, этнографы, историки и слѣдующіе за ними наши т. н. украйнофилы опять обратились къ названіямъ „украинцы“, „украинскій“, распространяя ихъ на всю южную отрасль русскаго народа. Однако, едва-ли удастся этимъ неорганическимъ терминамъ вытѣснить получившіе широкое распространеніе въ наукѣ и жизни термины „малоруссы“, „малорусскій“. Это тѣмъ сомнительнѣе, что послѣдніе независимо отъ ихъ давности и общеизвѣстности вполнѣ соотвѣтствуютъ никѣмъ неоспариваемымъ названіямъ двухъ другихъ вѣтвей русскаго народа—великоруссовъ и бѣлоруссовъ. Нужно еще отмѣтить одно книжное названіе, вмѣсто имени малоруссовъ—„*южноруссы*“. Оно введено было главнымъ образомъ проф. Н. И. Костомаровымъ и, хотя иногда употребляется теперь, но не получило широкаго распространенія.

Среди огромной массы простого русскаго народа не извѣстны особыя названія для обозначенія трехъ его главныхъ племенныхъ разновидностей, въ чемъ нельзя не видѣть указанія на присущее всему русскому народу сознаніе національнаго единства. Простой русскій людъ въ Великороссіи, въ Малороссіи, въ Бѣлоруссіи, въ Карпатской Руси, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Средней Азіи, въ Америкѣ, всюду называетъ себя, противополагая другимъ славянамъ (напримѣръ, полякамъ, словакамъ) или инымъ неславянскимъ народамъ (напримѣръ, нѣмцамъ, мадьярамъ, евреямъ, румынамъ, финнамъ, татарамъ и др.) только *русскими*, лишь различно произнося это имя, то съ мягкимъ *с* (*руськіе*—малоруссы) то съ твердымъ (*русскій*—великоруссы и бѣлоруссы). Въ этомъ отношеніи русскій народъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ остается вѣрнымъ старинѣ, своей исторіи. Уже изъ свидѣтельствъ начальной русской лѣтописи извѣстно, что восточно-славянскія племена, изъ которыхъ сложился русскій на-

родъ со всѣми его разновидностями, какъ-то: *словѣне* (на оз. Ильменѣ), *кривичи* (на истокахъ Двины, Днѣпра и Волги), *дреговичи* (въ Бѣлоруссіи, между Припетью и Западной Двиной), *древляне* (по Припети), *поляне* (подъ Кіевомъ до Тетерева), *дулѣбы* или *бужане* (на верхнемъ Бугѣ), *тиверцы* и *угличи* (на Днѣстрѣ и Бугѣ до Дуная), *сѣверяне* (на Деснѣ, Сеймѣ и Сулѣ), *радимичи* (на Сожѣ) и *вятичи* (на Окѣ)—издавна были объединены общимъ именемъ *Руси, русскихъ*, а заселенная ими земля носила общее имя *русской* земли. Это имя и доселѣ остается единственнымъ *народнымъ* этнографическимъ названіемъ для всей обширной восточной вѣтви славянства. Кромѣ этого названія народъ знаетъ только насмѣшливыя, шутливыя названія для различенія представляемыхъ имъ двухъ крупныхъ разновидностей; великоруссы называютъ малоруссовъ *хохлами*, а малоруссы великоруссовъ—*кацапами*. Оба прозвища ведутъ происхожденіе отъ своеобразнаго способа головной прически, въ старину различнаго у представителей той и другой народности.

Исторія образованія трехъ русскихъ народностей еще недостаточно выяснена наукой. Но несомнѣнно, что оно совершилось въ историческую пору. Если зародышъ этнографическихъ различій, представляемыхъ въ настоящее время великоруссами, малоруссами и бѣлоруссами можно усматривать уже въ извѣстномъ діалектическомъ и вообще этнографическомъ разнообразіи древне-русскихъ племенъ, то настоящее развитіе и сформированіе этихъ различій, во всякомъ случаѣ, должно падать на XIV—XVI столѣтія. Оно совершалось независимо отъ вліянія различной природы и климата земель, которыя постепенно занималъ русскій народъ, особенно подъ воздѣйствіемъ своеобразныхъ историческихъ условій, въ которыхъ оказались разныя части русскаго народа послѣ татарскаго нашествія. Великорусская народность складывалась подъ вліяніемъ Московскаго государства, бѣлорусская—подъ воздѣйствіемъ Литовскаго государства, малорусская—въ значительной зависимости отъ отношеній ея къ Литвѣ и Польшѣ. Болѣе или менѣе близкія связи и сношенія съ сосѣдними инородческими племенами—финнами и татарами, литовцами и поляками также должны были имѣть извѣстное значеніе въ исторіи образованія русскихъ народностей.

Главнѣйшее различіе между великоруссами, малоруссами и бѣлоруссами въ особенностяхъ ихъ языка, хотя и другія стороны народной жизни и характера каждой изъ трехъ вѣтвей русскаго народа представляютъ своеобразныя черты. По языку великоруссы ближе къ бѣлоруссамъ, чѣмъ къ малоруссамъ, а бѣлоруссы занимаютъ середину между другими двумя народностями, приближаясь,

однако, болѣе къ великоруссамъ, чѣмъ къ малоруссамъ. Граница, раздѣляющая великоруссовъ отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ идетъ отъ Опочки до Псковскаго озера къ Зубцову на Волгѣ, къ Королевцу между Десной и Сеймомъ, на Суджу, Обояны, Коротоянъ на Дону и по Дону далѣе на юго-востокъ, такъ что Терекъ остается великорусскимъ. Граница между бѣлоруссами и малоруссами начинается у Гродна и идетъ вдоль Припяти къ Королевцу, гдѣ начинается граница между великоруссами и малоруссами. Точное разграниченіе русскихъ народностей представляетъ большія трудности вслѣдствіе нерѣдкаго совмѣстнаго сожительства представителей двухъ народностей и существованія значительнаго количества переходныхъ говоровъ. Относящіяся къ этому вопросу подробности должны быть указаны въ обзорѣ русской діалектологіи. Въ частности *великорусская народность* господствуетъ въ 35 губерніяхъ; а именно, въ Европейской Россіи: во владимірской (99,67%), костромской (99,60%), тульской (99,54%), калужской (99,40%), ярославской (98,36%), рязанской (99,33%), орловской (99,03%), московской (97,55%), новгородской (96,83%), тамбовской (95,79%), псковской (94,93%), нижегородской (93,24%), тверской (92,92%), смоленской (91,61%), вологодской (91,23%), пермской (90,43%), архангельской (85,09%), пензенской (82,97%), с.-петербургской (81,50%), олонецкой (78,23%), вятской (77,44%), курской (77,29%), саратовской (76,75%), оренбургской (70,37%), симбирской (67,97%), донской об. (66,80%), самарской г. (64,55%), воронежской (63,33%), ставропольской (55,25%); въ Азіатской Россіи: въ тобольской г. (88,63%), томской (86,01%), енисейской (82,99%), иркутской (73,11%), амурской обл. (68,47%), забайкальской обл. (65,10%). Сверхъ того, великоруссы составляютъ значительный процентъ населенія въ губерніяхъ: астраханской (40,79%), казанской (38,30%), уфимской (37,97%), таврической (27,90%), черниговской (21,58%), херсонской (21,05%), харьковской (17,69%), екатеринославской (17,26%), витебской (13,30%), приморской об. (35,96%), акмолинской об. (26,53%), уральской об. (24,24%), а также живутъ то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ и областяхъ Русскаго государства и за предѣлами Россіи—въ Буковинѣ, Румыніи и Восточной Пруссіи (старообрядцы-филипповане).

Малорусская народность преобладаетъ въ восьми южныхъ губерніяхъ: полтавской (92,98%), подольской (80,92%), харьковской (80,62%), кіевской (79,81%), волынской (70,10%), екатеринославской (68,90%), черниговской (66,41%), херсонской (53,48%), и составляетъ значительный процентъ населенія въ губерніяхъ: кубанской обл. (47,36%), таврической (42,20%), ставро-

польской (36,62%), воронежской (36,18%), донской обл. (28%), курской г. (22,26%), бессарабской (19,62%), гродненской (22,61%), черноморской (16,10%), сѣдлецкой (13,97%), астраханской (13,26%), приморской обл. (14,92). Сверхъ того къ малорусской вѣтви относится русское населеніе Галичины, Буковины и сѣверо-восточной Венгріи.

Бѣлорусская народность преобладаетъ въ четырехъ губерніяхъ: могилевской (82,80%), минской (76,04), виленской (56,06%) и витебской (52,95%), и составляетъ значительный процентъ населенія въ гродненской губ. (43,97%) и небольшой въ губерніяхъ: черниговской (6,59%), смоленской (6,61%), сувалкской (4,56%), ковенской (2,45%), курляндской (1,82%),, тверской, псковской, орловской и калужской (меньше 1%).

Не имѣя общихъ народныхъ названій для своихъ крупныхъ этнографическихъ развѣтвленій, русскій народъ удерживаетъ много частныхъ мѣстныхъ названій по занимаемымъ ими губерніямъ и областямъ. Въ Великороссіи употребительны слѣдующія частныя названія народа: *владимірцы, муромцы, костромичи, туляки, калужане, польхи* (въ мосальскомъ у. калужской г. и въ брянскомъ и трубчевскомъ уу. орловской губ.) *поляне* (въ восточной части мосальскаго у. калужской губ.), *ярославцы, рязанцы, орловцы, москвичи, новгородцы, тамбовцы, псковичи, нижегородцы, арзамасцы, тверяне, пошехонцы, смольняне, вологжане, пермяки, архангельцы, пензенцы, ветлужане, куряне, саяны* (въ обоянскомъ и суджанскомъ уу. курской г.) *саратовцы, оренбуржцы, симбирцы, самарцы, донцы, уральцы, сибиряки, филиповане* (въ Буковинѣ, Румыніи, Восточной Пруссіи) Въ Малороссіи извѣстны: *полтавцы, подоляне, кіевляне, харьковцы, волыняне, черниговцы, екатеринославцы, херсонцы, кубанцы, черноморцы*. Обитатели *Полѣсья* т. е. части кіевской, черниговской и волынской губ. и *Подлѣсья*, т. е. части сѣдлецкой и гродненской губ. называются *польщуками*. Жителямъ кіевской, полтавской, средней части волынской, юго-восточной подольской, большей части харьковской, херсонской, екатеринославской, южной части курской, воронежской и кубанской области чаще всего усвояютъ имя *украинцевъ*.

Въ Карпатской Руси малорусское населеніе сохраняетъ слѣдующія частныя названія: *покутяне*, жители Покутья, между р.р. Чечвою и Днѣстромъ и Карпатскими горами (отъ главнаго города Куты), называющіе себя также *коломыйцами* (отъ имени большого города Коломыи); *гуцулы*—въ округахъ коломыйскомъ, станиславовскомъ и косовскомъ въ Галичинѣ, а также кое-гдѣ въ мармарошской столицѣ Венгріи и въ горахъ западной и юго-западной Буковины;

какъ жители горъ, гуцулы сами называютъ себя также *горянами, горцами, горскими людьми*; *подоляне* иначе *ополяне, поляне, поляницы*— жители равнинъ и долинъ Галичины (на сѣверъ отъ Днѣстра) и Буковины (сѣверной, средней и восточной); *бойки*, жители стрыйскаго и самборскаго округовъ Галичины и части Угорской Руси извѣстные подъ этимъ именемъ у сосѣдей, и сами себя называющіе *верховинцами, горянами, подгорянами (Подгорье)*; *лемки*—обитатели сяндецкаго округа между р. Сяномъ и долиной р. Попрада, называемые такъ сосѣдями изъ-за употребленія въ ихъ нарѣчіи частицы *лем*(=*лишь, только*), а сами себя называющіе *руснаками*; *верховинцы*—жители верхней, болѣе высокой части Карпатовъ въ предѣлахъ Угорской Руси; *долиняне* или *долишняне*—обитатели карпатскихъ отроговъ, спускающихся къ угорской низменности—„Дольней землѣ"; *крайняне* или *крайняки*—жители пограничныхъ съ словаками частей столицъ земплинской и шарышской. Среди угорскихъ русскихъ еще употребительны нѣкоторыя прозвища по характернымъ особенностямъ говоровъ: *цотаки, сотаки, цепсряки, лемаки, лишаки*.

Въ Бѣлоруссіи извѣстны слѣдующія частныя названія: *могилевцы, пинчуки*, жители пинскаго Полѣсья, по говорамъ приближающіеся къ малоруссамъ; *цвиркуны* (выговаривающія *ц* вм. *ч*) въ витебской, смоленской и тверской губ.

4. Численность русскаго народа.

Оффиціальныя статистическія данныя для опредѣленія численности русскаго народа относятся къ 1897 для Россіи (за исключеніемъ Финляндіи) и къ 1900 г. для Австро-Венгріи и другихъ странъ. По переписи 1897 г. насчитано было русскихъ во всей имперіи 83,933,567, въ томъ числѣ: великоруссовъ 55,667,469, малоруссовъ 22,380,551, и бѣлоруссовъ 5,885,547. Къ концу 1900 г., вслѣдствіе естественнаго прироста поселенія, при коэфиціентѣ 1,5 (общемъ для всего населенія государства), данная цифра должна была увеличиться на 6,035,480 т. е. достигла, вѣроятно, 89,989,547 или съ русскими въ Финляндіи (9,964) почти 90,000,000. Въ томъ же году за предѣлами Россіи насчитано: въ Австріи (Галичинѣ и Буковинѣ) 3,375,576, въ Венгріи 429,447, въ другихъ странахъ Европы ок. 60,000, въ Америкѣ ок. 300,000, въ Хивѣ, Бухарѣ, другихъ азіатскихъ государствахъ и на военныхъ судахъ въ заграничномъ плаваніи ок. 20,000; всего 4,185,023. Но среди этихъ цифръ славянскими этнографами единодушно признается сомнительной цифра русскаго населенія въ Венгріи: въ оффиціальной мадьярской статистикѣ (за-

числяющей въ мадьяры всѣхъ сколько-нибудь знающихъ по мадьярски) она значительно уменьшена и въ дѣйствительности, вѣроятно, достигала 600,000. Исправляя эту цифру, получаемъ наиболѣе вѣроятную цифру, опредѣлявшую общую численность русскаго надля 1900 г., въ 94,355,023 [1]),

За истекшія 6 лѣтъ естественный прирость населенія долженъ былъ дать (принимая коэффиціентъ 1,5) ок. 8,490,050. Слѣдовательно, къ концу 1906 г. общая численность русскаго народа должна достигать приблизительно 102,840,000. Въ частности эта цифра между русскими народностями распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

великоруссовъ	ок.	65,054,000
малоруссовъ	ок.	30,925,000
бѣлоруссовъ	ок.	6,861,000.
Въ Россіи русскихъ	ок.	98,022,000
именно: великоруссовъ . ок. 64,764,000		
малоруссовъ . . . . . . ок. 26,448,000		
бѣлоруссовъ . . . . . . ок. 6,810,000.		
Въ Австро-Венгріи (малоруссовъ)		4,333,000
именно: въ Галичинѣ 3.340,000		
въ Буковинѣ 340,000		
въ Венгріи 653,000		
въ другихъ государствахъ Европы	ок.	65,000
въ Америкѣ	ок.	325,000
въ азіатскихъ государствахъ	ок.	95,000
	Итого	102,840,000.

Относительная правильность приведеннаго исчисленія подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета общая численность населенія Россіи равнялась къ 1 янв. 1904 г. 144,184,600, между тѣмъ какъ въ началѣ 1897 г. она составляла 128,455,682 (по переписи 125,680,682+населеніе Финляндіи, приблизительно 2,775,000) [2]). Слѣдовательно за семь лѣтъ, прошедшихъ послѣ переписи 1897 г. она возросла болѣе чѣмъ

---

[1]) Проф. Л. Нидерле (Slovansky Přehled 1903. V, 163) опредѣлялъ ее въ 95,300,000; но ему еще не были извѣстны точные результаты переписи 1897 г. и показанная имъ общая цифра русскаго населенія въ Имперіи для 1897 г. (86,000,000) выше дѣйствительной.

[2]) *Петтичь.* Народности Россіи по губерніямъ и областямъ. Спб. 1905 г. (Карта).

на $15^1/_2$ милліоновъ, что составляетъ ежегодное увеличеніе на 2,250,000. Предполагая, что ростъ населенія въ русскомъ государствѣ продолжался въ той-же пропорціи, нужно заключать, что за послѣдніе три года, т. е. къ 1 января 1907 г. общая численность населенія увеличилась еще по крайней мѣрѣ на 6,750,000, т. е. должна равняться minimum 150,934,600. По даннымъ переписи 1897 г. русскіе составляли 65, 7% всего населенія Имперіи [1]). Если допустить, что этотъ процентъ остается и теперь (хотя въ дѣйствительности онъ, вѣроятно, выше), то при общемъ числѣ населенія русскаго государства въ 150,934,600 русскихъ должно быть ок. 99,165,000. Слѣдовательно, выведенная мной предположительно цифра рускаго народа въ предѣлахъ русскаго государства въ 98,000,00о скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной. Вѣроятнѣе всего, въ настоящее время она уже близко подходитъ къ 100,000,000. Въ такомъ случаѣ общая численность всѣхъ русскихъ должно превышать 105,000,000.

Въ религіозномъ отношеніи русскій народъ главной своей массой принадлежитъ къ православной вѣрѣ. Изъ т. н. раскольниковъ и старовѣровъ, которыхъ насчитывается до 13,000,000, только $2^1/_4$ милліона не признаютъ православной церкви и іерархіи; остальные состоятъ въ т. н. единовѣріи т. е. въ единеніи съ господствующей церковью. Малоруссы, живущіе въ Галичинѣ и Венгріи въ числѣ 4,000,000 уніаты; буковинскіе же малоруссы (ок. 340,000)—православные. Сверхъ того около 1,500,000 русскихъ—римско-католики и около 1,000,000 исповѣдуютъ разныя сектантскія ученія (молокане, духоборы, хлысты, скопцы, серафимисты и др.). Такимъ образомъ эа всѣми этими исключеніями болѣе 93,000,000 русскаго народа принадлежитъ къ православной церкви.

5. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи русскаго народа.

Русскій народъ, по своей многочисленности и по обширности заселенной имъ земли занимающій первое мѣсто не только въ славянствѣ, но, и среди европейскихъ народовъ вообще, не смотря на всѣ пережитыя

---

[1]) *Ковалевскій.* (Россія въ концѣ XIX в.), *А. Нидерле.* (Slov. Přehled. V) и другіе опредѣлили % русскаго населенія выше 66, но такое исчисленіе не точно, такъ какъ основано на общей цифрѣ населенія Имперіи въ 1897 г. безъ цифры населенія Финляндіи, не вошедшей въ перепись 1897 г.

имъ невзгоды исторической судьбы и разнообразіе племенныхъ и культурныхъ вліяній со стороны многочисленныхъ народовъ, съ которыми ему приходилось и приходится сталкиваться, всетаки сохранилъ въ значительной полнотѣ и чистотѣ свою славянскую индивидуальность, проявляющуюся въ необыкновенномъ богатствѣ и разнообразіи этнографическихъ особенностей во всѣхъ сторонахъ народной жизни и народнаго духа. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только раздѣленіе народа на три ясно опредѣлившіяся этнографическія разновидности—великорусскую, бѣлорусскую и малорусскую, но и большое разнообразіе въ говорахъ, бытѣ, одеждѣ, преданіяхъ, физическомъ типѣ и народномъ характерѣ у различныхъ частей населенія въ предѣлахъ каждой изъ трехъ народностей, особенно великорусской и малорусской. Великоруссы сѣверной полосы, мануфактурно-промышленныхъ губерній, Поволжья, черноземнаго пространства, Сибири представляютъ весьма своеобразные, значительно различающіеся между собой этнографическіе типы одной народности. Подобнымъ образомъ среди малоруссовъ отличаются своими характерными этнографическими чертами обитатели полтавской, кіевской и харьковской губ. отъ подолянъ и волынянъ и еще больше отъ горныхъ обитателей Карпатовъ—бойковъ, лемковъ, гуцуловъ, верховянъ. Осязательнѣе всего это этнографическое разнообразіе проявляется въ обиліи русскихъ нарѣчій и говоровъ. Многочисленные великорусскіе говоры подводятся подъ два главныя поднарѣчія: сѣверное, *окающее* (въ губ. новгородской, с.-петербургской, олонецкой, архангельской, вологодской, костромской. ярославской, владимірской, вятской пермской, въ части губерній: псковской, тверской, московской, нижегородской, казанской и симбирской, также въ Пріуральѣ и Сибири) и южное *акающее* (въ рязанской, тамбовской, тульской, орловской, калужской, въ значит. частяхъ московской, тверской, смоленской, курской, черниговской, въ воронежской губ., области войска Донскаго и Новороссіи). Не менѣе многочисленные малорусскіе говоры также объединяются въ два поднарѣчія: *сѣверно-малорусское* и *южно-малорусское*; въ первомъ различаются поднарѣчія: *подляшское* (въ сѣдлецк. губ, и нѣкоторыхъ уѣздахъ гродненской губ.- брестлитовскомъ, бѣльскомъ, кобринскомъ и пружанскомъ). *польшское* (въ кіевской губ.—сѣверныя части кіевскаго и радомысльскаго уѣздовъ и въ волынской губ.—овручскій уѣздъ и прилегающія части сосѣднихъ уѣздовъ), *угро-русское* (въ Угорской Руси); во второмъ—поднарѣчья: *галицкое*, (въ Галичинѣ), *подольско-холмское* (въ подольск. губ, и Холмской Руси), *восточно-украинское* (въ полтавской, харь-

ковской, воронежской и новороссійскихъ), *западно-украинское* (на востокъ до Днѣпра) и *сѣверскоукраинское* или *нѣжинско-переяславское* (въ сѣверо-зап. части полтавкой губ. и южной части черниговской губ.). Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи различаются *цокающіе* и *нецокающіе* говоры. Но какъ ни разнообразны эти говоры и поднарѣчія и объединяющія ихъ три русскихъ нарѣчія, всѣ они имѣютъ массу общихъ между собою черть, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ они лишь разновидности, варіанты единаго русскаго языка. Какъ части единаго цѣлаго, русскія нарѣчія незамѣтно переходятъ одно въ другое, не поддаваясь точному разграниченію. Такъ, южно-великорусское нарѣчіе очень близко къ сѣверно-малорусскому, бѣлорусское сближается съ южно-великорусскимъ и малорусскимъ, даже сѣверно-великорусское въ отдѣльныхъ крупныхъ звуковыхъ явленіяхъ оказывается близко-сходнымъ съ южно-малорусскимъ. Такъ, при этнографическомъ разнообразіи не только не теряются, а напротивъ ярко выступаютъ многочисленныя черты общенароднаго единства.

Важнѣйшая характерная черта исторіи русскаго народа заключается въ томъ, что онъ путемъ многовѣковыхъ усилій и тяжелаго труда успѣлъ создать для всей своей огромной массы, за исключеніемъ небольшой частицы, входящей въ составъ Австро-Венгерскаго государства, политическое, національное и культурное единство. Почти 100 миліоновъ русскаго народа живутъ *въ своемъ собственномъ, Русскомъ* государствѣ, которое достигло необыкновенно широкихъ размѣровъ и включаетъ въ себѣ значительную часть другого славянскаго народа—поляковъ и огромное число иныхъ неславянскихъ племенъ и народовъ. Болѣе 93 милліоновъ русскаго народа, обитающаго въ Россіи, находится въ полномъ религіозномъ единеніи, принадлежа къ восточной православной церкви. Весь русскій народъ въ предѣлахъ Россіи пользуется однимъ общимъ литературнымъ языкомъ, имѣющимъ въ своей основѣ великорусское нарѣчіе, по выработаннымъ общими силами и талантами всѣхъ русскихъ народностей. На языкѣ этомъ имѣется одна изъ богатѣйшихъ литературъ. Онъ служитъ органомъ замѣчательнѣшей образованности, исполняя въ то же время функціи языка государственнаго и общественной жизни во всей Имперіи. Существующая рядомъ съ общерусской небольшая литература на малорусскомъ нарѣчіи имѣетъ значеніе побочной, областной литературы. Попытки литературной обработки бѣлорусскаго нарѣчія не многочисленны и незначительны.

Политическое, религіозное и культурное единство главной массы русскаго народа служитъ залогомъ дальнѣйшаго его національнаго роста и преуспѣянія и упроченія его важнаго значенія среди остальнаго славянства. Русское государство, не смотря на присуствіе въ составѣ его населенія значительнаго числа инородцевъ, справедливо должно быть признано русскимъ не только потому, что оно создано русскимъ народомъ, но и потому что русскій народъ составляетъ въ немъ подавляющее большинство—двѣ трети всего населенія, является его ядромъ, главной дѣйствующей и жизненной силой. Такіе его политическіе и торговые центры, какъ Москва, Петербургъ, Кіевъ, Харьковъ, Воронежъ, Одесса, Казань, Ярославль, Нижній Новгородъ, и др. служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ главными сродоточіями русской образованности, русской мысли, русской науки, русской литературы, русскаго искусства.

По какой-то горькой ироніи судьбы сравнительно небольшая доля русскаго народа оторвана отъ своего естественнаго политическаго и культурнаго центра и входитъ въ составъ чужого государства--Австро-Венгріи. Это--карпатскіе малоруссы, раздѣленные между тремя областями. Политическое и культурное состояніе ихъ въ каждой изъ этихъ областей не одинаково.

Въ Галичинѣ, составляющей одну изъ провинцій Цислейтаніи, господствуютъ поляки, населяющіе собственно лишь западную половину области. Имъ принадлежитъ вся власть и первенствующее положеніе въ галицко-русской землѣ и ея столицѣ, древнемъ Львовѣ. Они составляютъ подавляющее большинство въ сеймѣ; въ ихъ рукахъ вся администрація и крупное землевладѣніе, поскольку оно еще не перешло къ евреямъ. Поляки задаютъ тонъ всей политической и культурной жизни въ Галичинѣ. Польскому языку принадлежитъ первое мѣсто въ управленіи, школѣ, наукѣ, литературѣ, общественныхъ отношеніяхъ. Русскій же народъ всюду занимаетъ второстепенное мѣсто, на своей же землѣ онъ является въ роли холопа, представителя низшей расы и съ трудомъ отстаиваетъ свои народныя и политическія права. Число народныхъ представителей въ мѣстномъ сеймѣ и вѣнскомъ рейхстатѣ незначительно. Русскій (малорусскій) языкъ только терпится въ мѣстной администраціи, судѣ и народной школѣ и подвергается стѣсненіямъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, среднихъ школахъ и львовскомъ университетѣ.

Еще труднѣе живется небольшой группѣ русскаго народа въ Буковинѣ, тоже входящей въ составъ Цислейтаніи. Здѣсь русскимъ приходится защищать свой языкъ и народность противъ притязаній румыновъ, нѣмцевъ и отчасти поляковъ. Нѣмецкій языкъ, какъ государственный, господствуетъ въ администраціи, черновицкомъ университетѣ и среднихъ школахъ. Румыны, занимающіе значительную часть Буковины, въ силу увлеченія національной идеей заботятся о распространеніи своего языка и народности, что для нихъ облегчается общностью церковной іерархіи. Къ тому же стремятся и поляки, не смотря на свою малочисленность въ Буковинѣ (ок. 7%).

Хуже всего положеніе русскихъ въ Венгріи, т. е. въ транслейтанской половинѣ Австро-Венгерской монархіи. Мадьяры, не смотря на свою либеральную конституцію, устанавливающую полное равноправіе для всѣхъ народностей королевства, не признаютъ никакихъ правъ ни за русскимъ языкомъ, ни за русской народностью. Если въ Галичинѣ и Буковинѣ нѣкоторой опорой русской народности служатъ школа, литература, извѣстная часть интеллигенціи, то у угроруссовъ нѣтъ никакой подобной опоры. Двѣ крохотныя газетки на русскомъ языкѣ (притомъ служащія цѣлямъ мадьяризаціи) едва существуютъ. Русскаго образованнаго класса совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ священники и учителя, за немногими исключеніями, находятся на службѣ у мадьяризаторовъ. Не только въ школѣ, но и въ церкви во время богослуженія во многихъ приходахъ русскій крестьянинъ слышитъ только мадьярскій языкъ, пониманіе и усвоеніе котораго представляетъ для него непреодолимыя трудности. Омадьяреніе русскаго народа совершается съ необычайной быстротой.

Тяжелое политическое и національное существованіе русскаго народа въ Австро-Венгріи осложняется происходящей среди него культурной борьбой, которая создаетъ препятствія къ духовному общенію и единенію Карпатской Руси съ остальнымъ русскимъ народомъ. Здѣсь, во Львовѣ, если не возникло, то окрѣпло и затѣмъ перенесено въ Россію т. н. литературное и политическое украинофильство, сепаратистическое движеніе, старающееся провести въ жизнь завѣдомо-невѣрную и безпочвенную мысль о полной племенной и культурной самостоятельности и обособленности отъ остальной Руси малороссовъ или, по ново-сочиненной терминологіи, „Украйны-Руси“. По мнѣнію дѣятелей этого движенія „Украйна-Русь“, какъ особый, рѣзко отличный отъ великороссовъ, народъ,

имѣетъ право на образованіе своего государства и должна пользоваться своимъ особымъ „украинско-русскимъ“ литературнымъ языкомъ, какъ органомъ просвѣщенія народа и высшей образованности. Согласно этому принципу украйнофильская партія признаетъ для Галицкой, Буковинской, и Угорской Руси, какъ языкъ книги, школы науки, литературы только мѣстное нарѣчіе, которое искусственнымъ образомъ, посредствомъ новосочиненныхъ словъ и заимствованій изъ польскаго, нѣмецкаго и другихъ чужихъ языковъ возводится на степень языка литературнаго. По внѣшнему виду книги и изданія этой партіи отличаются особымъ, новопридуманнымъ фонетическимъ правописаніемъ. Эти стремленія, какъ имѣющія цѣлью внести духовный разладъ въ могущественный русскій народъ, находятъ себѣ поддержку со стороны какъ центральнаго вѣнскаго правительства, такъ и вліятельныхъ мѣстныхъ польскихъ партій и уже осуществляются на дѣлѣ. Въ школахъ и администраціи допускается только мѣстное нарѣчіе, а общерусскій книжный языкъ подвергается преслѣдованію. Для достиженія своихъ цѣлей украйнофильская партія располагаетъ нѣсколькими учеными и просвѣтительными учрежденіями (Товариство имени Шевченка, Просвита и др.), нѣсколькими каѳедрами во львовскомъ университетѣ и нѣкоторымъ количествомъ газетъ и журналовъ.

Но мнѣнія и дѣятельность этой партіи не раздѣляются частью русской интеллигенціи и массой простого народа Зарубежной Руси. На ряду съ „украйнофилами“ въ Галичинѣ и Буковинѣ существуетъ другая партія, т. н. „старорусская“ или „русско-народная“, которая смотритъ на австро-венгерскихъ малороссовъ, какъ на часть единаго русскаго народа и считаетъ общерусскій литературный языкъ общимъ достояніемъ не только великороссовъ и бѣлороссовъ, но и малороссовъ, а слѣдовательно и Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. Она открыто заявляетъ, что „исповѣдуетъ на основаніи науки, дѣйствительной жизни и глубокаго убѣжденія національное и культурное единство всего русскаго народа и потому признаетъ своими плоды тысячелѣтней культурной работы всего русскаго народа“. Руководясь такимъ взглядомъ, сторонники русско-народной партіи отстаиваютъ употребленіе въ литературѣ Карпатской Руси нашего общаго русскаго языка и сами пишутъ и издаютъ книги и газеты на этомъ языкѣ. Они также имѣютъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько просвѣтительныхъ учрежденій (Ставропигійскій Институтъ, Народный Домъ, Галицко-Русская Матица, Общество Михаила Качковскаго и др.) и нѣсколько періодическихъ изданій, но значительно стѣснены въ

своей дѣятельности со стороны оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ сферъ, какъ поборники національнаго и культурнаго единства всей Руси.

Эта культурная борьба, вносящая много всякаго горя въ народную массу, особенно печально отзывается на состояніи просвѣщенія и вообще образованности въ Карпатской Руси.

---

6. Литература.

Указанныя выше, въ I гл. (стр. 16—18) общія карты славянства— Шафарика, Мирковича, Риттиха, Зарянка, Вергуна, Шимачка, и этнографическія карты Австро-Венгріи—Гейфлера, Чернига, Фикера, Киперта, Ле-Монье, Гатшки, Гомолки, Ретея, Балога, Гикмана, Г. А. Де-Волана.

Кеппенъ, Этнографическая карта Россіи. Спб. 1851. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Г. Ф. Эркертъ и *А. Θ. Риттихъ,* Атласъ народонаселенія западно-русскаго края. Спб. 1864.

Этнографическая карта Европейской Россіи. Составилъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества дѣйствительный членъ онаго *А. Θ. Риттихъ,* подъ наблюденіемъ спеціальной комиссіи изъ вицепредсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семенова и членовъ: А. И. Артемьева, Е. Г. Вейденбаума, М. И. Венюкова, А. А. Куника, П. И. Лерхе, А. Н. Майкова, В. И. Майкова и Н. В. Христіани. Масштабъ 1 : 2,520,000. Картографическое заведеніе А. А. Ильина. Спб. 1875. (До сихъ поръ единственная подробная этнографическая карта Европейской Россіи).

А. Θ. Риттихъ, Этнографическая карта Кавказа Спб. 1875.

Этнографическая карта Россійской Имперіи по *Риттиху и Венюкову.* Масштабъ 1 : 16,250,000. Спб. Изд. А. А. Ильина.

Народности Россіи по губерніямъ и областямъ. Схематическая карта. Составлена по заявленіямъ о родномъ языкѣ при первой всеобщей переписи 1897 г. *Н. П. Пештичемъ.* Спб. 1905 г. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина.

Три карты: а) южно-русскія нарѣчія и говоры; б) еврейское населеніе Юго-западнаго края, и в) карта католиковъ, въ томъ числѣ поляковъ Юго западнаго края въ изд. Труды этнографическо-статистической

экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Юго-Западный отдѣлъ: Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. ч. П. П. Чубинскимъ, т. VII 1878.

Я. Ѳ. Головацкій, Этнографическая карта русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверо-восточной Угріи и Буковинѣ. Масштабъ 1 : 1.600.000. При статьѣ «Карпатская Русь». Славянскій сборникъ. Т. II. Спб. 1877.

Г. А. Де-Волланъ, Угорская Русь. М. 1878. Съ картой.

Е. Ѳ. Карскій, Этнографическая карта бѣлорусскаго племени. Масштабъ 40 в. въ дюймѣ и б) карта бѣлорусскихъ говоровъ. Обѣ карты при сочиненіи «Бѣлоруссы». Т. I. Варшава 1903.

П. И. Кеппенъ, а) Russlands Gesammtbevölkerung im Jahre 1838 (Спб. 1843); б) Statistische Reise in's Land der Donischen Kasacken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesch im Jahre 1850 (Спб. 1852).

П. П. Семеновъ, Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. Т. I—V. Спб. 1863 — 1885.

Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Спб. 1897—1907.

Сводъ данныхъ первой всеобщей переписи Россійской Имперіи 1897 г. Два тома Спб. 1905 г.

В. Ковалевскій, Россія въ концѣ XIX в. Спб. 1900 г. тоже по французски: La Russie à la fni du XIX siècle. Paris 1900.

Россія, Ея настоящее и прошедшее. Отдѣльное изданіе статей о Россіи изъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона. Спб. 1900.

Д. Менделѣевъ, Къ познанію Россіи. Съ приложеніемъ карты Россіи. Спб. 1906 г. 5-е изд. 1907 г.

А. Ѳ. Риттихъ. 1) Матеріалы для этнографіи Россіи: а) Казанская губернія (Казань, 1870); б) Прибалтійскій край (Спб. 1875); 2) Матеріалы для этнографіи Царства Польскаго: Люблинская и Августовская губерніи, Спб. 1864; 3) Этнографичсскій очеркъ Харьковской губерніи. Харьковъ 1879.

Вольфъ, Живописная Россія. Т. I—III.

Россія, Полное географическое описаніе нашего отечества, подъ редакціей *В. П. Семенова* и подъ общимъ руководствомъ *П. П. Семенова и академика В. И. Ламанскаго*. Спб. Т. I—IX.

Н. И. Костомаровъ, Двѣ русскихъ народности. Историческія монографіи. Т. I. 1863. Новое изданіе собранія сочиненій. Спб. 1903.

Кавелинъ, Мысли и замѣтки о русской исторіи. («Вѣстникъ Европы» 1866 II).

Майковъ, Замѣчанія по географіи древней Руси 1874.

Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, 2-е изд. Спб. 1885.

И. Е. Забѣлинъ, Исторія русской жизни. М. Т. I.

Щаповъ, Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи («Извѣстія» Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. III и слѣд.).

Д. Н. Анучинъ, 1) О задачахъ русской этнографіи. Этнографическое Обозрѣніе 1889 I; 2) Этнографическіе очерки Сибири. Русско-Сибирская народность (Ремесленная газета 1876); 3) Статьи «Великороссы», «Малороссы», «Россія въ антропологическомъ отношеніи», «Россія въ этнографическомъ отношеніи» въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона. Т. V[а], XVIII[а], XXVII[а] и др.

И. И. Срезневскій, Мысли объ исторіи русскаго языка. 1849. Новое изданіе. Спб. 1887 г.

В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусскаго языка. При немъ статья „О нарѣчіяхъ великорусскаго языка". Спб. 2-е из. 1887 г. 3-е—1903.

А. И. Соболевскій, 1) Лекціи по исторіи русскаго языка. 3-е изд. М. 1903 г.; 2) Опытъ русской діалектологіи. Вып. I. Нарѣчіе великорусское и бѣлорусское. Спб. 1897 г. Вып. II. Малорусское нарѣчіе (Живая Старина. 1892 кн. 4); 3) О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ говорахъ въ частности. Спб. 1904. (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. IX. 2); 4) О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ (Живая Старина 1895. II. 235); 5) По поводу мнѣнія Гнатюка о Бачскихъ славянахъ (Vêstnik Slov. starožytnosti II. 29).

А. А. Шахматовъ, 1) Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій. 1894. (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1894 № 3); 2) Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей 1899 г. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1899. 4); 3) Русскій языкъ, статья въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона. Т. XXVIII (полутомъ 55-й стр. 564 и слѣд.).

Н. Н. Соколовъ, Опредѣленіе и обозначеніе границъ рускихъ говоровъ. 1905. (Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1905. 4).

В. Шейнъ, 1) Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ и т. д. Спб. 1898. Т. I и слѣд.; 2) Матеріалы для изученія языка и

быта русскаго населенія Сѣверо-западнаго края. Спб. 1887—1890 года.

Н. Добротворскій, Саяны; (Вѣстникъ Европы 1887. Сентябрь).

І. И. Желѣзновъ, Уральцы, изд. 2-е. Спб. 1888.

Е. Ѳ. Карскій, 1) Бѣлоруссы. Т. I. Варшава. 1903 г.; 2) Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій. Рефератъ на Харьковскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. 1902.

Е. Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ. Спб. 1886—1891.

Киркоръ, Бѣлорусское Полѣсье. М. 1891.

М. В. Довнаръ-Запольскій, Бѣлорусское Полѣсье. М. 1895.

Булгаковскій, Пинчуки. Этнографическій сборникъ. Спб. 1896 г.

M. Fedorovski, Lud białoruski na Rusi litevskiej. W. Krakowie. T. I—III.

Батюшковъ, Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ. Вып. VI. Бѣлоруссія и Литва. Спб. 1890.

Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ Спб. 1891.

П. П. Чубинскій. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край. Т. I—VII. 1872—78.

Эркертъ, О малороссахъ Харьковской губерніи въ «Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1882—1883.

Ястребовъ, Матеріалы для этнографіи Новороссійскаго края. Одесса. 1894.

Н. Гильченко, Кубанскіе казаки (Труды Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія. Т. XVIII вып. 2. М. 1895).

Гринченко, Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ губерніяхъ. 1895—1896.

И. И. Срезневскій, Угорская Русь. (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1852. Т. IV).

Я. Ѳ. Головацкій, 1) Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси 1863—1878. М. (Чтенія Моск. Обозр. Ист. и Древ. Рос. 1863—1878, отдѣльно), 2) *Карпатская Русь*, (Славянскій Сборникъ. Спб. Т. I. 1875, Т. II. 1877).

А. Будиловичъ, Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси. (Живая Старина. XIII, вып. 3. 1903 г.).

Гр. А. Де-Воланъ, Угро-русскія народныя пѣсни. Спб. 1885. (Записки Имп. рус. геогр. общ. по отд. этнографіи. Т. XIII).

Гр. Купчанко, Наша родина. Львовъ. Вѣдень. 1897.

Р. Заклинъскій, Географія Руси. Часть перша: Русь галицка, буковиньска и угорска. У Львовѣ.

J. Szujski, Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien. 1882.

Biderman, Die Ungarischen Ruthenen. Jnnsbruck 1862. 1868.

Kaindl, 1) Die Ruthenen in der Bukowina. 1889, 2) Die Huzulen (Oesterreichisch-ungarische Revue. Bd. XXI).

Влад. Гнатюкъ, «Етнографічні материяли з Угорскої Руси. Т. I—III. Львів. 1897—1900. Изданіе Товариства имени Шевченка; 2) Словаки чи Русини? (Записки Наук. Товар. XLII.); 3) Русини Пряшівськои епархіі і їх говори. (Там же XXXV—XXXVI).

L. Niederle, 1) K sporu o rusko-slovenské rozmovi v Uhrách. 1903; 2) Národopisná mova uherských Slovakův. Praha 1903.

А. Л. Петровъ, 1) Забытый уголокъ русской земли — Буковина (Извѣстія Спб. Слав. Благ. Общ 1884); 2) Замѣтки по Угорской Руси. 1892 г. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1892); 3) Еще два слова объ изученіи Угорской Руси. (Живая Старина 1903 г.).

D. Škultety, O hranici medzi Rusmi i Slovakmi v Uhorsku. (Slovenske Pohľady 1895, 1896).

O. Broch, 1) Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprahgrenze in östlichen Ungarn, Kristiania 1897 (съ картой); 2) Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze. Kristiania 1899; 3) Aus der ungarischen Slavenwelt (Archiv für Slav. Phil. XX. 54)

И. Наумовичъ, О Галицкой Руси. (Славянскій Сборникъ. Т. I.

Т. Флоринскій, 1) Зарубежная Русь и ея горькая доля. Кіевъ. 1900; 2) Малорусскій языкъ и «украиньско-руський» литературный сепаратизмъ. Спб. 1900; 3) Гдѣ правда? (Статьи по поводу возраженій и нападокъ на предыдущую книжку. «Кіевлянинъ 1900 г.».

Ф. И. Свистунъ, Прикарпатская Русь. Львовъ 1896.

Е. де-Витте, Буковина и Галичина. Путевыя впечатлѣнія. Кіевъ. 1905.

Смаль-Стоцкій, Буковинська Русь. Культурно-історичний образокъ. Чернівци. 1897.

Е. Огоновскій, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache Lemberg. 1880; 2) Kleinrussen въ Allgemeine Encyclopedie von Ersch und Gruber.

В. Шухевичъ, Гуцульщина, Львів. 1903.

Die Osterreichishungariche Monarchie in Wort und Bild а) Bd. *Galizien* Wien. 1898; б) Bd. *Bukowina* 1899; в) Ungarn (V Bd. Die Ruthenen von A. Hodinka).

Статьи «Rusko» и »Malorosuve» въ чешской энциклопедіи Ottův Slovník naučný.

А. Е. Алектровъ, Инородцы въ Россіи. Спб. 1906.

Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31 December 1900 in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Ländern, I. Heft. Die Summarischen Ergebnisse der Volkszählung. Wien. 1902. (Oesterreichische Statistik. Bd. LXIII H. I.)

Dr. Matlekovits, Das Königreich Ungarn. Leipzig 1900.

P. Balogh, A nepfajok Magyorországon 1902.

Другіе, отмѣченные выше (стр. 20—21) труды по статистикѣ и этнографіи Австро-Венгріи.

Прочія библіографическія указанія см. въ слѣдующихъ трудахъ:

А. Н. Пыпина, Исторія русской этнографіи. Т. I — IV. Спб. 1890—1891.

Н. Ѳ. Сумцова, Обзоръ малорусской этнографіи.

Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы. Варшава 1903 г.

В. А. Францева, Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси. Варшава 1901. (Рус. Фил. Вѣст.).

В. Межова, 1) Литература русской географіи, статистики и этнографіи за 1859—80 гг. Т. I—IX. Спб. 1861—1887; 2) «Сибирская библіографія». Т. I—IV. Спб. 1891—1892.

З. Пенькина. «Полѣсье» Библіографическій указатель по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья. Спб. 1883.

Х. Борана, Указатель сочиненій о коренныхъ жителяхъ Прибалтійскаго края. Спб. 1869.

Главнѣйшія періодическія изданія, содержащія матеріалы, изслѣдованія и библіографическія указанія по этнографическому изученію русскаго народа.

Изданія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и его Отдѣленій:

а) «*Извѣстія И. Р. Г. О.*».

б) «*Записки по общей географіи, статистикѣ и этнографіи*».

в) «*Ежегодникъ И. Р. Г. О.*».

г) «*Живая Старина*».

Изданія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

а) «*Извѣстія*» *О. Р. Я. и Сл. И. А. Н.*

б) «*Сборникъ*» *О. Р. Я. и Сл. И. А. Н.*

Этнографическое Обозрѣніе. Москва.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Спб.

Кіевская Старина. Кіевъ.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кіевъ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Москва.

Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса.

Древности. Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

«*Труды*» археологическихъ съѣздовъ.

Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Казань.

Сборникъ Харьковскаго Историко - Филологическаго Общества. Харьковъ.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Юрьевъ.

Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Одесса.

Русскій Филологическій Вѣстникъ. Варшава.

Филологическія Записки. Воронежъ.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Львовъ.

Етнографічний Збірник. Львовъ.

Материяли до українсько-рус. етнольогії, изд. Тов. имени Шевченка Львовъ.

Літературно-Науковий Вістник. Львів.

Научно - Литературный Сборникъ. Повременное изданіе „Галицко-Русской Матицы“. Львовъ.

Rozprawy i Sprawozdania Akademii umiejętnosci w Krakowie.

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. W Krakowie. (Изд. Академіи).

Materyaly antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane Akad. umiejętn. Kraków.

Wisla. Варшава.

Lud. Львовъ.

Ruthenische Revue. Wien.

Ukrainische Rundschau Wien.

III.

Болгаре.

1. Болгарская область и ея границы.

Болгаре (или Болгары) населяютъ главнымъ образомъ восточную половину Балканскаго полуострова, именно древнія страны Мизію, Өракію и Македонію, а по современной географической терминологіи—Болгарское княжество и значительную часть трехъ вилайетовъ Турецкой монархіи: адріанопольскаго, салоникскаго и битольскаго (монастырскаго). Въ этихъ областяхъ сосредоточена главная сплошная масса болгарскаго народа. Здѣсь коренная, исконная болгарская территорія. Сверхъ того, болгарскія поселенія болѣе или менѣе значительныя, находятся: въ Румыніи, главнѣйше въ Добруджѣ, въ южной части бессарабской губерніи, кое-гдѣ въ херсонской и таврической губерніяхъ, въ Банатѣ и Семиградской области (въ Венгріи). Большая часть этихъ поселеній образовалась путемъ позднѣйшей колонизаціи.

Точное опредѣленіе границъ территоріи болгарскаго народа представляетъ большія трудности по недостатку для нѣкоторыхъ ея частей строго-научныхъ и объективныхъ изысканій. На основаніи лучшихъ этнографическихъ картъ Балканскаго полуострова (Сакса, Киперта, Кънчева) и нѣкоторыхъ новѣйшихъ данныхъ пограничную линію болгарской области приблизительно можно обозначить слѣдующимъ образомъ. На сѣверѣ она совпадаетъ съ нижнимъ Дунаемъ отъ его устьевъ до Бдина (Виддина), затѣмъ она переходитъ по сушѣ къ Тимоку, идетъ вверхъ по этой рѣкѣ, переходя политическую границу Сербіи въ зайчарскомъ, княжевацкомъ, ниш-

скомъ и пиротскомъ округахъ, гдѣ слышится или чисто болгарская рѣчь или смѣшанные, переходные сербо-болгарскіе говоры, по направленію къ Нишевцамъ, и поворачиваетъ къ югу только у Прокопія на Топлицѣ. Затѣмъ, идя вдоль высотъ по лѣвому краю Моравской долины, пограничная линія черезъ гор. Враньо направляется на Ю. В. къ Кратову а затѣмъ на западъ южнѣе Скопьи къ Тетову, захватываетъ верхнюю Дибру и заканчивается на восточномъ беерегу Охридскаго озера у мон. св. Наума. На западномъ берегу Охридскаго озера лишь небольшой болгарскій полуостровъ, (села Радожда и Линъ), окруженный съ трехъ сторонъ албанцами. Страна на югъ отъ Охридскаго и Преспанскаго озеръ, Корчанская долина и долина рѣки Дѣвола имѣютъ смѣшанное населеніе (албанцы, болгаре, влахи). Далѣе, пограничная линія направляется отъ Дѣвола черезъ Костурское (Касторійское) озеро и городъ Влахо-Клисуру на сѣверъ къ Островскому озеру, затѣмъ опять на югъ, западнѣе Нѣгушъ, къ Беру (Верея), къ востоку на Солунь, Сѣръ (Середъ), захватывая тамъ окрестности Драмы и примыкая къ южному склону Родопы; оттуда идетъ на Димотику, Узункюпри, Бунаръ--Гиссаръ (у Киркилиссы, по болгарски Лозенъ) и Малый Самоковъ до Чернаго моря. Восточную границу болгарской области составляетъ Черное море на протяженіи приблизительно отъ Мидіи до устьевъ Дуная, при чемъ, однако, на значительномъ пространствѣ болгарское населеніе оттѣсняется отъ морского берега узкой полосой греческихъ поселеній. Изолированныя болгарскія села находятся уже у Родосто, Сарая, Чорлу и въ особенности у Деркоса. Въ самомъ Константинополѣ (по болг. Цариградѣ) живетъ очень много болгаръ. Нѣсколько болгарскихъ селъ встрѣчается въ янинскомъ вилайетѣ.

За предѣлами восточной половины Балканскаго полуострова, наиболѣе значительныя поселенія находятся въ Россіи, гдѣ они образовались вслѣдствіе переселенія болгаръ во второй половинѣ XVIII в и первой четверти XIX в. Въ южной Бессарабіи болгаре занимаютъ 67 большихъ селъ и 2 города—Болградъ и Комратъ. Въ херсонской губ. нѣсколько болгарскихъ поселковъ находится въ уѣздахъ одесскомъ и бендерскомъ, близь Николаева и въ Крыму. Въ таврической губерніи болгаре живутъ въ 40 селахъ.

Въ Румыніи болгаре населяютъ главнымъ образомъ Добруджу а также Ильфовскій округъ (ок. 50 селъ). Сверхъ того болгарскіе колонисты встрѣчаются въ городахъ, расположенныхъ преимущественно по Дунаю или недалеко отъ него; напримѣръ въ Галацѣ, Браиловѣ, Букарестѣ, Журжевѣ, Плоэштахъ, Ольтеницѣ, Александріи.

Незначительныя болгарскія поселенія уцѣлѣли въ южной Венгріи, въ Банатѣ, именно въ темешскомъ и тарантольскомъ комитатахъ (главные поселки—Винга и Старый Бешеновъ)[1]. Это колоніи, основанныя переселенцами изъ западной и сѣверной Болгаріи въ XVII и XVIII в. Банатскіе болгары всѣ католики. Сверхъ того ничтожные остатки болгарскихъ колоній, совсѣмъ орумыненныхъ, сохранились въ Семиградіи, именно въ Чергедѣ, Баумгартенѣ, Рейсдорфѣ и нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ германштатскаго и карлсбургскаго комитатовъ. Эти орумыненные болгары потомки болгаръ, переселившихся въ предѣлы нын. Семиградіи, вѣроятно, въ XIII в., протестанты.

Въ средніе вѣка, приблизительно отъ VII до XIII (а кое-гдѣ и позже) въ южной части Балканскаго полуострова, въ Ѳессаліи, Эпирѣ, Элладѣ и Пелопонесѣ, жили многочисленныя славянскія племена, вѣроятно, очень близкія къ болгарамъ по языку, съ теченіемъ времени совсѣмъ исчезнувшія. Изъ нихъ извѣстны: *велеситы* или *велегостичи*, *войничи*, *милинги*, *езериты* или *езерцы*, *майноты* и *цаконы*. (Ср. выше I гл. стр. 7).

2. Инородцы на болгарской территоріи.

Въ указанныхъ предѣлахъ современной этнографической Болгаріи, кромѣ болгаръ, господствующихъ численно, обитаютъ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ другія народности, изъ которыхъ иныя заявляютъ притязанія на политическое обладаніе отдѣльными областями болгарской земли. Подробная этнографическая карта болгарской территоріи должна имѣть довольно пестрый видъ. Это обстоятельство—результатъ своебразной, богатой этническими и политическими переворотами исторіи Балканскаго полуострова и въ частности многочисленныхъ перипетій въ судьбѣ болгарскаго народа. Болѣе численныя поселенія представляютъ четыре народности: греки, турки, албанцы и южные румыны. Затѣмъ на болгарской территоріи живутъ: татары, гагаузы и сюргучи, цыгане, армяне, евреи, сербы, русскіе, нѣмцы.

Греки имѣютъ свои поселенія: въ Солуни, монастырскомъ санджакѣ, Берѣ, Середѣ, Мельникѣ, Пловдивѣ (Филиппополѣ), Стани-

---

[1]) Живущіе въ семи селахъ крашовскаго комитета славяне, причисляемые нѣкоторыми къ болгарамъ, сербы (*Милетичъ*, Заселението на католишкитѣ Българи въ Седмиградско и Банатъ. Сборникъ за народни умотворения. София XIV).

макѣ и трехъ сосѣднихъ селахъ (Ампело, Водина, Кукленъ), въ Одринѣ (Адріанополѣ) и Кирклиссѣ. На Черномъ морѣ они встрѣчаются по всему болгарскому побережью, особенно въ Созополѣ, Бургасѣ, Анхіалѣ, Месемвріи, Варнѣ, варненскомъ округѣ (20 селъ), около Тульчи.

Турки, въ предѣлахъ Болгарскаго княжества составляющіе ок. 14% (по переписи 1900 г. 539,656) всего населенія, живутъ главнымъ образомъ въ терновскомъ, севліевскомъ, рущукскомъ, силистринскомъ, разградскомъ, шумлинскомъ, бургасскомъ, сливенскомъ и хасковскомъ округахъ. Весьма значительны турецкія поселенія въ адріанопольскомъ вилайетѣ и въ Македоніи между Вардаромъ и Струмой. Въ Могленѣ у Солуня и въ береговыхъ равнинахъ на югъ отъ Родопы обитаютъ кочующіе *турки-юруки*, а на озерѣ Островскомъ—*коньяры*. Всѣхъ турокъ на болгарской территоріи ок. 1,000,000.

Албанцы, по болгарски *арбанаси*, по турецки *арнауты*, потомки иллировъ, стараго туземнаго населенія Балканскаго полуострова, не только сосѣдятъ съ болгарами на протяженіи отъ Прокопія до Дѣвола, но и переходятъ эту границу въ Македоніи, образуя въ западной ея части болѣе или менѣе значительные острова. Большая часть албанцевъ—мусульмане, меньшая часть—христіане-католики. Общее число албанцевъ въ Турціи ок. 1,500,000.

Обѣ разновидности *румыновъ*, потомковъ древнихъ ѳракійцевъ, *дако-румыны* и *македоно-румыны*, сѣверные и южные сосѣди болгаръ имѣютъ свои поселенія на болгарской территоріи; первые на сѣверѣ—въ при-Дунайской Болгаріи, вторые на югѣ, въ Македоніи. *Сѣверные румыны* живутъ большими колоніями на правомъ берегу Дуная у Бдина (Виддина, въ 26 селахъ) и въ Добруджѣ, меньшими у Орѣхова и Никополя (всего болѣе 75,000 по переписи 1900 г.). *Южные румыны* (*влахи, цинцары, куцовлахи*), числомъ болѣе 200,000, населяющіе преимущественно Пиндъ до Дѣвола, имѣютъ также свои поселенія среди болгаръ въ окрестностяхъ Перистери, въ городахъ Влахо-Клисурѣ и Крушевѣ, въ Могленѣ, около Прилѣпа, на Пернарѣ; меньшія колоніи въ Касторіи, Солуни, Сересѣ, Охридѣ, Рѣзнѣ, Битолѣ, Прилѣпѣ, Велесѣ, Кичевѣ и др. Влашскіе пастухи, наз. *карокачани* проводятъ зиму у Эгейскаго моря, лѣтомъ странствуютъ по высокимъ горамъ, достигая иногда Троянъ-Балкана.

Татары занимаютъ сѣверную Добруджу и имѣютъ поселенія около Никополя, Плевны, Рахова и Бдина (ок. 20,000)

Потомки древнихъ кумановъ *гагаузы и сургучи*, исповѣдующіе православную вѣру и пользующіеся турецкимъ языкомъ, какъ

своимъ роднымъ, живутъ въ предѣлахъ восточной Болгаріи. *Гагаузы или черные болгары* обитаютъ въ Варнѣ у мыса Эмона, въ Добруджѣ и кое-гдѣ въ Бессарабіи. *Сургучи* имѣютъ нѣсколько селъ въ адріанопольской казѣ.

Цыгане (ок. 90,000), то кочевники, то поселяне разсѣяны по всей Болгаріи.

Евреи (ок. 50,000), преимущественно испанскіе, встрѣчаются во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Болгарскаго княжества и адріанопольскаго вилайета, а въ Македоніи только въ Солунѣ и Битолѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Софіи, Рущукѣ, Бдинѣ, Шумлѣ (Шуменъ), Пловдивѣ и Татаръ-Пазарджикѣ еврейскія колоніи очень численны.

Армяне (ок. 14,000), большею частью говорящіе по турецки, но употребляющіе при этомъ въ письмѣ армянскія буквы, живутъ въ Тульчѣ, Рущукѣ, Варнѣ, Бургасѣ, Пловдивѣ, Татаръ-Пазарджикѣ.

Сербы, сосѣдящіе съ болгарами на востокѣ своей этнографической области, въ предѣлахъ Болгарскаго княжества имѣютъ всего одинъ значительный поселокъ на нижнемъ теченіи Тимока (Братьевци) и сверхъ того обитаютъ въ нѣкоторыхъ селахъ западной Македоніи за предѣлами указанной разграничительной этнографической линіи.

Русскіе (ок. 2,000) преим. староверы, занимаютъ одно село (Татарица) на Дунаѣ, западнѣе Силистріи, и также живутъ въ Добруджѣ и встрѣчаются въ большихъ городахъ княжества.

Нѣмецкія колоніи сравнительно недавно возникли (ок. 5,000) въ Софіи, Рущукѣ, Бургасѣ и кое-гдѣ въ Добруджѣ, а также въ Солуни.

Въ предѣлахъ Болгарскаго княжества болгарская народность имѣетъ большой численный перевѣсъ надъ всѣми инородцами въ совокупности, именно составляетъ (по даннымъ переписи 1900 г.) болѣе 77% всего населенія. Въ той части болгарской области, которая остается подъ владычествомъ Турціи этотъ процентъ, вѣроятно, нѣсколько меньше, но не можетъ быть установленъ точно.

3. Спорные вопросы о предѣлахъ области болгарскаго народа.

Въ предшествующемъ изложеніи этнографическіе предѣлы болгарской территоріи указаны только приблизительно, въ самыхъ общихъ чертахъ. Подробная и точная этнографическая карта болгарскаго народа въ настоящее время еще не можетъ быть составлена, вслѣдствіе недостатка необходимыхъ подготовительныхъ из-

слѣдованій на мѣстѣ. Тою же причиной объясняется существованіе ряда спорныхъ вопросовъ относительно разграниченія двухъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ—болгаръ и сербовъ. На западной границѣ болгарская народность незамѣтно сливается съ сербской. Здѣсь наблюдаются любопытные переходные говоры, относимые одними филологами къ сербскому языку, другими къ болгарскому, причемъ описаніе и изслѣдованіе этихъ говоровъ далеко не закончены а потому и точное разграниченіе ихъ не установлено [1]). При такомъ положеніи дѣла безусловно вѣрное рѣшеніе спорнаго вопроса пока невозможно. Но съ большой вѣроятностью, близкой къ истинѣ, можно признать, что границу между болгарской и сербской народностями на территоріи соприкосновенія двухъ южно-славянскихъ государствъ, Сербскаго королевства и Болгарскаго княжества, составляютъ Тимокъ и верхнее теченіе Болгарской Моравы. На обязанности болгарскихъ и сербскихъ филологовъ лежитъ общими усиліями, проникнутыми духомъ безпристрастія, опредѣлить на основаніи строго научнаго изученія мѣстныхъ говоровъ, какія части славянскаго населенія, живущаго на западъ и востокъ отъ указанной идеальной Тимоко-Моравской границы должны быть отнесены къ болгарской, какія къ сербской народности. Такія одностороннія мнѣнія, какъ предложенное недавно однимъ крупнымъ сербскимъ ученымъ (г. Беличемъ [2]), причисляющимъ всѣ говоры западной Болгаріи, чуть не до Софіи, къ сербскимъ, конечно, мало способствуютъ уясненію труднаго вопроса. Впрочемъ, вопросъ о разграниченіи болгаръ и сербовъ со стороны Болгарскаго и Сербскаго государствъ не отличается особенной остротой. Гораздо рѣзче и острѣе поставленъ тотъ же вопросъ на юго-западѣ, въ Македоніи. Уже двадцать пять лѣтъ въ наукѣ и публицистикѣ идетъ споръ о томъ, къ какой народности, къ болгарамъ или сербамъ, относится славянское населеніе Македоніи. Раздаются и голоса, не признающіе ни того, ни другого рѣшенія и утверждающіе, что македонскіе славяне не сербы и не болгаре, а совершенно особая, самостоятельная разновидность славянскаго племени. Трудность рѣшенія спора осложнилась, независимо отъ недостатка болѣе точныхъ и объективныхъ наблюденій надъ языкомъ и народностью македонскихъ славянъ, главнымъ

---

[1]) Ср. указанные ниже новѣйшіе труды О. Броха и Белича съ одной стороны и Теодорова, Милетича, Цонева съ другой.

[2]) *А. Белић*, 1, Дијалекти источне и јужне Србије. Београд. 1905. 2. Діалектологическая карта сербскаго языка. (Статьи по славяновѣдѣнію подъ редакціей орд. акад. В. И. Ламанскаго. Спб. Вып. II).

образомъ политической стороной вопроса. Македонія, включенная по Санстефанскому договору въ составъ Болгарскаго княжества, а на основаніи Берлинскаго трактата возвращенная Турціи, естественно стала предметомъ пламенныхъ вожделѣній разныхъ народовъ Балканскаго полуострова, стремящихся къ усиленію своего политическаго значенія и могущества. Если болгаре не могли разстаться съ мыслью о присоединеніи этой области къ своему новоснованному княжеству, то и греки, и сербы въ силу стараго историческаго права стали заявлять свои притязанія на обладаніе ею Вмѣстѣ съ тѣмъ явились мѣстные патріоты, мечтающіе о возможности для Македоніи самостоятельнаго политическаго бытія, помимо присоединенія къ одному изъ существующихъ балканскихъ государствъ. Для обоснованія тѣхъ или иныхъ изъ указанныхъ притязаній политики и публицисты обратились за содѣйствіемъ къ ученымъ историкамъ, филологамъ и этнографамъ. Такъ стали появляться въ свѣтъ ученые и quasi-ученые труды, вносившіе страшную путаницу въ этнографію Македоніи. Греки доказывали, что Македонія населена преимущественно греческою народностью и наглядно иллюстрировали это утвержденіе картой (E. Stanford 1877), на которой славянскія поселенія изображены лишь въ видѣ небольшихъ островковъ среди сплошной массы греческаго населенія. Съ другой стороны сербы еще съ большею настойчивостью утверждали и утверждаютъ, что въ Македоніи нѣтъ никакихъ болгаръ и что живущіе тамъ славяне по языку, быту, народнымъ обычаямъ и историческимь традиціямъ—настоящіе сербы, что̀ доказывалось также составленіемъ этнографическихъ картъ въ духѣ пансербизма (напр. карты Гопчевича, Српске великошколске омладине 1891 и др.). Болгарскіе же филологи и этнографы признавали и признаютъ Македонію по преимуществу болгарской страной. Само собой разумѣется, что правильное рѣшеніе спорнаго этнографическаго вопроса возможно только съ устраненіемъ изъ него какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій. Съ другой стороны необходимо всестороннее, обстоятельное и объективное изученіе этнографіи Македоніи; лучше всего оно могло бы быть осуществлено путемъ снаряженія ученой экспедиціи изъ выдающихся славянскихъ филологовъ и этнографовъ въ эту все еще столь загадочную для ученаго свѣта страну. На основаніи же имѣющихся на лицо наиболѣе объективныхъ научныхъ данныхъ о языкѣ и народности македонскихъ славянъ приходится признать наиболѣе правильнымъ тотъ взглядъ на дѣло, который былъ установленъ Шафарикомъ, Ами-Буэ, Лежаномъ, Кипертомъ, Саксомъ и который раздѣляется большинствомъ новѣй-

шихъ авторитетныхъ изслѣдователей южнаго славянства; а именно: большая часть славянскихъ жителей Македоніи принадлежитъ къ болгарской народности; только обитатели сѣверной части страны—скопьской, кратовской и тетовской областей, относящихся собственно къ Старой Сербіи и неправильно подводимыхъ подъ географическій терминъ Македоніи, по говору и другимъ этнографическимъ чертамъ стоятъ ближе къ сербамъ, чѣмъ къ болгарамъ. Въ самое послѣднее время одинъ изъ выдающихся сербскихъ ученыхъ проф. Цвиичъ послѣ основательнаго изученія спорнаго македонскаго вопроса, высказалъ о немъ такое мнѣніе [1]): „Македонскіе славяне сами по себѣ ни сербы, ни болгаре; они очень близки къ нимъ вообще, но не имѣютъ врожденнаго національнаго самосознанія и особаго народнаго имени“. „Имя „Бугаринъ“, которымъ македонскіе славяне почти всегда себя называютъ—не національное имя и этнически не означаетъ болгарина“. Отсюда можно было бы заключать, что сербскій ученый, вообще признающій всѣ изданныя до сихъ поръ этнографическія карты Македоніи ненаучными, а статистическія таблицы о распредѣленіи народностей въ Македоніи неточными, считаетъ македонскихъ славянъ за особую самостоятельную разновидность славянства, согласно съ нѣкоторыми другими учеными (Драгомановъ, Мисирковъ), но такой мысли въ своемъ сочиненіи о „Македонскихъ славянахъ“ онъ не развиваетъ и даже относится несочувственно къ попыткѣ обозначить на одной изъ картъ, изданныхъ С.-Петербургскимъ Славянскимъ Обществомъ, населеніе Македоніи особой краской, не сербской и не болгарской; повидимому въ своемъ, крайне осторожномъ, изложеніи вопроса онъ старается провести то положеніе, что нельзя видѣть въ „македонскихъ славянахъ“ исключительно разновидность болгарскаго народа и что часть ихъ можетъ быть правильнѣе причисляема къ сербской народности. Быть можетъ пока, до изслѣдованія этнографическихъ отношеній въ Македоніи спеціальной ученой комиссіей, и можно было бы остановиться на такомъ рѣшеніи вопроса. Мнѣ дѣло представляется такъ, что для признанія македонскихъ славянъ за особую этнографическую вѣтвь славянства не имѣется достаточныхъ основаній. Для рѣшенія же вопроса о распредѣленіи ихъ между болгарской и сербской народностью, главнымъ критеріемъ должны быть лингвистическія данныя. Послѣднія же, насколько они извѣстны въ настоящее время, устанавливаютъ тотъ фактъ, что большинство

---

[1]) „Македонскіе Славяне“, Петроградъ 1906, стр. 35.

македоно-славянскихъ говоровъ представляютъ основныя характерныя черты болгарскаго языка и что только въ сѣверной Македоніи—въ скопьской, тетовской и кратовской областяхъ—въ славянскихъ говорахъ рѣзко выступаютъ особенности сербскаго языка при удержаніи нѣкоторыхъ характерныхъ болгарскихъ чертъ. Затѣмъ, какъ ни смотрѣть на значеніе употребляемаго македонскими славянами имени „болгаръ" (бугаре), самый фактъ широкаго распространенія его въ Македоніи, не можетъ быть ни умаляемъ, ни тѣмъ болѣе оставляемъ безъ вниманія. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я считаю справедливымъ на прилагаемой этнографической картѣ отнести славянское населеніе сѣверной Македоніи къ сербской народности, а въ остальныхъ частяхъ области—къ болгарской.

4. Частныя названія болгарскаго народа.

Общее названіе народа *„болгаре"* (*българи*, въ Македоніи *бугаре*) распространено на всей занимаемой имъ территоріи преимущественно среди православныхъ. Болгаре-католики больше извѣстны подъ именемъ *павликіанъ* (одно изъ названій прежнихъ богомиловъ); болгаре-потурченцы обыкновенно носятъ названіе *помаковъ* и *турокъ*, а въ западной Македоніи для нихъ употребительны и другія имена: *торбеши*, *улуфы*, *курки*. Рядомъ съ общимъ народнымъ именемъ употребительны частныя, мѣстныя, областныя названія, изъ которыхъ иныя, вѣроятно, очень древни. Большая часть ихъ приходится на Македонію. Нѣкоторыя названія не могутъ быть пріурочены къ извѣстной мѣстности и имѣютъ условное значеніе; нѣкоторыя обязаны своимъ происхожденіемъ діалектическимъ различіямъ въ языкѣ населенія. Ниже дается обзоръ всѣхъ приведенныхъ въ извѣстность частныхъ названій болгарскаго народа.

Шопы. Происхожденіе и этимологическое значеніе этого названія остается загадочнымъ. Старое мнѣніе Шафарика, сближавшаго нынѣшнихъ шоповъ съ древнимъ ѳракійскимъ народомъ *сапеями*, теперь признается сомнительнымъ, а новаго объясненія этого имени не придумано [1]). Распространеніе имени шоповъ также не опредѣлено съ точностью. Приблизительно шопы (*Шопско*, *Шоплукъ*) живутъ у подошвы Витоша и Рыла, во всей горной мѣстности между

---

[1]) Ср *К. Иречекъ*. Княжество България. Пловдивъ. 1899. Ч. I. 66 и Cesty po Blharsku. 1886. 63. *Добруски* (Сборникъ за народни умотворения. София. III. 43) сближаетъ имя шоповъ съ именемъ одного печенѣжскаго племени Τζοπόν.

Кратовомъ, Софіей и Пиротомъ. Котловины Радомирская, Брѣзничкая и Софійская считаются по преимуществу шопской землей. Сверхъ того, шопами называютъ сосѣди болгаръ, обитающихъ во всей сѣверо-восточной Македоніи—въ Разложской котловинѣ по среднему теченію Струмы, въ долинахъ Струмицы, Брѣгальницы и Пшины (города: Петричъ, Струмица, Радовищтъ, Малешево, Піянецъ, Кочани, Штипъ, Кратово, Крива-Паланка и Куманово[1]). Южные (македонскіе) шопы отличаются отъ сѣверныхъ (софійско-брѣзницкихъ) не только по народному характеру и одеждѣ, но и по говору. Характернымъ шопскимъ нарѣчіемъ считается говоръ болгаръ, занимающихъ Радомирскую, Брезницкую и Софійскую котловины. Эти шопы отличаются высокимъ ростомъ, носятъ одежду бѣлаго цвѣта и узкіе штаны (гащи). Иногда имя шопа употребляется въ презрительномъ смыслѣ, какъ прозвище для людей сельскихъ, простыхъ, мало развитыхъ въ противоположность горожанамъ, людямъ болѣе находчивымъ, болѣе образованнымъ.

Рупаланы, рупци, рупченци (рупалинъ). Подъ этимъ именемъ слывутъ славянскіе обитатели всей горной страны Родоповъ отъ Перуштицы до Эноса, за исключеніемъ Разлога, Батака и Доспада; слѣдовательно рупаланы живутъ въ округахъ: Неврокопа, Чепина, Ахърчелеби, Рупчоса, Хаскіоя, Димотики и Фере. Центръ рупалановъ - область Рупчосъ, между Станимакомъ и истоками Арды. По вѣроятному мнѣнію К. Иречка названія ***Рупци***, ***Рупчосъ*** произошли отъ древняго имени Μερόπη[2]), подъ которымъ еще въ XIV в. была извѣстна нынѣшняя область Рупчосъ. О томъ, что болгаре уже въ половинѣ XVI ст. называли Родопы Рупской горой свидѣтельствуетъ Verantius. Рупаланы говорятъ своимъ особымъ нарѣчіемъ, которое отчасти извѣстно болгарскому населенію, живущему и дальше на востокъ, въ равнинахъ Узункюпри и Странджи.

Марваки (Мърваци) занимаютъ рядъ селъ между Струмой и Родопами, въ округахъ Сѣра, Демиръ-Хисара, Мельника и Неврокопа. Здѣсь находятся богатѣйшіе желѣзные рудники и обитатели этихъ селъ занимаются преимущественно добычей руды и ея обработкой. Этимъ ихъ занятіемъ объясняется и ихъ названіе. ***Мърва*** на мѣстномъ языкѣ обозначаетъ угольную пыль. Говоръ Марваковъ относится къ восточно-болгарскому нарѣчію. Марваками называются также нѣкоторые обитатели Странджи (въ области Хасикіи).

---

[1]) *Кънчовъ*, Македония. 38.

[2]) Вслѣдствіе изчезновенія начальнаго неударяемаго Мε. Archiv fur Slavische Philologie, VIII, 96.

Болгаре-мусульмане, обитающіе по верховьямъ р. Арды и по Кричимской рѣкѣ (приблизительно между Татаръ-Пазарджикомъ и Неврокопомъ), называются *арянами* или *ахарянами*. Очевидно, это названіе—измѣненіе библейскаго имени *агаряне*, которымъ греки и православные славяне въ средніе вѣка называли магометанъ.

На югъ отъ ахарянъ, между Доспатомъ и Местой въ 50 селахъ неврокопской казы живутъ *чеченцы* или *чешліи*. Это также болгаре, исповѣдующіе магометанство. Область ихъ называется *Чечко*.

Въ западной Македоніи наиболѣе извѣстное болгарское племя—*бърсяки* (бърсяци). Подъ именемъ Βερζῆται они упоминаются у византійскихъ лѣтописцевъ еще въ VII и VIII вв.[1]). Въ старыя времена бърсяки занимали значительную часть Македоніи около городовъ: Битоля, Охриды, Прилѣпа и Велеса. И въ настоящее время эти мѣстности густо заселены болгарами, которые отличаются отъ своихъ сосѣдей по говору, одеждѣ, устройству жилищъ. Но древнее племенное названіе, по словамъ знатока македонской этнографіи Кънчова, сохранилось лучше всего въ Кичевской котловинѣ. Кичевцы называютъ себя бърсяками и гордятся этимъ именемъ; между тѣмъ въ охридской, дебрьской и прилѣпской областяхъ этого имени уже не слышно[2]).

На западъ отъ бърсяковъ, въ области Малой Рѣки живутъ *мияки* (*мияци*). Названіе это происходитъ отъ употребляемаго въ говорѣ данной области мѣстоименія *мия* вм. *ние (мы)*. Сверхъ того міяками называются жители с. Смильево (битольскаго санджака), Попрадища и Орешова (велесскаго санджака), выселившіеся сюда изъ Дебры.

Обитатели землицы *Жупа*, расположенной на правомъ берегу Чернаго Дрима, слывутъ у сосѣдей подъ именемъ *ести*, такъ какъ употребляютъ въ 3 л. ед. ч. существительнаго глагола *ести* вмѣсто обычнаго *е*. По той же причинѣ жители костурской Корещи называются *естеовци*.

Обитатели Пополья (По́поле) имѣютъ прозвище *кековци*, такъ какъ вмѣсто обычнаго *кѫдѣ* говорятъ *кеко*.

Поселяне западной части солунской равнины называются *пуливаковци* отъ областного выраженія „пули ва́ко“=„смотри сюда“ вм. обычнаго: „*гледай тука*“.

Подобныя названія діалектическаго происхожденія нерѣдки и въ предѣлахъ княжества. Жители пиротскаго округа называютъ

---

[1]) *Šafařik*, Slovanské starožytnosti, II, 237, III, 76.

[2]) *Кънчовъ*, Македония, 30.

обитателей Софійской котловины *токунцами* (отъ вставного слова *току*, въ Пиротѣ *тико*, тождественнаго съ *толико*), болгаръ, живущихъ по восточному берегу нижней Осмы называютъ *ниньовцами* (за употребленіе слова *нинь* вм. *сега*). Сосѣди послѣднихъ изъ 20 селъ между Искеромъ и Осмой извѣстны подъ именемъ *мароши*, *марэшане* (отъ турецкаго *марошъ*—позоръ).

Бургасскимъ болгарамъ усвоено прозвище *тропковци*.

Обитатели дебрскихъ селъ по-Дримья: Луково, Ябланица, Селце-Жупа, Нерезе, Пискупщина, Дренокъ и Модричь извѣстны у сосѣдей подъ именемъ *кеикари*, а жители селъ Стеблево, Гитецъ, Себище, Борово—подъ именемъ *улуфи* (вслѣдствіе частаго употребленія въ обращеніи къ сосѣдямъ слова *улюфъ*).

Извѣстны еще слѣдующія насмѣшливыя имена, которыми одна часть населенія называетъ другую: *пуряци*—такъ называютъ кичевскіе бърсяки поселянъ прилѣпскаго поля; *дуйки*—прозвище жителей Морихова, которымъ ихъ надѣляютъ обитатели Тиквеша; *торлаци* (въ значеніи „простые, дикіе люди")—названіе, довольно распространенное въ разныхъ частяхъ Болгаріи и восточной Сербіи: въ Пиротѣ, Цариводѣ, близъ Софіи, въ Берковицѣ, Гьопсѣ, Мериховѣ.

Наконецъ, къ весьма обычнымъ этнографическимъ названіямъ общаго, неопредѣленнаго характера относятся тѣ, которыя касаются раздѣленія населенія на жителей горъ и долинъ. Первые носятъ имена: *балканджіи* (обитатели сѣвернаго склона Балканъ), *планинци* (жители другихъ горъ, напримѣръ, Доспада, Родоповъ); вторые называются: *полци*, *полчане*, *поляци* (Кратово). Люди, живущіе по ту сторону горъ, называются *загорцами*.

Этнографическія названія: *копановцы*, *бандовцы* и *бабуны*, указанныя для Македоніи нѣкоторыми прежними изслѣдователями (Григоровичемъ, Верковичемъ, Драгомановымъ), новѣйшіе этнографы (Кънчовъ) считаютъ несуществующими.

5. Численность болгарскаго народа.

Численность болгаръ можетъ быть опредѣлена только съ приблизительною точностью. Оффиціальныя статистическія данныя имѣются не для всѣхъ частей болгарской территоріи, да и тамъ, гдѣ имѣются, не всегда правильно представляютъ дѣло. Частныя свѣдѣнія, собранныя учеными этнографами, не рѣдко слишкомъ противорѣчивы и еще болѣе нуждаются въ критической провѣркѣ, особенно относительно болгаръ, остающихся подъ турецкимъ владычествомъ. Вообще трудно исчислить болгаръ, живущихъ на тер

риторіи спорной между сербами и болгарами. Наконецъ, нужно имѣть въ виду постоянный естественный приростъ населенія, мѣняющій общую цифру населенія, устанавливаемую для даннаго года. Въ Болгарскомъ княжествѣ послѣдняя перепись населенія была произведена 31 декабря 1905 г., но пока извѣстны предварительные результаты только общаго подсчета населенія государства безъ раздѣленія по народностямъ. Точные и обстоятельно обработанные результаты предшествующей переписи, произведенной въ въ 1900 г., обнародованы только въ послѣднее время. Относительно Македоніи болѣе свѣжія и болѣе заслуживающія довѣрія данныя собраны Кънчевымъ [1]). Наиболѣе гадательны цифры, опредѣляющія численность болгаръ, живущихъ въ адріанопольскомъ вилайетѣ и въ Цареградѣ.

Проф. Л. Нидерле, основываясь на наиболѣе достовѣрныхъ данныхъ и своихъ собственныхъ соображеніяхъ опредѣляетъ приблизительно численность болгаръ для 1900 г. слѣдующимъ образомъ:

въ Болгарскомъ княжествѣ	2,825,000
въ Румеліи и Царьградѣ	600,000
въ Македоніи	1,200,000
въ Добруджѣ и Румыніи	90,000
въ остальныхъ земляхъ	135,000
Всего . .	4,850,000

Въ этомъ исчисленіи необходимы слѣдующія поправки. По обнародованнымъ даннымъ переписи 1900 г. въ Болгарскомъ княжествѣ болгаръ было насчитано 2,887,860, т. е. на 62,860 д. болѣе, чѣмъ предполагалъ проф. Л. Нидерле. Цифра болгаръ въ Македоніи должна быть уменьшена на 150,000, если допустить, что большая часть славянскаго населенія сѣверной Македоніи, т. е. скопьской, тетовской и кратовской областей по говору и другимъ этнографическимъ чертамъ можетъ быть причислена къ сербамъ. Зато цифра послѣдней рубрики проф. Л. Нидерле должна быть увеличена по крайней мѣрѣ на 200,000, и по слѣдующимъ соображеніямъ: въ Россіи болгаръ ок. 200,000 [2]), въ Австро-Венгріи ок. 30,000, въ Сербіи ок. 80,000, въ Америкѣ ок. 5,000, въ Греціи, Малой Азіи, Германіи и другихъ государствахъ Европы (предположительно) 20,000, всего

---

[1]) Македония. София, 1900 г.

[2]) Въ Бессарабіи ок. 120,000 *(Титоровъ)* Българитѣ въ Бесарабия. София. 1905. Въ херсонской и таврической губ. не менѣе 80,000. По даннымъ переписи 1897 г. болгаре составляютъ 0,14% всего населенія Имперіи.

335,000. Такимъ образомъ въ 1900 г. общее число болгаръ достигало приблизительно 4,963,000. Если принять среднiй коэфицiентъ прироста населенiя 1,6%, то за послѣднiя 6 лѣтъ численность белгарскаго населенiя должна была увеличиться приблизительно на 477,000, и къ концу 1906 г. достигла приблизитольно 5,440,000 или даже $5^1/_2$ миллiоновъ (если признать цифру болгаръ, остающихся подъ властью турокъ, вообще гадательной и, вѣроятнѣе всего, уменьшенной).

По моему, приблизительно точному, исчисленiю эта цифра распредѣляется такимъ образомъ:

въ Болгарскомъ княжествѣ[2])	3,182,300
„ Румынiи, Царьградѣ и другихъ частяхъ Европейской Турцiи	661,200
„ Македонiи	1,132,000
„ Добруджѣ и другихъ частяхъ Румынiи . .	99,200
„ Сербiи	85,100
„ Россiи	220,400
„ Австро-Венгрiи	33,300
„ Малой Азiи, Грецiи, Германiи и другихъ государствахъ Европы	21,000
„ Америкѣ	5,500
Всего . . .	5,440,000

6. Вѣроисповѣдное различiе.

Въ религiозномъ отношенiи болгарскiй народъ не представляетъ полнаго единства. Масса болгаръ, на ряду съ русскими и сербами, исповѣдуетъ православную вѣру—ок. 5,000,000. Римско-католическому исповѣданiю принадлежитъ ок. 50,000. Это—болгаре, живущiе въ Венгрiи, въ Банатѣ (болѣе 30,000) и т. н. павликiане (потомки прежнихъ богомиловъ), обитающiе въ количествѣ до 20,000 въ Пловдивѣ и его окрестностяхъ (10 селъ) и на сѣверѣ, въ при-Дунайской Болгарiи, около Никополя. Сверхъ того въ Македонiи насчитывается ок. 4,000 унiатовъ и 2,000 протестантовъ. Это разновѣрiе среди болгаръ-христiанъ обусловлепо позднѣйшей католической и протестанской пропагандой, главнымъ образомъ, въ эпоху угнетенiя болгаръ константинопольскимъ патрiархатомъ и борьбы

¹) По переписи 3 декабря 1905 г всѣхъ жителей въ Болгарскомъ княжествѣ насчитано 4,028, 239 (Прѣдварителни резултати. София 23 Мартъ 1906).

народа за церковную самостоятельность. Болѣе значительно по результатамъ распространеніе среди болгаръ ислама. Болгаре-потурченцы у своихъ соплеменниковъ-христіанъ носятъ названіе *помаковъ*. Въ сѣверо-западной Македоніи имъ даютъ другія названія: *торбеши, улуфы, курки*. По новѣйшимъ (не вполнѣ точнымъ) даннымъ и сдѣланнымъ мной дополнительнымъ исчисленіямъ общее число помаковъ не превышаетъ 355,000. Изъ этого числа ок. 172,000 приходится на Македонію, до 150,000 на Адріанопольскій вилайетъ[1]) (Ахаръ-Челеби, Доспадъ, Гюмерджинъ) и ок. 30,000 на Болгарское княжество. Помаки живутъ, главнымъ образомъ, въ Родопахъ и въ горахъ восточной Македоніи, образуя здѣсь широкій поясъ поселеній, тянущійся отъ Пловдива къ Солуни, отъ средняго теченія Арды къ Вардару и еще дальше. Въ этотъ поясъ входятъ: Рупчосъ, Ахаръ-Челеби, Доспадское плато, Чепинская котловина, Разлогъ, Неврокопскій округъ и значительная часть средней Македоніи (Джумая, Піянецъ, Тиквешъ, Кукушъ, Могленская долина). Въ предѣлахъ Болгарскаго княжества помацкія села разсѣяны въ ловчинскомъ, плевненскомъ и раховскомъ округахъ. Помаки сохранили свой болгарскій языкъ, хотя и внесли въ него не мало турецкихъ словъ, помнятъ болгарскія пѣсни, удержали нѣкоторые старые славянскіе обычаи, но по своимъ національнымъ и политическимъ идеаламъ и стремленіямъ и по культурѣ близко стоятъ къ туркамъ, которымъ нерѣдко оказывали помощь противъ своихъ соплеменниковъ-христіанъ. Въ предѣлахъ Болгарскаго княжества религіозная рознь между помаками и болгарами-христіанами мало по малу сглаживается и среди потурченцевъ постепенно пробуждается славянское національное самосознаніе. Но въ областяхъ, остающихся подъ властью турокъ различіе въ вѣрѣ поддерживаетъ чувство разобщенности и вражды между частями одного народа. Тамъ помаки дѣйствуютъ за-одно съ турками и албанцами-мусульманами. Въ этомъ отношеніи особенно затруднительно положеніе болгаръ-

---

[1]) Менѣе всего свѣдѣній о помакахъ въ адріапольскомъ вилайетѣ. Болѣе отчетливое указаніе помацкихъ поселеній въ этой области представлено на картѣ Сакса, составленной по хорошимъ источникамъ. Но цифры доспадскихъ, ахаръ-челебійскихъ и гюмурджинскихъ помаковъ не указываетъ и Саксъ. Въ этихъ мѣстахъ живетъ много и турокъ, съ которыми могутъ быть смѣшиваемы помаки. Цифра 150,000 выставлена мной предположительно. Во вся комъ случаѣ общая численность помаковъ едвали достигаетъ 500,000 какъ предполагалъ К. Иречекъ въ 1878 г. (Исторія Болгаръ. Русское изданіе. Одесса 1878).

христіанъ въ Македоніи: помимо этнографическихъ и политическихъ притязаній, заявляемыхъ на ихъ землю сосѣдними народами, имъ угрожаетъ натискъ ислама, надвигающагося съ трехъ сторонъ.

7. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи болгарскаго народа.

Болгарскій народъ на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи не представляетъ полнаго единства въ антропологическомъ, этнографическомъ, культурномъ и политическомъ отношеніяхъ. Разнообразіе природы и физическихъ свойствъ страны, разобщенность значительныхъ частей населенія вслѣдствіе обилія высокихъ горныхъ кряжей, изрѣзывающихъ Балканскій полуостровъ въ разныхъ направленіяхъ, неодинаковость старыхъ и новыхъ вліяній чужихъ народностей и культуръ, отсутствіе полнаго сходства въ исторической судьбѣ—все это обусловило значительное разнообразіе въ болгарскомъ этническомъ типѣ, въ политическомъ и культурномъ состояніи болгарскаго народа въ настоящее время. Физическій типъ и душевныя свойства болгарина не вполнѣ одинаковы въ восточной и западной частяхъ Княжества, въ Македоніи и Родопахъ. Весьма разнообразны по разнымъ областямъ образъ жизни, нравы и обычаи, одежда болгаръ. Не вездѣ одинакова народная рѣчь, представляющая значительное количество характерныхъ нарѣчій и говоровъ. Много любопытныхъ мѣстныхъ особенностей представляютъ сохраняющіяся въ неисчерпаемомъ богатствѣ памятники народнаго творчества: пѣсни, преданія, сказки, пословицы, поговорки. Религіозное различіе, принадлежность народа къ тремъ вѣрамъ: православію, католичеству и мусульманству также кладетъ свой отпечатокъ на всѣ стороны народной жизни, увеличивая разнообразіе болгарскаго племеннаго типа. Любопытнѣйшую этнографическую черту болгаръ составляетъ сохраненіе народомъ обильнаго запаса остатковъ славянской старины въ бытѣ, обычаяхъ, пѣсняхъ, вѣрованіяхъ. Отсюда явствуетъ, что изученіе болгарской народности въ этнографическомъ отношеніи представляетъ много привлекательнаго. Главные результаты этого изученія, однако, не могутъ быть изложены въ настоящемъ трудѣ. Здѣсь сообщаются лишь общія замѣчанія относительно языка, важнѣйшей племенной особенности каждаго народа.

Все разнообразіе болгарскихъ нарѣчій и говоровъ и точная ихъ классификація еще не установлены. Тѣмъ не менѣе всѣ многочисленные болгарскіе говоры можно свести въ четыре крупныхъ

группы или нарѣчія, разграниченіе которыхъ возможно только приблизительное, а именно: восточное, сѣверо-западное, юго-западное и южное. *Восточное нарѣчіе*, самое распространенное, господствуетъ въ Болгарскомъ княжествѣ, именно въ сѣверной его части, за исключеніемъ страны шоповъ, и въ южной (Восточной Румеліи) за исключеніемъ территоріи рупцовъ или рупаланъ. На востокѣ оно простирается до черноморскаго побережья, на югѣ доходитъ до нижней части Ѳракійской равнины между Адріанополемъ (Одринъ) и Константинополемъ, касается подошвы Родоповъ, захватываетъ клино-образнымъ полуостровомъ христіанскіе города Пештеру и Батакъ и мусульманское плато Доспада, уступая страну у истоковъ Марицы западному нарѣчію, а на западѣ доходитъ до Искера. Въ при-Дунайской равнинѣ по направленію къ западу восточное нарѣчіе слышится до Рахова.

Сѣверо-западное или шопско-тѫрнское нарѣчіе господствуетъ въ западной части болгарскаго княжества, на западъ отъ линіи Искеръ-Ихтиманъ, и обнимаетъ слѣдующіе города съ прилегающими къ нимъ областями: Виддинъ съ Кулой и Бѣлградчикомъ, Ломъ и Рахово на Дунаѣ, Берковицу и Врацу, Самаковъ, Дупницу, Джумаю, Разлогъ, Кюстендилъ, Осоговъ, Радомиръ, Софію, Брезникъ, Тѫрнъ, Царибродъ и Пиротъ. Оно слышится также въ зайчарскомъ, княжевацкомъ, и нишскомъ округахъ Сербскаго королевства.

Юго-западное или македонское нарѣчіе распространено въ т. н. Македоніи, т. е. въ странѣ, на югъ отъ Шаръ-Планины, Кара-дага и Осоговскихъ горъ, въ области Струмы, Вардара, Охридскаго и Преспанскаго озеръ. На югѣ оно доходитъ до полуострова Халкидики и Архипелага, на западѣ граничитъ съ Албаніей, на сѣверо-западѣ съ сербскимъ языкомъ, а на востокѣ, у Родопскихъ горъ, съ рупаланскимъ нарѣчіемъ.

Южное или рупаланское нарѣчіе господствуетъ въ странѣ рупцовъ или рупаланъ, т. е. по всей горной странѣ Родопы, отъ нижней Струмы до Эноса, за исключеніемъ Разлога (относящагося къ области западнаго нарѣчія), а также Батака и Доспада (относящихся къ области восточнаго нарѣчія); слѣдовательно оно слышится въ округахъ Мельника, Демиргиссара, Сѣра, Драмы, Неврокопа, Чепина, Ахѫръ-Челеби, Рупчоса, Хаскіоя, Димотики и Фере. Сверхъ того оно раздается и на востокъ отъ нижней Марицы, въ равнинахъ Узункюпри и Странджи до Бургаса, при чемъ въ этой части страны во многихъ мѣстахъ прерывается восточнымъ нарѣчіемъ.

Всѣ нарѣчія представляютъ болѣе или менѣе существенныя отличія не только въ звуковомъ, но также въ формальномъ и от-

части въ лексическомъ отношеніяхъ. Наиболѣе типичнымъ, характернымъ представителемъ болгарскаго языка считается восточное нарѣчіе. Западныя нарѣчія имѣютъ рядъ особенностей, сближающихъ болгарскій языкъ съ сербскимъ. Восточное нарѣчіе лежитъ въ основѣ современнаго литературнаго языка, объединяющаго въ культурномъ отношеніи всѣ племенныя разновидности болгарскаго народа. Впрочемъ, были и теперь продолжаются попытки писать и издавать книги на другихъ нарѣчіяхъ, особенно македонскомъ, но онѣ не имѣли и не имѣютъ успѣха.

Въ политическомъ отношеніи болгарскій народъ, живущій сплошной массой на исконной своей землѣ, не достигъ еще единства. Осуществленіе для всего народа политической свободы, завоеванной оружіемъ братскаго русскаго народа, точно опредѣленной въ С. Стефанскомъ договорѣ, не было допущенно западно-европейской коалиціей, собравшейся на Берлинскомъ конгрессѣ; проэктированная Россіей въ 1878 г. единая независимая Болгарія была разбита на нѣсколько частей, при чемъ значительная часть болгарскаго народа по прежнему оставлена подъ турецкимъ владычествомъ. Такое положеніе дѣла продолжается и теперь. Въ составъ Болгарскаго княжества, находящагося въ вассальной зависимости отъ султана, входитъ менѣе $^3/_5$ болгарской территоріи и болгарскаго народа (ок. 3,182,000). Около 2 милліоновъ болгарскаго населенія остаются въ составѣ имперіи Османовъ, продолжающей клониться къ полному внутреннему разложенію. Правильное развитіе гражданственности, экономическое процвѣтаніе, успѣхи просвѣщенія и образованности возможны только въ Болгарскомъ княжествѣ. Остающіеся подъ турками болгаре обречены на безправное политическое существованіе, экономическій и культурный застой. Македонскимъ болгарамъ сверхъ того угрожаетъ опасность захвата ихъ земли одной изъ европейскихъ державъ, съ чѣмъ связывается опасеніе и за самую возможность политическаго объединенія болгаръ въ будущемъ.

Важнѣйшій политическій и культурный центръ болгарскаго народа *Софія* или *Срѣдецъ*, столица Болгарскаго княжества (ок. 50,000 жителей). Здѣсь находятся: университетъ, важнѣйшія ученыя и просвѣтительныя общества, лучшія типографіи и книго-издательскія фирмы. Другіе, болѣе значительные и замѣчательные города въ княжествѣ: *Пловдивъ* (Филиппополь, ок. 40,000 жителей), главный городъ южной Болгаріи (Восточной Румеліи), *Варна*, *Рущукъ*, *Търново*. Въ Македоніи главнымъ культурнымъ центромъ слу-

житъ *Солунь*, хотя въ этомъ городѣ болгаръ мало въ сравненіи съ другими народностями (евреями, турками, греками).

Части болгарскаго народа, разсѣяныя въ Россіи, Румыніи, Венгріи и Сербіи, вслѣдствіе ихъ малочисленности и разбросанности ихъ поселеній не пользуются какими-либо особыми политическими правами и постепенно подчиняются этнографическому и культурному вліянію господствующихъ народностей.

---

8. Литература.

Указанныя выше, въ I гл. (стр. 16—18) общія карты славянства— Шафарика, Мирковича, Риттиха, Заряпка, Вергуна, Шимачка, и этнографическія карты Балканскаго полуострова А. Буэ, Лежана, Брадашки, Петермана, Мекензи и Ирби, Киперта, Сакса, Плетершника, Біанкони, Синвета, Генадія.

К. Иречекъ, 1, Исторія Болгаріи. Переводъ проф. Бруна и Палаузова. Съ картой. Одесса, 1878. (Приложеніе «Жилища и численность Болгаръ»); 2, Cesty po Bulharsku. Praha. 1888; 3, Das Fürstentum Bulgarien. Wien. 1891. Всѣ три сочиненія и на болгарскомъ языкѣ; послѣднія два подъ общимъ заглавіемъ: „Княжество България" I, II. Пловдивъ 1899. «Исторія Болгаръ» раньше вышла на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: 4, Етнографически промѣнения въ България отъ основанието на Княжеството (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжника. VII).

М. С. Милојевић, Етнографска мапа Срба и српских (југо-словенских) земаља» 1873.

М. В. Веселиновић, Етнографска мапа Срба (Српство 1889, 9).

S. Gopčević, 1, Die ethnographischen Verhältnisse Makedoniens und Alt-Serbiens (Petermann's Geographische Mittheilungen 1889 III. 59; 2, Alt-Serbien und Makedonien. Wien. 1890. Русскій переводъ. Спб. 1899 (съ картой).

П. Н. Милюковъ, 5 этнографическихъ картъ Македоніи. Спб. 1900 г.

І. Драгашевичъ, Carte ethnographique de la presqu'ile des Balkans dressée d'aprés les documents historiques et philologiques. 1885.

Милан. І. Андоновичъ, Carte ethnographique serbe, avec les imites méridionales de la Vieille Serbie et celles de la Serbie du Tsar

Douchan. Ancienne édition des étudiants de l'Université de Belgrade, revue et corrigée par M. And. Belgrade 1903.

G. Weigand, Die Aromunen, Ethnographisch-philologisch—historische Untersuchungen. I, Bd. Lond und Leute, Leipzig 1895.

Meinhard, Ethnographische Karte von Makedonien. (Deutsche Rundschau f. Geographie und Statistik. XXI. 1899.

В. Кънчовъ, Македония. Етнография и статистика. Съ 11 карти. Издава Българското книжовно дружество въ София. 1900.

K. Peucker, Makedonien, Altserbien und Albanien. Wien. 1904.

J. F. Voinov, La question Macedonienne et les reformes en Turquie. Avec deux cartes, dont une en couleur. Paris. 1905.

D. M. Brancoff., La Macedoine et sa population Chretienne, Avec deux cartes ethnographiques. Paris. 1905.

H. Kiepert, Generalkarte der Unterdonau und Balkanländer. Berlin. 1881.

Подробная карта восточной части Балканскаго полуострова на 62 л , масштабъ 3 в. въ дюймѣ. Спб. 1884. Изданіе главнаго Штаба.

Ю. И. Венелинъ, 1, Древніе и нынѣшніе Болгары, 1829; 2, Нѣкоторыя черты изъ путешествія по Болгаріи, М. 1857.

В. И. Григоровичъ, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. М. 1848. 2-е изд. 1877.

В. В. Макушевъ, Задунайскіе и Адріатическіе Славяне Спб. 1867 г.

А. Ѳ. Гильфердингъ, Путешествіе по Македоніи (Вѣстникъ Европы, 1870 іюнь—іюль).

Ami Bвuе́, La Turquie d'Europe. Paris, 1840.

A. Grisebach, Reise durch Rumelien. Göttingen, 1841.

Blanqui, Voyage en Bulgarie. Paris, 1843.

Hahn, 1, Reise von Belgrad nach Salonik. Wien, 1868; 2, Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar-Wien, 1869.

A. Papadopoulo Uretos, La Bulgarie ancienne et moderne. S. Petersbourg, 1856.

H. Barth, Reise durch das innere der Europäischen Türkei. Berlin, 1864.

G. Lejean, Voyage en Bulgarie («Le tour du monde» XIII, 1873)·

St. Clair and Brophy, Twelve years residence in Bulgaria. 2-ed. 1876.

H. C. Barkley, Five years among the Turks and Bulgarians between the Danube and the Black Sea. 1879.

T. Kanitz, Donau-Bulgarien und der Balkan. Historisch-geographich-ethnographische Reise-studien aus den Jahren 1860—78. Три тома. Leipzig 1875—1877. Первый томъ переведенъ на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Дунайская Болгарія и Болканскій полуостровъ». Спб. 1876. Извлеченія изъ этого сочиненія въ «Славянскомъ Сборникѣ» т. III. Спб. 1876.

Crousse, La Péninsule Gréco-Slave. Bruxelles, 1876.

G. M. Macqensie and A. P. Irby, The Turks, the grecks und the slavons. London, 1867; русскій переводъ: «Путешествіе по славянскимъ провинціямъ Турціи. Спб. 1879. Сербскій переводъ Г. Міятовича. Бѣлградъ, 1868.

И. П. Липранди, Болгарія (Чтенія въ М Общ. Ист. и Др. Рос. 1877, V).

А. Мошнинъ, При-Дунайская Болгарія (Славянскій Сборникъ т. III. Спб. 1877).

L. Leger, 1, La Save, le Danube et le Balkan. Paris 1884; 2, La Bulgarie. Paris, 1885.

Emil de Laveleye, La peninsule des Balkans. Bruxelles, 1886. Русскій переводъ 1889 (Спб.).

П. Матвѣевъ, Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса, Спб. 1887.

Н. Плеве, Военно-статистическій обзоръ княжества Болгарскаго. Спб. 1891.

С. Бендеревъ, 1) Краткій статистическій обзоръ Болгаріи (Славянское Обозрѣніе 1894); 2) Военная географія и статистика Македоніи и сосѣднихъ съ нею областей, Спб. 1890.

S. Gopčević, Bulgarien und Ost-Rumelien. Leipzig. 1886.

L. Hugonnet, 1, La Turquie inconnue. Paris, 1886. 2, Chez les Bulgares. Paris, 1888.

С. Захариевъ, Географико-историко-статистическо описание на Татаръ-Пазарджишка-та каза. Вѣна, 1876.

В. Тепловъ, Матеріалы для статистики Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи, съ приложеніемъ карты распредѣленія народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ. Спб. 1877.

И. Атанасовъ, Статистически Сборникъ на княжество България. София 1897.

Х. К. Шкорпилъ, География и статистика на княжество България. Пловдивъ, 1892.

М. Дриновъ, Историческо освѣщение върхъ статистиката на народноститѣ въ источната часть на Българското княжество (Период. Спис. VII (1884).

В. Кънчовъ, География на Балканский полуостровъ. 1897.

М Сарафовъ, 1) Населението въ Княжество България. София, 1994; 2) Народноститѣ въ источната часть на Княжество (Периодич. Спис. V).

A. Strausz, Ethnographische Studien.

Г. Димитровъ, Княжество България въ историческо, географическо и етнографическо отношение. Три части. Часть I Пловдивъ, 1895; ч. II, 1896.

Grabowski, Bulgaria i Bulgarowie. Warszawa, 1884.

Grzegorzewski, Spólczesna Bulgarya Kraków. 1887.

Н. Овсяный, Болгарія и Болгары. Съ картой Балканскаго полуострова Спб. 1900.

М. В. Юркевичъ, (М. Горюнинъ), Двадцатипятилѣтніе итоги княжества Болгаріи (1879—1904). Опытъ собранія матеріаловъ, съ картами, многими таблицами, картограммами и иллюстраціями. Т. II, п. 2. Софія, 1905.

Общи резултати отъ прѣброяване на населението въ княжество България на 31 декемврий 1900 г. София 1905.

Движение на населението въ княжество България прѣзъ 1901 година. София, 1903.

Прѣдварителни резултати отъ прѣброяване населението на Княжество България на 31 декемврий 1905 г. Отъ Дирекцията на статистиката. София, 23 марта 1906.

Л. Каравеловъ, Памятники народнаго быта Болгаръ М. 1861.

С. Верковичъ, 1) Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи. Спб. 1889; 2) Описаніе быта болгарскихъ племенъ, населяющихъ Македонію. М. 1874.

П. Драгановъ, Этнографическій очеркъ Македоніи (Извѣстія Спб. Славянскаго благотварительнаго общества. 1887 и 1888). Ср. статьи

Шопова, Шапкарева и Дринова въ Периодич. Списаніи 1889. XXXI и въ Извѣстіяхъ Слав. благотв. общ. 1886. 6—7.

П. Милюковъ, 1) Изъ поѣздки въ Македонію (Вѣстникъ Европы, 1899. № 5—6); 2) Сербско-болгарскія отношенія (Сборникъ журнала «Русское Богатство». Спб. 1899); 3) Письма изъ Македоніи («Русскія Вѣдомости» за 1898 и 1899 г.

А. Ростковскій, 1) Распредѣленіе жителей Битольскаго вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ (Живая Старина 1899, кн. 1); 2) Распредѣленіе жителей Солунскаго вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 г. (Живая Старина XIII, вып. 3—4).

М. Дриновъ, Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ Дебрскихъ Славянъ (Извѣстія Спб. Слав. благотв. общ. 1887).

Офейковъ, 1) Македония во время хилядогодишнината на св. Методия. Пловдивъ 1885; 2) La Macedoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Philippopoli 1887; 3) Замѣтки о Македоніи (Живая Старина XI, вып. 2).

А. Шоповъ, 1) Народностьта и языка на Македонцитѣ. Пловдивъ, 1888; 2) Изъ живота и положението на Българитѣ въ вилаетитѣ. Пловдивъ 1888.

И. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ Сербовъ. Спб. 1886. 2-е изд. 1899 (Ср. статьи П. Р. и Никольскаго въ Извѣстіяхъ Спб. Слав. благотв. общ. 1886. 9—11).

І. Драгашевиѣ, Македонски Словени. Београд. 1890.

Г. Карановъ, Материали по етнографията на нѣкои мѣстности въ сѣверна Македония, които сѫ смѣжни съ България и Сърбия (Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София 1891. Кн. IV).

Матовъ, 1) Кратка расправия по етнографията на Македония (Периодическо Списание, XXXIV—XXXV); 2) Македония спередъ най—новитѣ книжовни вѣсти (Българск. Прѣгледъ XI. Кн. 12) 3) Книгописъ по етнографията на Македония (Тамъ же IV, кн. 5 - 6). Z. Два санджата отъ источна Македония (Периодическо Списание XXXVI—XXXVIII)

М. Милојевић, Путопис дела праве Старе Србије. Београд, 1872 (Са 3 карте).

Ст. Протић, О Маћедонији и Маћедонцима. Београд, 1888.

Nikolaides, Macedonien. Berlin, 1899.

С. С. Бобчевъ, Письма о Македоніи и македонскомъ вопросѣ. Спб. 1899.

І. П. Рогановичъ, Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики. Казань, 1900.

К. Кънчевъ, Населеніе Македоніи (Живая Старина XI. вып 1. 3—4).

Victor Bérard, La Macedoine. Paris, 1900.

L. Niederle, Macedonská otázka. Praha, 1900.

Б. Пушић, Обала Охридскога језера. Београд, 1894.

А. А. Башмаковъ, 1) Поѣздка въ Македонію (Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества. Т. XXXVII Съ картой западной Македоніи); 2) (псевдонимъ «Вѣщій Олегъ»), Болгарія и Македонія. Спб. 1903.

К. П. Мисирковъ, За Македонцкитѣ работи. София, 1903.

K. Gersin, Macedonien und das Turkische Problem. Wien, 1903.

Oestreich, Die Bevölkerung von Makedonien. (Geographische Zeitschrift. 1905).

Іов. Цвиичъ, 1) Македонскіе Славяне. Этнографическія изслѣдованія. Спб. 1906 (Славянская Библіотека доктора философіи Ивана Ст. Шайковича. Вып. I); 2) Проматрања о етнографији Македонских Словена. 2-е изд. Београд, 1906. 3) Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. У Београду, 1906.

Иширковъ, 1) Антропогеографски бележки върху Балканския полуостровъ («Българский Прѣгледъ» IV); 2) Цвиичовитѣ възгледи върху етнографията на Македоня. София 1906 (Периодическо Списание, кн. LXVII); 3) Ромънска Доброжа (Българский Прѣгледъ V, кн. 4).

Ст. Новаковић, Два дана у Скопљу. Белешке и размишљања с пута (Годишњица Николе Чупића, XXV. 1906.

Ив. Иванић, Маћедонија и Маћедонци. Путописне белешке са географском, етнографском, статистичком и привредно-трговичком грађом. Београд, 1906.

П. Славейковъ, 1) Нѣколко думи за шопитѣ (Периодическо Списание 1886, кн. IX) 2) Рупското и Рупаланското българско население и нарѣчие («Наука» 1882, II).

П. Сырку, Рупаланы или Рупцы («Филологическія Записки». Воронежъ, 1883).

Хр. П. Константиновъ, 1) Краището Бабекъ въ Родопскитѣ планини (Сборникъ за народни умотворения, IX); 2) Пътуванье по долинитѣ на Струма, Места и Брѣгальница (Тамъ же, X); 3) Изъ Родопитѣ. Рупчосъ (Период. Спис. XXXIII—XXXIV, 1888); 4) Чепино (Сборн. за нар. умотв. III—IV, 1890—1891).

А. Теодоровъ, Родопското нарѣчіе. Харьковъ, 1906 (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, посвященный памяти проф. М. С. Дринова).

Недѣлевъ, Родопскитѣ помаци (Българский Прѣгледъ II, кн. 8).

Шишковъ, Животътъ на Българитѣ въ средня Родопа. Пловдивъ, 1886.

Добруски, Нѣколко свѣдѣния за истурчванието Родопскитѣ Българе (Период. Спис. XXI—XXII, 1887).

Т. Карайововъ, Материали за изучване Одринския вилаетъ (Сборникъ за народни умотворения, кн. XIX).

Л. Милетичъ, 1) *Нашитѣ Павликяне* (Сборникъ за народни умотворения, XIX); 2) Седмиградскитѣ Българи (Тамъ же, XIII); 3) Заселението на католишкитѣ Българи въ Седмиградско и Банатъ (Тамъ же XIV); 4) На гости у банатскитѣ Българи (Българский Прѣгледъ III, кн. 1—2); 5) У седимиградскитѣ Българи (Тамъ же VII, кн. 6).

Geza Czirbusz, Die Südungarischen Bulgaren. Wien und Teschen, 1884 (Die Völker Oesterreich-Ungarns Bd. XI). Болгарскій переводъ въ Периодич. Спис. XII—XIV.

Dr. L. Pič und Dr. A. Amlacher, Die Daciscen Slawen und Csergeder Bulgaren (Věstnik Kralovské Česke Společnosti nauk. Roč. 1887) V Praze, 1888.

Fr. Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Wien, 1856.

G. *Weigand*, Bulgarische Siedelungen in Rumänien (Globus LXXVIII. 117) 1900).

А. Скальковскій, Болгарскія колоніи въ Бессарабіи. Одесса, 1848.

Иовъ Титоровъ, Българитѣ въ Бесарабия. София, 1905.

Державинъ, Болгарскія колоніи на югѣ Россіи (Славянскія Извѣстія 1905—1906 г.).

А. Музыченко, Болгары—поселенцы Крыма (Лѣтопись Истор-фил. общ. при Новорос. унив. VI, 1901).

В. А. Мошковъ, 1) Гагаузы Бендерскаго уѣзда (Этнографическое Обозрѣніе 1900—1903 г. (Кн. 44, 48, 49, 51, 54. 55); 2) Турецкія

племена на Балканскомъ полуостровѣ. Спб. 1904 (Извѣстія Импер. Рус. Геогр. Общ., т. XI, в. 3).

В. Кънчевъ, Изъ Мала Азия. Пътуванье къмъ българските колонии (Български Прѣгледъ V, кн. 8).

П. Безсоновъ, Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгаръ. М. 1855. Вып. 1—2 (Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, XXI, XXII).

С. Верковић, Народне песме Македонских Бугара. У Београду, 1860.

Миладиновци Дм. и К. Български народни пѣсни. Загребъ 1861. 2-е изд. Софія, 1891.

Dozon, Български народни пѣсни. Chansons populaires bulgares inédites. Paris, 1875.

В. Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ. Спб. 1882.

Шишковъ, Родопски старини. Кн. I—IV. Пловдивъ 1887—1892.

К. Шапкаревъ, Сборникъ отъ български народни умотворения. 1891—1892.

А. Теодоровъ, Западнитѣ български говори (Периодическо Списание, 1886. Кн XIX—XX).

Д ръ Б. Цоневъ, 1) Уводъ въ историята на българскій езикъ. Прѣгледъ върху българскитѣ говори. Български езикъ къмъ другитѣ славянски езици. София, 1901 и 1903 (Сборникъ за народни умотворения кн. XVIII и XIX); 2) Отчетъ о научной командировкѣ въ сборн. Извѣстия на командировкитѣ на Министерството на народното просвѣщение, Кн. I. София 1904.

Байкушевъ, Докладъ до Н. Ц. В. кн. Фердинандъ I по научната экскурсия въ Македония. Пловдивъ, 1900.

Dr. L. Miletič, 1) Das Ostbulgarische. Mit einer Karte. Wien, 1903 (Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung I Südslavische Dialektstudien, H. I). Поправки и дополненія къ этому труду сдѣланы проф. *Б. Цоневымъ* въ Сборн. за народни умотвор. кн. XX; 2) Източнитѣ български говори (Сборникъ за народни умотворения 1905, кн. XXI); 3) Най-нови изслѣдвания по етнографията на гагаузи-тѣ (Периодич.

Спис. LXVI); 4) Ловчанските помаци (Български Прѣгледъ V кн. 5); 5) Преселването на малоазийскитѣ българи въ княжеството (Тамъ же V, кн. 7).

Ст. Новаковић, 1) ћ и ђ у македонским народним дијалектима (Глас српске краљевске Академије. Београд. XII. 1889; 2) Ein Beitrag zur Kunde der Macedonischen Dialekte (Archiv für Slavische Phil logie. Bd. XII—XV.

Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію ч. I, Кіевъ 1895. Болгарскій языкъ.

П. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. М. 1893.

А. Теодоровъ, Българска литература. Пловдивъ, 1896.

Главнѣйшія періодическія изданія, содержащія матеріалы, изслѣдованія и библіографическія указанія по этнографическому изученію болгарскаго народа.

Периодическо Списание на Българско-то книжовно дружество. София.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. София. Кн. I—XXI (Первоначально издавался болгарскимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а съ XIX-го тома «Литературнымъ Обществомъ» (Книжовно Дружество).

Българский Прѣгледъ. София.

Българска Сбирка (съ 1894 г.). София.

Наука. Пловдивъ.

Жива Старина.

Годопски напредъкъ. Село Чепеларе.

Мисълъ. София.

Книжици за прочитъ. Солунъ.

Библиотека. Пловдивъ (съ 1894 г.).

IV.

Сербо-Хорваты или Сербы и Хорваты[1]).

1. Сербо-хорватская область и ея границы.

Сербо-хорваты обитаютъ главнымъ образомъ въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ, между рр. Савой и Дравой, а также кое-гдѣ по лѣвому берегу Дравы, по лѣвому берегу Дуная на протяженіи отъ устья р. Пека до Могача, по низовьямъ р. Тисы, въ восточной части полуострова Истріи и на многочисленныхъ островахъ Адріатики, прилегающихъ къ Приморью и Далмаціи. Приблизительно точно предѣлы сербо-хорватской земли можно обозначить слѣдующею пограничной линіей. Начинаясь отъ устья р. Драгони въ Истріи, она направляется вдоль побережья Адріатическаго моря почти до устья Бояны въ Албаніи. Отсюда линія идетъ по западному берегу Скадарскаго озера, въ сѣверной части его сворачиваетъ на В, а затѣмъ ЮВ. и долиной р. Зеты, черезъ города Гусинье и Дьякову доходитъ до Призрена; далѣе поворачиваетъ на Ю. къ Тетову, на В. южнѣе Скопья къ Кратову, потомъ на С. З. къ Враньѣ, откуда на

[1]) *Сербы* и *Хорваты*—два названія одного южно-славянскаго народа, говорящаго однимъ языкомъ, но раздѣленнаго на двѣ крупныя разновидности исторіей, религіей, политическими и культурными отношеніями. Такъ какъ въ настоящемъ изданіи въ основаніе классификаціи славянскихъ народовъ положено различіе по языку, то для данной народности удобнѣе всего принять, согласно установившейся научной терминологіи общее сложное наименованіе „Сербо-Хорваты“.

С.—горами, расположенными на лѣво отъ Болгарской Моравы къ Нишу, черезъ Нишевцы къ Тимоку и Тимокомъ достигаетъ Дуная выше Бдина. Отсюда пограничная черта идетъ нѣсколько южнѣе праваго берега Дуная, занятаго румынами и потомъ поворачиваетъ на С. З. и снова подходитъ къ Дунаю у устья Поречки. Далѣе она переходитъ черезъ Дунай и въ сѣверномъ направленіи тянется черезъ Бѣлую Церковь и Темешваръ до Арада, здѣсь поворачиваетъ на З. къ Сегедину и Баѣ, и затѣмъ на Ю. черезъ Мухачь и Шиклошь къ Дравѣ, идетъ Дравой до границы Штиріи, причемъ захватываетъ нѣсколько поселеній на лѣвомъ берегу Дравы и Муры, наконецъ, вдоль восточныхъ границъ Штиріи и Крайна возвращается къ устью Драгони въ Истріи.

Въ этихъ предѣлахъ сербо-хорваты живутъ болѣе или менѣе сплошной массой. Въ политическомъ отношеніи сербо-хорватская земля не представляетъ единаго цѣлаго и раздѣлена между двумя независимыми южно-славянскими государствами, Турціей и Австро-Венгріей; именно, въ составъ сербо-хорватской территоріи входятъ: 1) Сербское королевство и Черногорское княжество, 2) части турецкихъ провинцій вилайетовъ — новобазарскаго, призренскаго съ Косовымъ Полемъ (т. н. Старая Сербія), скадарскаго и скопійскаго санджака, 3) бывшія турецкія области—Боснія и Герцеговина, отписанныя къ Австріи (по Берлинскому трактату) во временную оккупацію, 4) цислейтанскія (т. е. собственно австрійскія) провинціи Истрія и Далмація и 5) трайслейтанскія (т. е. венгерскія) области—Хорватія, Славонія, Срѣмъ, Бачка, Банатъ и Приморье. Австріи же принадлежатъ прилегающіе къ славянскому берегу Адріатики многочисленные острова, заселенные сербо-хорватскимъ народомъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: Рабъ, Керкъ, Велья, Оссоръ, Брачъ, Хваръ, Млѣтъ, Корчула.

За предѣлами указанной территоріи сербо-хорватская рѣчь слышится въ Венгріи, въ отдѣльныхъ селахъ дальше на сѣверъ до Пресбурга (Пожонь) и Пешта, въ Нижней Австріи на р. Лейтѣ, въ Моравіи (нѣсколько селъ въ зноимскомъ уѣздѣ), въ Италіи—въ Молизскомъ графствѣ (въ джемонскомъ и тарчентскомъ уѣздахъ), кое гдѣ въ при-Дунайской Румыніи, въ западной Македоніи, въ Россіи—въ нѣсколькихъ селахъ елисаветградскаго и александровскаго уѣздовъ херсонской губерніи, и въ Америкѣ.

Границы сербо-хорватской территоріи измѣнялись въ историческое время, но измѣненія эти въ концѣ концовъ не произвели замѣтнаго увеличенія или уменьшенія площади территоріи. Въ средніе вѣка, въ періодъ существованія Сербскаго государства Не-

маничей (XIII—XIV в.) сербскія поселенія шли на юго-востокъ къ Македоніи, распространяясь по всему новобазарскому и приштинскому округамъ и по большей части призренскаго вилайета. Въ турецкую пору, особенно въ XVII и XVIII ст., вслѣдствіе массового выселенія сербовъ изъ этихъ областей ихъ мѣста стали занимать албанцы и, такимъ образомъ, юго-восточные предѣлы сербо-хорватской области значительно сузились. За то въ теченіе того же самаго времени территорія сербо-хорватскаго народа значительно распространилась на сѣверъ, вслѣдствіе массовыхъ переселеній сербовъ въ предѣлы Венгерскаго королевства—въ Банатъ, Славонію и бывшую Военную Границу. Несомнѣнно увеличивалась сербо-хорватская колонизація и на западѣ на счетъ территоріи словинцевъ.

Въ настоящее время сербо-хорваты съ двухъ сторонъ сосѣдятъ съ родственными славянскими народами: на востокѣ съ болгарами, на западѣ съ словинцами. Точное разграниченіе сербохорватской территоріи съ сосѣдними славянскими дѣло трудное: съ каждой стороны существуютъ переходные говоры, пріуроченіе которыхъ къ тому или другому языку служитъ предметомъ спора между мѣстными филологами и патріотами. На востокѣ, въ области р. Тимока, и южнѣе къ Нишу встрѣчается смѣшанное сербо-болгарское населеніе и наблюдаются переходные сербско-болгарскіе говоры. Только какъ приблизительную границу между двумя народами можно принять р. Тимокъ, линію отъ этой рѣки на Нишевцы и Прокопіе и верхнее теченіе Болгарской Моравы до Враньи. Въ сѣверной Македоніи вѣроятную границу между сербами и болгарами должна представлять линія, проходящая приблизительно отъ Осоговскихъ горъ и Кратова къ Тетову[1]). Равнымъ образомъ на западѣ, въ Хорватіи, сербо-хорватскій языкъ сближается въ группѣ говоровъ со словинскимъ языкомъ. Здѣсь наблюдается кайкавское нарѣчіе, имѣющее характеръ переходного и причисляемое то къ сербо-хорватскому, то къ словинскому языку. Наиболѣе близкимъ къ истинѣ нужно считать первое мнѣніе, нашедшее твердое обоснованіе въ новѣйшемъ изслѣдованіи А. М. Лукьяненка (Кайкавское нарѣчіе, Кіевъ 1905). Кайкавское нарѣчіе на ряду со штоаквщиной и чакавщиной слѣдуетъ считать третьимъ нарѣчіемъ сербохорватскаго языка, воспринявшимъ много словинскихъ чертъ, но сохранившимъ, однако, свои характерныя сербо-хорватскія особенности. Поэтому область кайкавщины правильнѣе должна быть включена въ предѣлы сербо-хорватской территоріи.

---

[1]) Ср. выше главу о болгарахъ стр. 63—66.

Въ слабой степени соприкасается сербо-хорватскій народъ съ родственнымъ славянскимъ народомъ и на сѣверѣ. Въ разсѣянныхъ славянскихъ поселкахъ подъ Пресбургомъ и Пештомъ сербохорваты встрѣчаются со словаками, народомъ, принадлежащимъ къ сѣверо-западной вѣтви славянства.

2. Инородцы на сербо-хорватской территоріи.

Кромѣ славянскихъ народовъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ сербохорватами, а отчасти и въ предѣлахъ ихъ территоріи живутъ многіе иноплеменные народы; а именно на югѣ—*албанцы* (со стороны Черногоріи и Старой Сербіи) и *итальянцы* (въ Истріи и Далмаціи), на сѣверо-востокѣ—*румыны* (со стороны Баната и въ сѣверо-восточномъ углу Сербіи), на сѣверѣ—*мадьяры* (вообще въ Венгріи), на сѣверо-западѣ—*нѣмцы* (въ Хорватіи), на юго-востокѣ—*турки* (въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи), *цыгане*.

Наиболѣе значительныя инородческія поселенія на территоріи сербо-хорватскаго народа принадлежатъ албанцамъ и румынамъ. Въ призренскомъ, приштинскомъ, пишскомъ и новобазарскомъ округахъ, а также въ скопійскомъ санджакѣ, въ предѣлахъ т. н. Старой Сербіи и сѣверо-западной Македоніи, тѣхъ областей, которыя нѣкогда служили средоточіемъ политической и культурной жизни сербскаго народа, въ настоящее время господствуетъ *албанская народность*, исповѣдывающая мусульманство и отчасти католицизмъ и являющаяся страшной грозой для сербскихъ поселеній, уцѣлѣвшихъ въ этихъ земляхъ лишь въ видѣ небольшихъ островковъ или смѣшанныхъ съ албанскими поселеніями. Число албанцевъ или арнаутовъ въ указанныхъ округахъ не менѣе 400,000. Ослабленіе въ Старой Сербіи славянскаго населенія и широкое распространеніе въ ней албанской колонизаціи было обусловлено массовыми выселеніями сербовъ изъ родной земли на сѣверъ, въ предѣлы Австро-Венгріи въ XVII и XVIII в. *Румыны* или *влахи* довольно густо заселяютъ сѣверо-восточный уголъ Сербскаго королевства, главнѣйше сѣверныя части черноречѣнскаго и чупрійскаго округовъ. Они составляютъ часть румынскаго народа, живущаго въ непосредственномъ сосѣдствѣ за Дунаемъ, въ Румынскомъ королевствѣ и Банатѣ. Численность ихъ едва ли превышаетъ 100,000.

Итальянскія колоніи встрѣчаются въ Истріи и во всѣхъ далматинскихъ городахъ. Итальянскій языкъ очень распространенъ среди далматинскихъ сербовъ и хорватовъ. Языкъ *мадьярскій*, какъ языкъ государственный, слышится во всѣхъ значительныхъ населенныхъ

мѣстахъ сербо-хорватскихъ областей, входящихъ въ составъ Венгерскаго королевства. *Турки* въ небольшомъ числѣ встрѣчаются во всѣхъ городахъ Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи и Македоніи.

3. Общія и частныя названія сербо-хорватскаго народа.

Сербо-хорватскій народъ разъединенъ не только въ политическомъ отношеніи, но и въ культурномъ. Одна часть его (бóльшая) принадлежитъ къ православному міру, другая—къ католическому, третья къ мусульманскому. Въ однѣхъ частяхъ сербо-хорватской территоріи господствуетъ западная образованность, въ другихъ еще сохраняется славянская первобытность, въ третьихъ замѣтно турецкое вліяніе. Этимъ партикуляризмомъ народа, выражающимся въ столь разнообразныхъ формахъ и отношеніяхъ, объясняется отсутствіе единого общепризнаннаго народнаго имени для всей данной разновидности славянства и обиліе частныхъ мѣстныхъ названій, которыми сами себя именуютъ или которыми именуются со стороны ближайшихъ своихъ сородичей отдѣльныя части народа, единаго по языку.

Сложное наименованіе *сербо-хорваты* или *хорвато-сербы* книжнаго происхожденія, широко распространенный научный терминъ, но оно неизвѣстно народу. Каждое изъ двухъ названій въ отдѣльности,—*сербы*, *хорваты*—служитъ для наименованія лишь одной половины народа и притомъ имѣетъ значеніе не только этнографическое, но и историко-культурное. *Хорватами* называется та часть народа, которая живетъ въ западной половинѣ территоріи, въ предѣлахъ стараго Хорватскаго государства, и исповѣдуетъ римскій католицизмъ. *Сербами* называется преимущественно та часть населенія, которая занимаетъ восточную половину территоріи и исповѣдуетъ православную вѣру. Точное географическое разграниченіе этихъ названій невозможно, такъ какъ и на западѣ не мало сербовъ и, наоборотъ, на востокѣ попадаются хорваты. Хорватскіе политики и публицисты стараются придать болѣе широкое значеніе имени хорватовъ; напротивъ, сербскіе публицисты заботятся о распространеніи имени сербовъ возможно дальше на западъ. Наиболѣе рѣзко выступаетъ это соперничество двухъ названій народа въ Босніи, Герцеговинѣ и Далмаціи. Самымъ существеннымъ признакомъ, разграничивающимъ употребленіе того и другого имени, нужно считать вѣроисповѣдное различіе: хорваты—католики, сербы—преимущественно (но неисключительно) православные.

По мѣсту жительства сербо-хорваты имѣютъ слѣдующія частныя названія: *шумадинцы* (въ Сербскомъ королевствѣ, между Колубарой и Моравой), *браничевцы* (въ пожаревецкомъ и чупрійскомъ округахъ Сербскаго королевства), *мачване* (въ вальевскомъ, шабецкомъ и подринскомъ окр. Сербскаго королевства), *тимочане* (въ долинѣ р. Тимока), *босняки* (бошняци—въ Боснѣ), *герцеговинцы* (херцеговци—въ Герцеговинѣ), *черногорцы* (црногорци—въ Черногоріи), *катуняне, кучи, цермничане, васоевичи, бѣлопавличи, ровчане, пиперы, нѣгуши, озриничи, цуцы, цекличи, бѣлицы, братоножицы, морачане, дробняки, церовичи, ускоки, колашинцы, лѣшняне* (названія частныхъ черногорскихъ племенъ), *далматинцы* (въ Далмаціи), *дубровчане* (жители Дубровника и ближайшихъ его окрестностей), *морлаки* (итал. Morovlachi, т. е. морскіе влахи, обитатели далматинскихъ горъ въ задрскомъ и сплѣтскомъ округахъ, выселенцы изъ Босніи въ XV в.), *ускоки* (въ Далмаціи, потомки старыхъ клискихъ и сеньскихъ ускоковъ), *бодулы* (итал. botolo, насмѣшливое прозвище жителей островов, прилегающихъ къ Далмаціи и Хорватскому Приморью), *брајици* (въ Приморьѣ, выше Будвы, на черногорской границѣ), *брайцы* (между Купой и Доброй, ок. Ожеля и Берлога).

По особенностямъ говора разныя части сербо-хорватскаго народа носятъ главнымъ образомъ три названія: *штокавцы, чакавцы* и *кайкавцы*. Въ основаніи этихъ названій различный выговоръ мѣстоименія *что*: *што, ча* и *кай* (*кај*). Штокавцы занимаютъ большую часть сербо-хорватской области; чакавцы въ настоящее время удержались въ Истріи, въ Хорватскомъ Приморьѣ, на кварнерскихъ и далматинскихъ островахъ, на югъ до острова Лагосты и кое-гдѣ на материкѣ Далмаціи; кайкавцы живутъ въ жупаніяхъ вараждинской, загребской и крижевецкой, въ сѣверной части бѣловарской жупаніи, въ Междумурьѣ, въ части комитатовъ саладскаго, шомодскаго и крашевскаго, въ сѣверныхъ частяхъ полуострова Истріи и т. н. Хорватскаго Приморья. Болѣе въ научномъ языкѣ, чѣмъ въ жизни употребительны другія названія, указывающія на діалектическое различіе среди сербо-хорватовъ: *е-кавцы, ије-кавцы (је-кавцы), и-кавцы ê-кавцы*. Въ основаніи этихъ названій лежитъ различный выговоръ праслав. *ѣ*: широкое *е* на востокѣ (*лепо*) *ије, је* на югѣ (*лијепо*), *и*—на юго-западѣ (*липо*) узкое *ê*—на западѣ, у кайкавцевъ (*лêпо*).

На вѣроисповѣдное различіе указываютъ слѣдующія названія: *шокцы, буневцы* (*буневци*)—сербы католики въ Банатѣ и Бачкѣ; *латины*—сербы католики въ Босніи (по свидѣтельству А. Ѳ. Гильфердинга), *кршћани*—сербы католики въ противоположность православнымъ, которые ими называются *хришћани*. Сербы, принявшіе мусуль-

манство, главнѣйше въ Босніи и Герцеговинѣ, называются *мухамедовци* и *потурченци*. Сербы католики и мусульмане въ Босніи и Герцоговинѣ называютъ въ насмѣшку сербовъ—православныхъ *влахами*. Въ Далмаціи именемъ *влаховъ* называютъ городскіе жители поселянъ, не придавая, однако, этому имени презрительнаго значенія.

4. Численность сербо-хорватовъ.

Точное опредѣленіе численности сербо-хорватовъ представляетъ большія трудности. Оффиціальныя статистическія данныя для разныхъ сербо-хорватскихъ земель относятся къ различному времени и не отличаются новизной. Для областей, входящихъ въ составъ Австро-Венгерской монархіи, такія данныя имѣются отъ 1900, отчасти отъ 1903, для Сербскаго королевства отъ 1905 г. Въ оккупаціонныхъ провиніяхъ Босніи и Герцеговины послѣдняя перепись населенія была произведена болѣе десяти лѣтъ назадъ (въ 1895 г.), въ Черногоріи—въ 1896. Для Старой Сербіи, Македоніи и Скадарскаго вилайета оффиціальныя свѣдѣнія совсѣмъ отсутствуютъ. Не отличаясь особой новизной, данныя оффиціальныхъ источниковъ, сверхъ того, не всегда объективны и достаточно разносторонни. Поэтому, при опредѣленіи численности сербо-хорватовъ необходимо пользоваться, кромѣ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ частными свѣдѣніями и соображеніями, а также принимать во вниманіе постоянный приростъ населенія. Считаясь со всѣми этими обстоятельствами, новѣйшій историкъ-этнографъ славянства проф. Л. Нидерле (Kolik bylo Slovanův koncem r. 1900. V Praze, 1903), такъ исчислилъ сербо-хорватскій народъ для 1900 г.:

въ Австріи	711,382	
„ Венгріи	2,730,749	(Сербовъ 1,052,180, Хорватовъ 1,678.569)
„ Босніи и Герцеговинѣ	1,700,000	
„ Черногоріи	215,000	
„ Сербіи	2,250,000	
„ Старой Сербіи и Македоніи . . .	150,000	
„ Скадарскомъ вилайетѣ	100,000	
„ Америкѣ и прочихъ странахъ . .	250,000	
Всего	8,107,131	

Прибавляя къ этой цифрѣ ок. 100,000 сербовъ мусульманъ въ Старой Сербіи, тяготѣющихъ къ албанцамъ, проф. Нидерле пола-

галъ, что общая численность сербо-хорватовъ въ 1900 г. достигала приблизительно 8,210,000. Но въ дѣйствительности эту цифру, вѣроятно, слѣдовало увеличить еще на 150,000, если относить къ сербамъ славянское населеніе, занимающее сѣверо-западную Македонію, т. е. скопьскую, тетовскую и кратовскую казы.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, а также принимая во вниманіе естественный приростъ населенія за послѣднія шесть лѣтъ при коэфиціентѣ 1,6% (ок. 775,000) и нѣкоторыя новѣйшія данныя, я опредѣляю общую численность сербо-хорватовъ къ концу 1906 г. въ 9,135,000. Цифра эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

въ Сербскомъ королевствѣ . . . . ок.	2,560,000
„ Черногоріи	235,650
„ Босніи и Герцеговинѣ	1,861,200
„ Австріи (въ Истріи, Далмаціи, Нижней Австріи и Моравіи)	779,660
„ Венгріи (въ Хорватскомъ королевствѣ Хорватскомъ Приморьѣ, Банатѣ, Бачкѣ) . . .	2,910,890
„ Старой Сербіи и Македоніи	424,000
„ Скадарскомъ вилайетѣ	109,600
„ Россіи	2,000
„ Италіи	5,000
„ Америкѣ	240,000
„ другихъ странахъ	7,000
Всего	9,135,000

Сколько изъ этого числа приходится на долю сербовъ и сколько на долю хорватовъ, нельзя опредѣлить даже приблизительно въ виду указанной выше невозможности точно разграничить географическое распространеніе этихъ названій. Только для Венгріи имѣются оффиціальныя свѣдѣнія отъ 1900 и 1903 г. По даннымъ 1903 г. въ Венгріи насчитывалось: хорватовъ—1,734,000, сербовъ—1,079,000. Прибавляя къ этимъ числамъ, числа, выражающія естественный приростъ населенія за послѣдніе три года по приведенному разсчету, получаемъ такія цифры: въ предѣлахъ Венгріи хорватовъ 1,783,000, сербовъ 1,127,895. По отношенію къ другимъ землямъ не имѣется подобныхъ данныхъ для отдѣльнаго исчисленія сербовъ и хорватовъ. Нѣкоторымъ критеріемъ для рѣшенія вопроса можетъ служить признакъ вѣроисповѣднаго различія. Во всякомъ случаѣ число сербовъ, господствующихъ во всей восточной,

бо́льшей, половинѣ сербо-хорватской территоріи значительно превышаетъ число хорватовъ.

Только приблизительно извѣстно распредѣленіе сербо-хорватовъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Православные преобладаютъ; общее число ихъ достигаетъ 5,065,000 или болѣе 55%; католиковъ ок. 3,250,000 или 36%, мусульманъ—ок. 820,000 или ок. 9%. Сверхъ того около 2,000 уніатовъ. Въ Сербскомъ королевствѣ и Черногорскомъ княжествѣ почти исключительно православные; въ Босніи и Герцеговинѣ православные (43%) преобладаютъ надъ католиками (22%) и мусульманами (35%). Въ Венгріи, Истріи и Далмаціи берутъ перевѣсъ католики. Недостаетъ точныхъ свѣдѣній относительно Старой Сербіи, Македоніи, Скадарскаго вилайета и Америки. Сербы-мусульмане, живутъ, кромѣ Босніи и Герцеговины, гдѣ составляютъ очень крупную и вліятельную часть населенія (ок. 668,000), также въ Старой Сербіи и сѣверной Македоніи. Общее число ихъ въ этихъ областяхъ превышаетъ 120,000.

5. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи сербо-хорватовъ.

Ни одинъ славянскій народъ не находится въ состояніи столь глубокаго, столь рѣзко выраженнаго національнаго, культурнаго и политическаго разъединенія, какъ то, какое представляютъ сербохорваты. Сама разнообразная природа заселенной ими страны, а еще больше особыя обстоятельства ихъ историческаго прошлаго, несходство дѣйствовавшихъ на народъ политическихъ и культурныхъ вліяній, обусловили этотъ удивительный сербо-хорватскій партикуляризмъ, внесли безконечное разнообразіе въ этническій типъ народа, его характеръ, бытъ, нравы, обычаи и вѣрованія, образованность, политическое положеніе. Одна часть сербо-хорватовъ раскинулась по узкому побережью Адріатическаго моря или на прилегающихъ къ нему многочисленныхъ островахъ, занимаясь главнѣйше рыбной ловлей и мореходствомъ; другая ютится на каменистыхъ почти безплодныхъ высотахъ Черной Горы, съ трудомъ добывая необходимое пропитаніе; третья, осѣвшая на богатыхъ пастбищами склонахъ многочисленныхъ горныхъ кряжей, наполняющихъ западную половину Балканскаго полуострова, ведетъ преимущественно пастушескую жизнь; четвертая занимаетъ плодородныя низменности Дуная и его притоковъ или глубокія котловины въ горахъ, отдаваясь воздѣлыванію земли; наконецъ, кое-гдѣ на западѣ открывается возможность болѣе широкой промышленной и фабричной дѣятельности.

Если разнообразная природа страны оказываетъ извѣстное вліяніе на бытъ, занятія и характеръ народа, то вѣроисповѣдное различіе отражается на всемъ складѣ духовной жизни народа, на его нравственныхъ, общественныхъ, политическихъ идеалахъ и стремленіяхъ. Въ этомъ отношеніи сербо-хорваты совершенно лишены внутренняго единства, принадлежа къ тремъ различнымъ, находящимся въ извѣстномъ антагонизмѣ, мірамъ: восточному-православному, западному-римско-католическому и мусульманскому. Религіозная рознь, имѣющая глубокіе корни въ прошломъ, не только мѣшаетъ упроченію общаго національнаго сознанія между частями единаго народа, но и поддерживаетъ между ними постоянную національную и политическую вражду. Извѣстны чувства непріязни, существующія не только между сербами-мусульманами и христіанами, но между православными и католиками, между сербами и хорватами. Но различіе вѣроисповѣдное есть только одно изъ послѣдствій основного важнѣйшаго фактора исторіи сербо-хорватскаго народа: воздѣйствія на него съ двухъ сторонъ двухъ различныхъ политическихъ и культурныхъ міровъ—западнаго, романо-германскаго и восточнаго, византійскаго. Кромѣ области религіозной это двоякое вліяніе проявилось и въ области государственныхъ, общественныхъ, и экономическихъ отношеній, въ просвѣщеніи, искусствѣ, литературѣ, нравахъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ западные хорваты и восточные сербы шли своими путями, которые лишь въ послѣднее время стали нѣсколько сближаться. Такъ, въ силу сложныхъ историческихъ причинъ прежде болѣе однородный этнографическій и культурный типъ сербо-хорватовъ въ разныхъ мѣстахъ сталъ подвергатсься различнымъ, то болѣе сильнымъ, то менѣе значительнымъ измѣненіямъ. При этомъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что западное вліяніе оказалось болѣе чувствительнымъ и опаснымъ для сохраненія народомъ его исконныхъ славянскихъ особенностей, чѣмъ восточное. Наиболѣе значительные и любопытные остатки славянской народной старины удержались на востокѣ, а не на западѣ сербо-хорватской территоріи. Здѣсь, въ сербскихъ православныхъ земляхъ, уцѣлѣло во всемъ своемъ богатствѣ и разнообразіи роскошное народное пѣсенное творчество; здѣсь по преимуществу сохранились оригинальныя формы славянскаго общественнаго быта (задруга), здѣсь еще вполнѣ живучи старинные славянскіе обряды, народная одежда, обычаи и вѣрованія. И въ земляхъ католическихъ хорватовъ также еще сильна народная струя, но не въ такой степени, какъ на сербскомъ вос-

токъ. Отпечатокъ чужеземныхъ началъ на славянской народности тамъ сильнѣе, замѣтнѣе.

Наконецъ, сербо-хорваты, разъединенные въ культурномъ отношеніи, не представляютъ единаго цѣлаго и въ политическомъ ческомъ отношеніи. Лишь одна, притомъ небольшая часть народа живетъ въ двухъ своихъ маленькихъ государствахъ. Другая, большая часть входитъ въ составъ чужихъ государствъ, Австро-Венгерской монархіи и Турецкой имперіи, при чемъ сербо-хорватскія области, принадлежащія Австро-Венгріи, находятся въ весьма различныхъ политическихъ условіяхъ.

Единственнымъ прочнымъ звеномъ, соединяющимъ всѣ столь разрозненныя части сербо-хорватскаго народа въ одно національное и культурное цѣлое служитъ общій литературный языкъ и созданная на немъ и постоянно развивающаяся литература. Но и это звено, скованное благородными усиліями лучшихъ сыновъ народа въ знаменательную эпоху славянскаго возрожденія въ XIX в., все же, хотя и съ внѣшеней стороны носитъ на себѣ тотъ же отпечатокъ партикуляризма, какимъ отмѣчены всѣ стороны національнаго существованія данной славянской народности. Всѣ сербо-хорваты на всемъ протяженіи занимаемой ими области пользуются однимъ литературнымъ языкомъ, но пишутъ и печатаютъ книги различными азбуками: православные—русской гражданской, измѣненной Вукомъ Караджичемъ, католики—видоизмѣненной латиницей [1]).

Если этническій типъ сербо-хорватскаго народа благодаря лежащимъ на немъ разнообразнымъ историко-культурнымъ наслоеніямъ и политическимъ условіямъ представляется весьма сложнымъ, распадающимся на рядъ характерныхъ разновидностей, то самая главная этнографическая черта народа, его языкъ не представляетъ данныхъ, которыя усиливали бы указанную раздробленность народа и устанавливали бы раздѣленіе его на рѣзко обособленныя діалектологическія группы. Сербо-хорватскій языкъ представляетъ значительное количество говоровъ, которые обыкновенно соединяютъ въ три нарѣчія, получившія свои названія отъ различнаго выговора вопросительнаго мѣстоименія: *штокавщина*, *чакавщина* и *кайкавщина*; но эти нарѣчія по своимъ характернымъ особенностямъ не отличаются между собою особенно рѣзко, въ существенномъ сохраняя общую основу единаго языка. Границы распро-

---

[1]) Сверхъ того небольшая часть сербо-хорватовъ католиковъ пользуется въ церковныхъ книгахъ древней глаголицей, тогда какъ сербы православные сохраняютъ въ богослужебныхъ книгахъ древнюю кириллицу.

страненія каждаго изъ нарѣчій указаны въ общихъ чертахъ выше (стр. 90) Болѣе частное разграниченіе ихъ и уясненіе ихъ взаимныхъ отношеній должно быть изложено въ особой работѣ, посвященной славянской діалектологіи. Самое распространенное нарѣчіе — штокавщина; оно лежитъ и въ основаніи современнаго литературнаго языка. Къ тремъ главнымъ нарѣчіямъ слѣдуетъ присоединить четвертое т. н. *сверлижское*. Оно слышится въ пограничныхъ восточныхъ округахъ Сербскаго королевства (по Тимоку) и кое-гдѣ въ предѣлахъ Старой Сербіи и сѣверной Македоніи и представляетъ переходъ отъ сербскаго къ болгарскому языку[1]).

Политическое положеніе сербо-хорватовъ въ общихъ чертахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Полной политической національной свободой пользуются только 30% народа (ок. 2,800,000). Они успѣли образовать два государства: *Сербское королевство* (сербовъ 90%, главный городъ *Бѣлградъ* (болѣе 60,000 ж.), другіе важнѣйшіе города: Нишъ, Крагуевацъ, Смедерево) и *Черногорское княжество* (Црна Гора, глав. гор. *Цетинье*, всѣхъ жителей ок. 260,000, изъ нихъ сербовъ 235,640).

Всѣ остальные сербо-хорваты—до 70% всего числа—живутъ въ чужихъ государствахъ, главнѣйше въ Австро-Венгріи и Турціи. Австро-Венгрія дѣлится на двѣ автономныя половины: нѣмецкую Цислейтанію и мадьярскую Транслейтанію. На долю первой, т. е. нѣмецкой половины приходится небольшая часть сербо-хорватовъ, всего ок. 780,000, но и эта небольшая часть народа распредѣляется, если не считать незначительныхъ сербо хорватскихъ поселеній въ Нижней Австріи и Моравіи, между двумя провинціями, Истріей и Далмаціей, которыя, однако, не смежны, а раздѣлены между собой т. н. Хорватскимъ Приморьемъ, входящимъ въ составъ Транслейтаніи. Въ Истріи, представляющей особое маркграфство (къ которому относятся и Кварнерскіе острова) и имѣющей свой ландтагъ, сербо-хорватовъ ок. 150,000 (всего населенія ок. 340,000). Преимущественно это обитатели селъ и деревень. Въ городахъ (главн.

[1]) Совершенно новую классификацію сербо-хорватскихъ говоровъ устанавливаетъ профессоръ бѣлградскаго университета А Беличъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ „Діалектологическая карта сербскаго языка" (Спб. 1905). Онъ различаетъ слѣдующія нарѣчія: 1, островско-истрійское; 2, хорватское; 3, зетско-боснійское; 4, центральное (Сремъ, Шумадія); 5, косовско-ресавское и 6, призренско-тимочское. Самая существенная особенность этой классификаціи— подведеніе подъ сербское нарѣчіе всѣхъ западно-болгарскихъ говоровъ, что едва-ли правильно.

Пола, Паренцо, Велья), господствуютъ итальянцы, которымъ и принадлежитъ первенствующая роль какъ въ администраціи, такъ въ культурной и экономической жизни области. Въ Далмаціи сербохорваты въ числѣ до 630,000 составляютъ преобладающее населеніе провинціи, но и здѣсь въ городахъ (главн. Задаръ, Сплѣтъ, Дубровникъ, Трогиръ, Шебеникъ, Которъ) имъ приходится защищать свою народность отъ культурныхъ притязаній итальянцевъ и притѣсненій центральнаго вѣнскаго правительства. Ничтожные по численности, отрѣзанные политическими границами, а отчасти и самой природой страны отъ прочихъ своихъ собратій, истрійскіе и далматинскіе сербо-хорваты посылаютъ въ вѣнскій рейхсратъ всего нѣсколько депутатовъ, которые, конечно, лишены тамъ возможности отстаивать съ успѣхомъ національные интересы своего народа.

Въ другой, мадьярской половинѣ монархіи, въ Транслейтаніи, сербо-хорватовъ ок. 2,910,000. Политическое положеніе ихъ не одинаково. Большинство (ок. 2,200,000), составляющее главное населеніе Хорвато-Славонскаго королевства (Хорватія, Славонія, бывшая Военная граница), пользуется значительной автономіей, обезпечивающей возможность болѣе свободной національной жизни. Здѣсь сербо-хорваты имѣютъ свой сеймъ, свои школы - низшія, среднія и высшія, національный университетъ, Академію Наукъ и другія просвѣтительныя учрежденія. Главный городъ королевства Загребъ имѣетъ значеніе политическаго и культурнаго центра преимущественно хорватовъ. Однако, до полной политической свободы въ Хорвато-Славонскомъ королевствѣ далеко. Успѣхъ политическаго и національнаго развитія королевства тормозится зависимостью мѣстнаго управленія сербо-хорватовъ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ отъ мадьярскаго правительства и будапештскаго сейма, въ который посылаются депутаты и отъ Хорватскаго королевства. Сверхъ того помѣхами къ достиженію болѣе полной политической и національной свободы служатъ постоянныя распри между сербами и хорватами, между православными и католиками, а равно необходимость борьбы съ культурными притязаніями нѣмцевъ (ок. 180,000) и мадьяръ (ок. 90,000), разсѣянныхъ по всѣмъ значительнымъ населеннымъ мѣстамъ королевства.

Меньшинство (ок. 710,000), живущее въ собственной Венгріи, именно въ Темешскомъ банатѣ, находится подъ суровымъ правленіемъ господствующей мадьярской народности и только благодаря нѣкоторымъ національнымъ учрежденіямъ (самостоятельная церковь, церковно-народный соборъ, Сербская Матица, школы) съ трудомъ

отстаиваетъ свое существованіе. Главный политическій и культурный центръ этой части сербства—Новый Садъ (Neusatz). Другой городъ Карловцы—мѣстопребываніе сербскаго патріарха.

Въ особыхъ отношеніяхъ къ Австро-Венгерской монархіи находятся сербо-хорватскія области *Боснія* и *Герцеговина*, въ настоящее время имѣющія ок. 1,863,000 славянскаго населенія. По Берлинскому трактату 1878 г. онѣ предоставлены во временную оккупацію Австро-Венгріи, но эта оккупація продолжается и доселѣ, и обѣ провинціи фактически находятся въ обладаніи австро-венгерскаго императора. Онѣ управляются императорскими намѣстниками и австрійскими чиновниками въ направленіи, клонящемся къ ослабленію православной части населенія и къ широкой пропагандѣ среди него австрійско-нѣмецкой культуры. Главные политическіе и культурные центры провинцій—Сараево и Мостаръ.

Всего подъ владычествомъ Австро-Венгріи сербо-хорватовъ 5,551,760, т. е. ок. 64% всего народа.

Подъ турецкимъ владычествомъ остается сербовъ ок. 530,000, или 5% всего народа. Они разсѣяны въ новобазарскомъ и косовскомъ вилайетахъ (въ т. н. Старой Сербіи), въ скадарскомъ вилайетѣ и въ сѣверной Македоніи. Положеніе этой части народа особенно тяжело вслѣдствіе безправія и анархіи, царящихъ въ государствѣ Османовъ. Наиболѣе угрожаютъ здѣсь сербской народности албанцы, съ которыми болѣе или менѣе солидарны сербы-потурченцы.

Сербо-хорваты, живущіе въ качествѣ колонистовъ въ другихъ государствахъ (въ Америкѣ, Россіи, Румыніи, Болгаріи, Италіи) представляютъ слишкомъ ничтожныя по численности группы, чтобы имѣть какое-нибудь вліяніе на судьбы своего народа, сидящаго на своей коренной землѣ.

Въ виду указанной крайней политической раздробленности сербо-хорватовъ и постояннаго антагонизма между отдѣльными частями народа, имѣющихъ свои корни въ отдаленномъ прошломъ, трудно допустить, чтобы въ близкомъ будущемъ весь сербо-хорватскій народъ могъ достигнуть полной политической свободы и успѣлъ образовать собственное единое государство или по крайней мѣрѣ общій политическій союзъ всѣхъ своихъ разрозненныхъ частей.

6. Литература.

Указанныя выше въ I гл. (стр. 16—18) общія карты славянства Шафарика, Мирковича, Риттиха, Зарянка, Вергуна, Шимачка, и этнографическія карты: а) Балканскаго полуострова—А. Буэ, Лежана, Брадашки, Петермана, Мекензи и Ирби, Киперта, Сакса, Плетершника; б) Австро-Венгріи: Гейфлера, Чёрнига, Фикера, Киперта, Ле-Монье, Гатшки, Гомолки, Ретея, Балога, Гикмана, Де-Волана, Наберта, Ланханса.

М. С. Милојевић, 1) Етнографска мапа Срба и српских (југословенских) земаља. 1873. 2) Народностни и земљописни преглед средног дела праве (Старе) Србије са етнографском мапом српских земаља у кнежевинама: Србији, Црној Гори, Бугарској, краљевини Румунији, Австро-Угорској и Турској царевинама. Београд. 3) Путопис дела праве (старе) Србије. Две книге и 3 карте. Београд. 1872.

Ј Драгашевић, Carte ethnographique de la presque'ile des Balkans dressée d'après les documents historiques et philologiques. 1885.

М. В. Веселиновић, 1) Етнографска мапа Срба (Српство. 1886. 9); 2) Срби у Маћедонији и у јужној Србији 1888.

S. Gopčević, 1) Die ethnographische Verhältnisse Macedoniens und Alt-Serbien's (Petermann's Geographische Mittheilungen 1889. III 59); 2) Alt-Serbien und Macedonien. Wien 1890. Русскій переводъ Спб. 1899. Съ картой.

М. Андоновић, Carte ethnographique serbe avec les limites méridonales la de Vielle Serbie et celles de la Serbie du Tsar Douchan. Ancienne édition des étudiants de l'Université de Belgrade revue et corrigée par M. And. Belgrade 1903.

В. Карић. Српска земља са 1 картом. Београд. 1882.

М. В. Веселиновић, Гранични дијалекат међу србима и бугарима. Са 1 картом. Београд. 1-90.

Етнографска карта српских земаља израђена на основи језика, историје, обичаја и појезије. Београд. 1900.

K. Peucker, Makedonien, Alt-Serbien. und Albanien. Wien. 1902.

Другія этнографическія карты Македоніи и изслѣдованія по этнографіи Македоніи, указанныя въ главѣ III. § 8. стр. 79—81.

V. Jagić, 1) Jihoslovane. Obraz historicko-statistický 1864. (Riger, Slovník naučný. Praha) 2) Historija književnosti naroda hrvat-

koga i srbskoga I. Staro doba. Zagreb. 1867. Русскій переводъ М. Петровскаго. Казань. 1871.

Jihoslovane. «Статьи въ чешскомъ изданіи» Ottův Slovník naučný. Praha.

Н. Овсяный, Сербія и Сербы. Спб. 1897.

А. Липовскій, Хорваты. Спб. 1900.

Josef Staré, Die Kroaten im Königreiche Kroatien und Slawonien. Wien und Teschen 1882. (Die Völker Oesterreich-Ungarns Bd. X).

Th. Stefanović, Die Südslaven in Dalmatien und im südlichen Ungarn, in Bosnien und in der Herzegowina. Wien. 1882.

Die Oesterreichisch - ungarische Monarchie in Wort und Bild a) Ungarn. Band II. Die Serben in Süd-Ungarn, v. A. *Hadzsics* Wien. 1891; б) Croatien und Slavonien. Wien 1902; в) Das Kustenland. 1891; г) Dalmatien. 1892; д) Bosnien und Hercègovina 1901.

Dr. J. Цвијић, Насеља српских земаља. Расправе и грађа. Београд. I. 1902. II. 1903. (Етнографски Зборник. Издаје Српска. Краљевска Академија кн. IV, V).

Бдин, Србинство у Европској Турској. Београд. 1903.

Н. Стојановић, Срби и Хрвати. Друго издање. Нови Сад. 1902.

Џерић, 1) О српском имену у западнијем крајевим нашег народа. У Биограду 1901; 2) О српском имену у Старој Србији и у Маћедонији. Београд. 1904.

Ubicini (*et Chopin*) 1) «Provinces Danubiennes (Univers Pittoresque» T. 39); 2) Les Serbes de Turquie, études historiques, statistiques et politiques sur la Principauté de Serbie, le Montenegro et les pays serbes adjacents. Paris. 1865.

А. Ѳ. Гильфердингъ, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1856. (Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 1873); 2) Западные Славяне (Собраніе сочиненій. Т. II).

В. И. Ламанскій, Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи. Спб. 1864.

В. В. Макушевъ, Задунайскіе и адріатическіе славяне. Спб. 1867.

Іов. Гавриловичъ, Рѣчникъ географійско-статистичный Србіе. Бѣлградъ 1846.

F. Kanitz, Serbien. Historisch-ethnographische Reise-studien aus den Jahren 1859—1868 Leipzig. 1868. Новое изданіе 1900 г.

М. Милићевић, 1) Кнежевина Србија. Географија, орографија, хидрографија, топографија, археологија, историја, етнографија, стати-

стика, просвета, култура, управа. У Београду 1875; 2) Краљевина Србија. У Београду. 1884.

Карић, Србија. Опис земље, народа и државе. У Београду. 1888.

Gopčević, Serbien und Serben. Leipzig. 1888.

А. Тита, Serbien. Hannover. 1894.

Coquelle, Le royaume de Serbie. Paris. 1894.

Kohn, Serbien in geo-ethnographisch — administrativ-volkswirthschaflicher und kommerzieller Hinsicht. Zemblin. 1895.

Goubernatis, La Serbie et les Serbes. Paris 1898.

Статистички годишњак краљевине Србије. Кн. I—VI.

Статистика краљевине Србије. Кн. 23—24: Попис становништва у Краљевини Србији 31 Децембра 1900 г.

G. Weigand, Die Rumänen in Serbien (Globus T. LXXVII № 17).

М. Радивојевић, Путовоћа кроз Србију. Београд 1899.

Подробныя карты Сербскаго королевства изданы Сербскимъ генеральнымъ штабомъ, въ масштабахъ 1 : 200,000 и 1 : 750,000.

П. Балкански, (Агатоновић), Српски народ у Скопљанској епархији и његове школе у 1896—97 г. Београд. 1899.

Бр. Нушић, Косово. Опис земље и народа, издање со сликама. Нови Сад. 1902.

Ал. С. Iовановић, Врања и њено Поморавље. («Дело» кн. XX).

Ст. Новаковић, Два дана у Скопљу. Белешке и размишљања с пута. Годишњица Николе Чупића XXV. 1906).

А. Ровинскій, Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. География, исторія, этнографія, археологія, современное положеніе. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. I. 1885. II. 1897.

В. Караджичъ, Montenegro und Montenegriener. Stuttgart, 1837.

Е. Ковалевскій, Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Спб. 1841.

А. Поповъ, Путешествіе въ Черногорію. Спб. 1847.

Wilkinson, Dalmatia and Montenegro. London. 1848. Нѣмецкій переводъ. Leipzig. 1849.

Paić und Scherb, Crnagora. Eine umfassende Schilderung des Landes und der Bewohner v. Montenegro. Agram. 1851.

J. Kohl, Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro. Dresden 1851, изд. 2-е 1856.

X. Marmier, Lettres sur l'Adriatique et le Montenegro 1854.

Арх. Н. Дучић. Црна гора (Гласник Српског ученог Друштва. 1874. XL). Извлеченія въ кіевскомъ «Славянскомъ Ежегодникѣ». 1878.

G. Rasch, Vom Schwarzen Berge. Dresden. 1875.

Frilley et Jowan Wlahovitz, Le Montenegro contemporain. Русскій переводъ: Современная Черногорія. Спб. 1876.

Sp. Gopčević, Montenegro und Montenegriner. Leipzig. 1877.

К. Петковичъ, Черногорія и Черногорцы. Спб. 1877.

B. Schwarz, Montenegro. 2-е изд. Leipzig. 1888.

Бар. Каульбарсъ, Замѣтки о Черногоріи. Спб. 1881.

Hassert, Reise durch Moutenegro, Wien. 1893.

Л. Ненадовић, Писма о Црногорцима. (Целокупна дела. кн. 16—19. Београд 1892—1896).

J. Holeček, Na Černou Horu a Černa hora koncem věku V Praze. 1899.

K. Hassert, Reise durch Montenegro im Sommer 1900 (Mittheilungen d. k. k. Geogr. Gesel. in Wien XLIV).

Jensen, 1) Montenegro (Ordoch bild. Stockholms X. 1901) 2) Ragusa (тамъ-же).

Подробныя карты Черногоріи изданы: 1) Русскимъ генеральнымъ штабомъ; 2) П. А. Ровинскимъ при указанномъ выше его монументальномъ сочиненіи о Черногоріи; 3) Военно - Топографическимъ Институтомъ въ Вѣнѣ. (1893 г. на 19 листахъ).

Л. Березинъ, Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница. Спб. 1879.

V. Klaić, Opis zemalja u kojih obitavaju Hrvati. Zagreb. 1880—1883.

Fr. Krauss, 1) Die Vereinigten Königreiche Kroatien und Slawonien. Wien. 1889; 2) Sitte und Brauch des Südslawen. Wien. 1885.

Hranilović Hir. 1) Zemljopisni i narodopisni opis kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Zagreb 2) Zemljopis Hrvatske. Zagreb.

М. Цар, Низ родно приморье. Слике и утисци са Јадрана-Мостар. 1899.

Пико, Срби у Угарској. I. II. Београд. 1883.

Petter, Das Königreich Dalmatien. Wien. 1857.

H. Bidermann, O etnografiji Dalmacie.

Kukuljević-Sakcinskij, Putne uspomene iz Hrvatske, Dalmacije i t. d. Zagreb 1873.

Noë, Dalmatien. Berlin 1870.

De Nolhac, La Dalmatie París. 1882.

Jackson, Dalmatia, The Quarnero und Istria. Oxford. 1887.

J. Modrić, La Dalmazia. Turino. 1891.

M. Czerminski, W Dalmaciji i Czarnogórze. Tekst ozdobiony 75 rycinami, planem i dwoma mapkami. W Krakowie. 1896.

Иванић, Буњевци и шокци у Бачкој Барањи и Лици. Историја, етнографија, култура, друштвено, бројно и привредно стање, етничке особине. Београд 1899.

(*Matija Mažuranić*), Pogled u Bosnu ili kratak put u onu krajinu učinjen (1839—1840) po jednom domorodcu. U Zagrebu 1892.

Jukić, Zemljopis i poviestnica Bosne. Zagreb. 1851.

G. Tömmel, Beschreibung des Vilayet Bosnien. Wien. 1867.

J. Roskievicz, Studien über Bosnien und die Herzegowina. Leipzig. 1868.

Н. Поповъ, Положеніе райи въ современной Босніи 1875. (Славянскій Сборникъ. Т. I. Спб.).

A. v. Schweiger-Lerchenfeld, Bosnien. Das Land und seine Bewohner. 2-te Auflage. Wien. 1879.

A. Strausz, Bosnien. Land und Leute. Historisch-ethnographisch-geographische Schilderung. Wien. I. 1882. II. 1884.

Bosniens Gegenwart und nächste Zukunft. Leipzig F. A. Brockhaus. 1886.

Bosnien unter österreichisch-ungarischer Verwaltung. Leipzig. 1886. (Verlag von Dunker und Humbolt).

Joh. v. Asboth, Bosnien und die Herzegovina. Reisebilder und Studien. Wien. 1887.

Robert Munro, Rambles und studies in Bosnia, Hercegovina und Dalmatia. Edinburgh und London. 1896.

G. Capus, A travers la Bosnie et l'Herzegovine Paris. 1896.

H. Renner, Durch Bosnien und die Herzegovina, Kreuz und Quer Berlin. 1897.

J. Holeček, Bosna und Hercegovina za okupace. V. Praze. 1901

B. Nikaschinovitsch, Bosnien und die Herzegowina unter der Verwaltung der österreichisch-ungarischen Monarchie und die österreichisch—ungarische Balkanpolitik. I. Bd. Berlin. 1901. По сербски: Босна и Херцеговина. Београд. 1901.

Харузинъ, Боснія и Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро Венгріи. Спб. 1901.

Louis Olivier, La Bosnie et l'Herzégovine 4⁰. Paris. 1901.

André Barr, La Bosnie-Herzegovine. Administration autrichien de 1878 à 1903. Paris.

И. Александровъ, Юдоль славянскихъ страданій. 25-тилѣтніе итоги австрійской оккупаціи Босны-Герцеговины (Славянскія Извѣстія. 1906. № 3).

Hauptresultate der Volkszählung in Bosnien und Herzegowina von 22 April 1895. Sarajevo. 1896.

Baudouin de Courtenay, Slovane v Italii (Slovanský sbornik III. 1884).

Р. Ковачић, Српске насеобине у јужној Италији. (Гласник српског ученог друштва 62. (1885).

Oesterreichische Statistik, heraüsgegeben von d. K. K. Statistischen Central-Commissíon, особ. Bd. LXIII.

J. Vargy, Volkszählung in den Ländern der ungarischen Krone im J. 1900. I. Budapest. 1902.

Другіе труды по этнографіи и статистикѣ Австро-Венгріи, указанные выше въ ч. I § 7 стр. 20—21.

Вук Караџић, 1) Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона 1849; 2) Живот и обичаје укупног народа српскога; 3) Српске народне песме; 4) Српски рјечник. У Бечу 1818. 3-е изд. у Београду 1898. Ново «државно издање Вукових списа» у Биограду съ 1893 г.

Rajacsics, Das Leben, die Sitten und Gebräuche der im Kaiserthum Oesterreich lebenden Südslaven. Wien. 1873.

М. Медаковић, Живот и обичаји Црногораца. Нови Сад. 1860.

М. Миличевић, Живот Срба сељака (Гласник српског ученого друштва XXII. XXXVII). Новое изданіе: Српски Етнографски Зборник кн. I.

И. С. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ въ Призренѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ. Спб. 1886. 2-е изд. 1889.

V. Jagić, 1) Ein Kapitel aus der Geschichte der Südslavischen Sprachen (Archiv fur Slavische Philologie. Bd. XVII. 1895); 2) Einige Streitfragen (Тамъ-же, XX, XXII).

Даничић, Разлике између језика српскога и хрватскога (Гласник IX).

M. Rešetar, Die Čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen. 1891. (Archiv für Slavische Philologie XIII).

А. Лукьяненко, Кайкавское нарѣчіе. Кіевъ. 1905.

Ol. Brock, Die Dialekte des südlischsten Serbiens. (Kaiserliche Akademie der Wissenschaften. Wien. Schriften des Balkankomission. Linguistische Abtheilung).

V. Oblak, Macedonische Studien. Wien. 1896. (Sitzungsberichte d. k. Akademie der Wissenschaften Philol-histor. Cl.).

А. Белић, 1) Дијалекти источне и јужне Србије. Београд 1905. (Изданіе Сербской Королевской Академіи); 2) Діалектологическая карта сербскаго языка. Спб., (Сборникъ по славяновѣдѣнію II. 1905).

Мисирковъ, О значеніи Моравскаго или Ресавскаго нарѣчія для современной и исторической этнографіи Балканскаго полуострова. (Живая Старина VII, 483).

Т. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. Т. I. Кіевъ. 1895. (Сербо-Хорватскій языкъ).

Главнѣйшія періодическія изданія, содержащія матеріалы, изслѣдованія и библіографическія указанія по этнографическому изученію сербо-хорватскаго народа.

Сербски Лѣтопись (съ 1825 г.), впослѣдствіи *Летопис Матице српске*. Новый Садъ.

Гласник Друштва србске словесности (съ 1847 г.), впослѣдствіи *Гласник српског ученог друштва*. Бѣлградъ.

Glasnik Matice Dalmatinske u Zadru.

«Глас» Српске Краљевске Академије. Бѣлградъ съ 1887 г.

Споменик Српске Краљевске Академије. Бѣлградъ.

Српски етнографски зборник. Бѣлградъ.

Rad Jugoslvaenske Akademije znanosti i umjetnosti. Загребъ (съ 1867 года).

Sbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Na sviet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Загребъ (съ 1896 г.).

Književnik, Časopis za jezik i poviest hrvatskn i srbsku i prirodne znanosti. Podporom Matice ilirske uredjuju i izdaju Dr. Fr. Rački, V. Jagić, J. Torbar. Загребъ. (1864—1866).

Сербско-Далматинскій Магазинъ. Задръ (1836—1867).

Годишњица Николе Чупића. Бѣлградъ (съ 1877 г.).

Vijenac zabavi i pouci. Загребъ (съ 1869).

Јавор. Лист за забаву, поуку и књижевност. Новый Садъ (1874—1892).

Отаџбина. Књижевност, наука, друштвени живот. Бѣлградъ. 1882—1892.

Дело. Лист за науку, књижевност и друштвени живот. Бѣлградъ. (съ 1893 г.).

Бранково Коло. Новый Садъ.

Наставник. Лист професорског друштва. Бѣлградъ.

Просветни Гласник. Бѣлградъ.

Nastawni Vjesnik. Zagreb.

Glasnik zemaljskoga muzeja u Bosni i Hercegovini. Сараево (съ 1886 г.).

Босанска Вила. Лист за забаву, науку и књижевност. Сараево. (съ 1886).

Nada. Sarajevo.

Караџић. Лист за српски народни живот, обичаје и предање. Алексинацъ (съ 1899 г.).

Српски књижевни гласник. Бѣлградъ.

Братство. Књиге Друштва Светог Саве. Бѣлградъ.

Prosvjeta. List za zabavu, znanost i umjetnost. Zagreb.

Луча. Књижевни лист. Цетинье.

V.

Словинцы (Словенцы).[1]

1. Словинская область и ея границы.

Словинцы—небольшой народъ, обитающій на западъ отъ сербохорватовъ, въ горной странѣ Штирійскихъ и Карнійскихъ Альповъ, Триглава и плоскогорья Краса (Карста). Приблизительно точно предѣлы земли словинцевъ обозначаются слѣдующей пограничной линіей. Начинаясь у Кота на лѣвомъ берегу Муры, недалеко отъ угро-штирійской границы, она направляется къ сѣверу отъ Дольней Лендавы черезъ Ходожъ къ С.-Готгарду на Рабѣ, оттуда на ЮЗ. черезъ словинское село Горицу вступаетъ въ Штирію, у Радгоны переходитъ Муру, идетъ водораздѣломъ между Мурой и Щавницей, снова переходитъ Муру у Цмурка и, черезъ Гомилскую долину, между Лучанами и Арвежемъ по горѣ Реншнику, южнѣе Св. Ловренца и Соботы достигаетъ хорутано-штирійской границы; въ Хорутаніи (Каринтіи) пограничная черта идетъ къ Лаводу на Дравѣ, черезъ Дубъ, С.-Мартинъ, св. Кольманъ, подымается на С. до Кнежа и Декши, захватываетъ поселенія св. Грегоръ, Темань, Варповесъ, черезъ Госпосвятское поле, мимо Сморовчицъ (нѣмецкій), Великаго

---

[1]) Настоящее народное имя — *словенцы*. Другое названіе *„словинцы“*, болѣе распространенное въ русской ученой литературѣ, книжнаго происхожденія. Послѣднее, однако, предпочитается, такъ какъ производное отъ него прилагательное „словинскій“ устраняетъ возможность смѣшенія данной разновидности славянства съ угорскими словаками, которые образуютъ имя прилагательное отъ своего народнаго имени—*словенскій*, т. е. совершенно такъ, какъ и словенцы.

Дола и Порочицъ направляется въ Целовецкій округъ къ Костаньѣ надъ Осояпскимъ озеромъ, между св. Ленартомъ и нѣм. Сухой (Zauchen), вдоль нижней Зилы, мимо нѣм. Топлицъ подъ Бѣлякомъ, по склону Доброшской планины черезъ с. Модринью, мимо нѣмецкаго Понтебла къ итальянской границѣ. Перейдя послѣднюю, линія захватываетъ Резьянскую долину, направляется черезъ Терчетъ, Св. Гору къ Кормину, гдѣ совпадаетъ съ границей Горицкой области; оттуда мимо селъ Мирникъ, Медона, Церово, черезъ Сочу, села Здравшину и Добердобъ, близъ Тержича достигаетъ недалеко отъ Дивина (у Штивани) морского берега; далѣе идетъ берегомъ моря, минуя Тріестъ, имѣющій смѣшанное населеніе, и итальянскіе города Муджіа, Капо д'Истріа, Изола, Пирано, къ рѣкѣ Драгони, долиной Драгони, черезъ Пасьякъ и Елшане достигаетъ Крайна и направляется вдоль областной крайнской и штирійской границы на СВ. къ Коту на угро-штирійской границѣ, не захватывая лишь нѣсколькихъ селъ (Бояна, Марьинъ Долъ, Прелока, Храстъ и нѣсколькихъ чакавскихъ поселковъ около Костаньевицы), лежащихъ на западъ отъ этой границы и заселенныхъ хорватами.

Такъ называемыхъ кайкавцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Хорватіи и Венгріи, относимыхъ нѣкоторыми къ словинцамъ, правильнѣе считать разновидностью сербо-хорватскаго народа. (См. гл. IV § 3, стр. 87).

Такимъ образомъ, словинцы живутъ главнымъ образомъ въ цислейтанскихъ провинціяхъ Австріи и отчасти въ Венгріи и Италіи. Именно, въ Австріи они занимаютъ весь Крайнъ, южныя части Штиріи и Хорутаніи, Горицу, Градиску и сѣверную часть Истріи; въ Венгріи—части жупаній саладской, желѣзной и веспримской; въ Италіи—Резьянскую долину въ удинскомъ округѣ или т. н. Фріуль (по слов. Фурлянско), въ пяти уѣздахъ Видемской префектуры (Моджіо, Кремона, Тарченто, Чивидале, Санъ-Пьетро). Въ указанныхъ предѣлахъ площадь словинской области занимаетъ около 437 квадр. миль. За границами этой области немногочисленныя словинскія поселенія спорадически встрѣчаются въ нѣмецкой Штиріи и Хорутаніи, а также въ Истріи южнѣе р. Драгони.

Въ старыя времена, на зарѣ славянской исторіи, словинцы занимали болѣе обширную территорію. Они населяли всю Хорутанію, всю Штирію, Ракусы (собств. Австрію) на правомъ берегу Дуная, часть Зальцбурга и Тироля. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ письменные историческіе памятники, такъ и сохранившіяся въ этихъ областяхъ, теперь уже занятыхъ нѣмцами, многочисленныя мѣстныя славянскія названія. Ранняя утрата политической

самостоятельности (VIII—IX в.в.) и подчиненіе сильнымъ сосѣдямъ-иноплеменникамъ вызвали постепенное уменьшеніе словинской территоріи, представляющей въ настоящее время тѣ скромные размѣры, какіе указаны выше.

Съ двухъ сторонъ, восточной и южной (въ Штиріи, Каринтіи и Истріи), словинцы сосѣдятъ съ родственнымъ хорватскимъ народомъ. Естественнымъ переходомъ и связью между словинскимъ и сербо-хорватскимъ языками служитъ кайкавское нарѣчіе. Съ остальныхъ сторонъ и на значительно большемъ протяженіи къ словинцамъ примыкаютъ иноплеменные народы: на югѣ и юго-западѣ (Тріестъ, Горица и Градиска)—итальянцы и фурляны, на сѣверо-западѣ и сѣверѣ (Хорутанія и Штирія)—нѣмцы, на сѣверо-востокѣ (въ Венгріи)—мадьяры. По отношенію къ нѣмцамъ идеальную границу составляетъ линія отъ Понтебла на хорутано-итальянской границѣ до Радгоны на штирійско-венгерской: на альпійскихъ кряжахъ словинцы переходятъ за эту границу, въ равнинахъ же уступаютъ нѣмцамъ. Нѣмцы, въ теченіе вѣковъ захватившіе обширныя земли, нѣкогда занятыя словинцами, продолжаютъ распространять свои колоніи и на нынѣшней словинской территоріи. Особенно численны эти колоніи въ Штиріи и Хорутаніи. Онѣ встрѣчаются здѣсь не только во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ, но кое-гдѣ и въ селахъ. Главные центры политической и культурной жизни Хорутаніи и Штиріи—Цѣловецъ (Клагенфуртъ, словинцевъ 7,17%), Мариборъ (Марбургъ, словинцевъ 17,32%), Целье (Цилли, словинцевъ 22,64%), не говоря уже о лежащемъ за предѣлами нынѣшней словинской территоріи Градцѣ (Грацъ, словинцевъ 1,16%), главномъ городѣ Штиріи, имѣютъ господствующее нѣмецкое населеніе. Наиболѣе словинской областью является Крайнъ (словинцевъ 94,24% по переписи 1900 г.), но и въ этой области, въ юго-восточномъ углу ея, имѣется большой нѣмецкій островъ—*Кочевье* (11 кв. миль съ 20 крупными поселками), а въ главномъ городѣ ея Люблянѣ (Лайбахъ) живетъ не мало нѣмцевъ (15,23% на 83,52% словинцевъ). Не только въ Штиріи и Хорутаніи, но и въ наиболѣе славянской Крайнѣ нѣмецкій языкъ играетъ первенствующую роль, какъ органъ высшей образованности, администраціи и общественной жизни. На западѣ, въ Горицѣ, Тріестѣ и по морскому побережью такую же роль носителей высшей образованности по отношенію къ словинцамъ выполняютъ итальянцы, распространяющіе свои поселенія и свой языкъ на словинской землѣ. Терстъ или Тріестъ—совсѣмъ итальянскій городъ, въ Горицѣ (Гёрцъ) и Градишкѣ господствующее населеніе фріульцы. Словинцы, живущіе въ собственной Венгріи,

стѣснены съ запада и сѣвера нѣмцами, а съ востока мадьярами. Каждая изъ этихъ народностей имѣетъ свои, разбросанныя тамъ-сямъ, поселки на словинской землѣ и стремится то къ политическому, то къ культурному господству въ странѣ.

2. Общія и частныя названія народа.

Древнее народное имя *словенцевъ* въ настоящее время не въ равной степени распространено на словинской территоріи. Оно держится преимущественно въ Штиріи, Хорутаніи и Приморьѣ; но въ Крайнѣ, гдѣ особенно сильна словинская народность, простой народъ называетъ свой языкъ не *словенскимъ*, какъ въ другихъ поименованныхъ областяхъ, а *„краинскимъ“*. Вмѣсто общаго племеннаго имени употребительнѣе въ устахъ народа областныя названія: *краинцы, приморцы, корошцы, штайерцы.* Рядомъ съ ними живетъ множество частныхъ мѣстныхъ названій. Въ Хорутаніи, кромѣ общаго областного *корошцы*, особенно извѣстны два названія: *зиляны* въ Зильской долинѣ (Gailthal) на р. Зилѣ; *рожаны* въ Рожнѣ (Rosenthal) по р. Дравѣ. Въ Крайнѣ, жители которой имѣютъ общее имя *крайнцы*, существуетъ еще рядъ частныхъ названій; а именно: 1) въ Верхней Крайнѣ—*горенцы*, въ сѣверо-западной, наиболѣе гористой части страны; *долинцы* въ Кошенской долинѣ Савы; *бохиньцы* въ Бохиньской долинѣ (Bohinj, Wochein); *блейцы* въ блейскомъ уѣздѣ; *полянцы*—въ другихъ болѣе низменныхъ частяхъ области; 2) въ Нижней Крайнѣ (т. е. восточной, лежащей въ басейнѣ р. Грка)--*доленцы*, въ долинѣ р. Грка, *горянцы*, въ наиболѣе гористой части страны, и *бѣлокраинцы*, на границѣ Хорватіи; 3) въ Средней Крайнѣ (на югъ отъ Любляны къ Истріи) живутъ *нотраньцы*, представляющіе нѣсколько подраздѣленій: *пивчане* на р. Пивцѣ, *випавцы* въ Випавской долинѣ, *крашевцы* на Красѣ (Карстъ).—Въ Горицѣ извѣстны *толминцы* или *тминцы*, въ окрестностяхъ гор. Толмина, *бовчане*, близъ гор. Бовца (Bovec, Flitsch).—Въ Штиріи (Штайеръ) живутъ *горичане* въ словинской Горицѣ, *погорцы* въ горахъ на югъ отъ Дравы (Погорье, Bachergebirge), *погорянцы, песничаре*, на Песницѣ, *шавничары* на Шавницѣ, *мурскіе поляне* на Мурскомъ полѣ, *дравскіе полянцы*—въ Птуйской равнинѣ, *халожане* въ Халозахъ, близъ Птуи. Обитатели словинскихъ Горицъ вообще носятъ имя *прлеки.* Словинцы, живущіе въ Италіи, вообще удерживаютъ свое имя *словани*, а въ сѣверной части сверхъ того извѣстны подъ именемъ *резьянъ.*

Въ старыя времена иностранные писатели называли словинцевъ „*Carantani*", по имени главной ихъ области „Carantanum" (Goratan). Русскій лѣтописецъ Несторъ называетъ ихъ *хорутанами*, чешскій Далемилъ *Korutane*; и въ настоящее время вм. корошцевъ кое-гдѣ употребительно названіе *горатанци*. Нѣмцы называютъ словинцевъ, особенно въ Штиріи и Хорутаніи, *виндами* (Winden, Windische Sprache).

3. Численность словинцевъ.

Для 1900 г. проф. Л. Нидерле предположительно опредѣлилъ общее число словицевъ въ 1,450,000. Собранныя имъ данныя указываютъ, что приростъ словинской народности совершается очень медленно, что словинцы съ трудомъ отстаиваютъ свое существованіе въ борьбѣ съ сильными инородческими стихіями и въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ, въ Венгріи, подвергаются опасности полнаго вымиранія. Слѣдовательно, для даннаго времени указанная цифра, основанная отчасти на оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, едва-ли значительно измѣнилась вслѣдствіе естественнаго прироста населенія за истекшія 6 лѣтъ. Слѣдуетъ предполагать, что этотъ приростъ не превышаетъ 25,000. Въ такомъ случаѣ общая численность словинцевъ для 1906 г. опредѣляется приблизительно въ 1,475,000. Это число распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

въ Австріи		ок. 1,200,000
а именно:		
въ Крайнѣ	ок. 478,000	
въ Штиріи	ок. 411,000	
въ Приморьѣ	ок. 215,000	
въ Каринтіи	ок. 91,000	
въ прочихъ провинціяхъ	ок. 5,000	
въ Венгріи и Хорватіи		ок. 103,000
въ Италіи		ок. 42,000
въ Америкѣ		ок. 110,000
въ другихъ земляхъ (особ. въ Германіи)		ок. 20,000
Всего		ок. 1,475,000

4. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи словинцевъ.

Безотрадно прошлое словинскаго народа. Не успѣвъ образовать своего государства, онъ былъ поставленъ въ необходимость за

длинный рядъ вѣковъ сократиться численно, потерять значительную часть своей территоріи и войти въ составъ чужихъ государствъ. Тяжело и современное положеніе словинцевъ, стѣсняемыхъ и угрожаемыхъ съ трехъ сторонъ сильными инородческими стихіями. При всемъ томъ и эта одна изъ меньшихъ разновидностей славянскаго племени еще въ достаточной степени сохраняетъ свою народную личность, представляя не мало своеобразныхъ этнографическихъ особенностей въ своемъ языкѣ, бытѣ, пѣсняхъ, вѣрованіяхъ и обрядахъ. Гористыя свойства страны, занятой словинцами, значительно помогли народу въ его стремленіи отстоять себя отъ поглощенія нѣмцами и итальянцами. Въ наибольшей чистотѣ словинская народность представлена въ болѣе возвышенныхъ частяхъ Крайна, Штиріи и Хорутаніи; напротивъ, въ долинахъ и на морскомъ побережьѣ открывается болѣе широкій доступъ чужеземнымъ стихіямъ, которыя вообще особенно сильны въ городахъ. Такъ, народный покрой одежды, вообще исчезающій, сохраняется еще у словинцевъ, живущихъ на высотахъ Альповъ и Краса (Карста); у нихъ же наблюдается наибольшее количество народныхъ суевѣрій и бóльшее богатство и своеобразіе народнаго пѣснотворчества, вообще значительно уступающаго сербо-хорватскому пѣснотворчеству.

Главнымъ выраженіемъ народности остается языкъ, отличающійся характерными особенностями среди другихъ славянскихъ языковъ и распадающійся на множество болѣе или менѣе характерныхъ говоровъ. Всѣ словинскіе говоры обыкновенно подводятъ подъ 8 нарѣчій; а именно: 1) нижне-краинское, 2) верхне-краинское; 3) средне-краинское; 4) хорутанское; 5) резьянское; 6) венеціанско-словинское; 7) штирійское (драво-мурское) и 8) угро-словинское. Нижне-краинское нарѣчіе лежитъ въ основаніи современнаго литературнаго языка словинцевъ, объединяющаго въ одно цѣлое всѣ разновидности народа. Словинская литература, небольшая по объему соотвѣтственно малочисленности народа и, однако, представляющая рядъ крупныхъ именъ въ поэзіи (Водникъ, Прешернъ, Вессель-Косесскій, Грегорчичъ, Левстикъ, Ашкерцъ и др.) и наукѣ (Янежичъ, Крекъ, Облакъ, Мурко)[1]), не только служитъ культурнымъ задачамъ народа, но и является однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ защиты его противъ полнаго національнаго обезличенія.

---

[1]) Знаменитые слависты-словинцы Копитаръ и Миклошичъ писали на нѣмецкомъ и отчасти на латинскомъ языкахъ.

Въ политическомъ отношеніи словинцы, живущіе на коренной своей землѣ, не представляютъ единаго цѣлаго. Одна, небольшая, часть ихъ принадлежитъ Итальянскому королевству, другая—Венгріи, а третья, самая большая, обнимающая главную массу словинскаго населенія, входитъ въ составъ Австріи или цислейтанскихъ провинцій монархіи Габсбурговъ. Въ предѣлахъ Австріи словинцы распредѣлены между четырьмя областями, имѣющими свои провинціальные сеймы и свое административное устройство. Только въ Крайнѣ они составляютъ господствующее населеніе; при всемъ томъ и здѣсь первенствующая роль въ управленіи, общественной жизни и школѣ принадлежитъ нѣмецкому языку и нѣмецкой народности. Въ Приморьѣ, Штиріи и Хорутаніи (Каринтіи) словинцы составляютъ меньшинство населенія и по необходимости должны признавать надъ собой господство чужихъ народностей, болѣе сильныхъ въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ: въ Приморьѣ—итальянцевъ, въ Штиріи и Хорутаніи—нѣмцевъ. При такомъ разъединеніи словинцы лишены возможности сообща добиваться правъ для обезпеченія своей народности. Политическій идеалъ народа—образованіе автономной словинской области, которая заключала бы въ себѣ всѣ разъединенныя части словинскаго народа въ Австріи—оказывается трудно исполнимымъ. Главный политическій и культурный центръ словинцевъ—Любляна. Здѣсь находятся важнѣйшія народно-просвѣтительныя общества, какъ Matica Slovenska, Društvo slovenskih pisateljev, Dramatično društvo, Učiteljsko društvo, Zgodovinsko društvo и др., здѣсь лучшія школы съ преподавательскимъ словинскимъ языкомъ, здѣсь выходятъ главнѣйшія политическія и литературныя изданія словинцевъ. Сверхъ того, нѣкоторую роль въ культурно-народной жизни словинцевъ играютъ города: Целовецъ, Мариборъ, Горица, Целья и Тріестъ.

Въ религіозномъ отношеніи словинцы почти всѣ—католики; только ок. 20,000 угорскихъ словинцевъ исповѣдуютъ протестантство.

5. Литература.

Указанныя выше, въ I гл. (стр. 16—18) этнографическія карты: а) всего славянства—Шафарика, Мирковича, Риттиха, Зарянка, Вергупа, Шимачка и б) Австро-Венгріи: Бергхауза, Гейфлера, Чёрнига, Фикера, Киперта, Ле-Моньё, Гатшки, Гомолки, Ретея, Балога, Гикмана, Наберта, Лангханса.

Указанныя выше, въ I гл. (стр. 20—21) труды по этнографіи и новѣйшей статистикѣ Австро-Венгріи: Чёрнига, Фикера, Брахелли, Раухберга, Твардовскаго, Матлековича, Варги, Центральной Статистической комиссіи, въ изд. Oesterreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild.

Jan Majciger in M. Pleteršnik, Slovanstvo. Slovenci (съ картой). V Ljubljani (безъ года).

Langhans, Karte der Verbreitung von Deutschen und Windischen in Südösterreich (въ журн. «Deutsche Erde»).

Ante Beg, Slovensko-nemska meja na Štajerskem. S zemljepisnom načrtom. Ljubljana 1905 (Ср. Slovanský Přehled. VIII. 5. 6. 1906 статья Ад. Черпаго).

Slovenska zemlja, I—IV. Izdala Slovenska Matica v Ljubljani.

Murko, Slovinci въ статьѣ Jihoslovane въ изд. Ottův, Slovník naučny.

И. И. Срезневскій, 1) О словенскихъ нарѣчіяхъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1841); 2) Фріульскіе славяне 1881 (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ т. XXI).

P. Kozler, Slovenski zemljepis. 1854.

J. Šuman, 1) Slovenski Štajer. Ljubljana. 1868. Izdala Matica Slovenska; 2) Die Slovenen. Wien und Teschen. 1881 (Die Völker Oesterreich-Ungarns Bd. X).

В. Ф. Клунъ, Словенцы. Этнографическій очеркъ (Русская Бесѣда. 1857. III).

В. И. Ламанскій, Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи. Спб. 1864.

Die Österreichisch-Ungarische Monarchie, а) Steiermark Wien. 1890; б) Kärnten und Krain. 1891.

Т. Флоринскій, Словенская матица и ея изданія (Университетскія Извѣстія. Кіевъ. 1886).

Hlubek-Weiss, Ein treues Bild des Herzogthums Steiermark. Graz. 1860.

Czoernig, Das Land Görz und Gradisca, geographisch-statistisch-historisch dargestellt. Wien. 1873.

Valvazor, Ehre des Herzogthums Krain. Laibach. 1689. 4 тома. Новое изданіе. 1877.

Dr. K. Glazer, Zgodovina slovenskega slovstva. I D. V Ljubljani. 1894.

Dr. Hofmann von Wallenhof, Steiermark, Kärnten, Krain und Küstenland. 1899 (Der Kampf um das Deutschtum. H. 8).

Kordon, Die windische Frage. Marburg a. D. 1898.

H. Wastian, Der Kampf um Cilli.

A. Hauffer, Die Deutsche Sprachinsel Gottschee.

K. Schober, Die Deutschen in Nieder und Ober-Oesterreich, Salzburg, Steiermark, Kärnten und Krain. Wien und Teschen. 1881.

Gabriel-Louis Saroy, Les nationalités en Autriche-Hongrie. Autour de Trieste: Italiens, Slaves et Allemands. Paris. 1902.

Бодуэнъ де Куртенэ, Резья и Резьяне. Спб. 1876 (Славянскій Сборникъ. Т. III).

Харузинъ, Австрійская Крайна. 1902.

В. Харузина, Крайна. Москва. 1902.

A. Trstenjak, 1) Slovenci na Ogrskem (Ljubljanski Zvon 1904. 4); 2) Slovenci v Šomodski županiji na Ogrskem. Ljubljana. 1905 («Slovenski narod»).

St. Klima, Slovinci v Uhersku. 1906 (Slovanský Přehled. B. VIII. 3 -4. 1906).

Zmago Valjavec, Slovenci v Ameriki. 1902 (Ljubljanski Zvon. 1902).

Dr. Karel Štrekelj, Slovenske narodne pesmi. Izdala in založila Slovenska Matica v Ljubljani. 1900.

Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію. Часть первая. III. Словинскій языкъ. Кіевъ. 1895.

Важнѣйшія періодическія изданія, содержащія статистико-этнографическія свѣдѣнія о Словинцахъ.

Letopis Matice Slovenske. V Ljubljani (съ 1866)

Zbornik znanstvenich in poučnich spisov. Na svetlo daje Slovenska Matica v Ljubljani. I—VI.

Kres. Leposloven in znanstven list. V Celovci (съ 1881).

Ljubljanski Zvon. Leposloven in znanstven list. V Ljubljani (съ 1881).

Časopis za zgodovino in narodopisje. Izdalo Zgodovinsko društvo v Mariboru (съ 1904 г.).

Slovenski prijatel. V Celovci. Izdaje Društvo sv. Mohora (съ 1857 г.).

Slovenski narod. V Ljubljani.

Cvetje z vertov sv. Franciška. Gorica.

Dom in Svet. Ilustrovan list za umetnost in znanstvo. Ljubljana.

Izvestja Muzejskoga Društva za Kranjsko. Ljubljana.

Knjige Družbe sv. Mohorja.

VI.

Чехи.

(Чехо-моравáне).

1. Чешская область и ея предѣлы.

Чехи населяютъ области Австрійской имперіи: Чехію (Čechy Чешское королевство, Богемія), Моравію (Morava, Моравское маркграфство) и небольшія части Силезіи (Slezko, Силезкое герцогство) и Нижней Австріи (Dolní Rakousy). Это страны, расположенныя главнѣйше въ извѣстномъ среднеевропейскомъ четыреугольникѣ, ограниченномъ высокими горами--Чешскимъ лѣсомъ (Šumava) Рудными, Судетами (Krkonoši) и Малыми Карпатами--и орошаемомъ рѣками—Лабой (Эльбой, съ ея притокомъ Волтавой) и Моравой (съ притоками Дыей и Бечвой). Только небольшая часть чешской территоріи лежитъ за этими естественными предѣлами, именно за Судетами по верховьямъ р. Одры (въ Силезіи).

Имя *чеховъ* собственно принадлежитъ славянскимъ обитателямъ Чешскаго королевства и ведетъ происхожденіе отъ племени, обитавшаго по р. Волтавѣ, въ окрестностяхъ Праги, столицы королевства, и положившаго начало политическому и національному объединенію западной части народа. На востокѣ, въ Моравіи, славяне называютъ себя не чехами, а моравáнами или же слывутъ подъ частными названіями *гораковъ, ганаковъ* и *валаховъ.* Простонародныя нарѣчія моравáнъ представляляютъ болѣе или менѣе значительныя отличія отъ нарѣчія чеховъ королевства, но въ школѣ, литературѣ и общественной жизни какъ въ Чехіи, такъ въ Моравіи (а равно въ чешской Силезіи) господствуетъ одинъ общій выработан-

ный вѣками чешскій языкъ или собственная чештина, въ основаніи которой лежитъ нарѣчіе старого племени чеховъ. Съ широкимъ распространеніемъ образованія и укрѣпленіемъ политическаго и національнаго сознанія въ народныхъ массахъ и въ Моравіи имя чеховъ получаетъ широкое право гражданства, какъ общее обозначеніе всего племени [1]).

Во всѣхъ поименованныхъ областяхъ Австріи чехо-мораване живутъ не одни, а совмѣстно съ нѣмцами, которые окружаютъ славянъ съ трехъ сторонъ, съ сѣвера, запада и юга, да и на славянской территоріи имѣютъ не мало поселеній, образуя рядъ значительныхъ острововъ. Это сожительство двухъ народовъ, находящихся въ постоянной борьбѣ между собою, есть результатъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, поставившихъ небольшой чехоморавскій народъ въ близкія отношенія съ сильнымъ германскимъ племенемъ. Въ VIII—IX ст. чехо-мораванамъ, нужно думать, принадлежалъ весь упомянутый географическій четыреугольникъ; но съ теченіемъ времени нѣмцы успѣли овладѣть его окраинами, прилегающими къ горамъ, а также ратпространились и внутри страны. Этнографическія границы чехо-моравской области въ историческое время мѣнялись нѣсколько разъ и въ настоящую пору представляютъ собой очень извилистую линію, точное обозначеніе которой сопряжено съ немалыми трудностями и, между прочимъ, требуетъ длиннаго перечня мѣстныхъ названій. Этимъ, вѣроятно, объясняется, что чехи при всѣхъ заботахъ объ изученіи своего народа еще не издали подробной этнографической карты родной земли.

Приблизительно предѣлы площади, занятой чешскимъ народомъ, можно опредѣлить слѣдующей пограничной линіей. Начинаясь на крайнемъ западѣ у деревни Млинечекъ (въ Ходскомъ окр.), пограничная линія идетъ къ В. черезъ Кубицу, Пецъ, Пострековъ, Гоносицы, Ниряны, Кимицы, Манетинъ, Березно, Райну, Требенице, Терезинъ, теченіемъ Лабы къ Нучинцѣ и отъ Коховицъ къ

---

[1]) Многіе чешскіе и инославянскіе ученые-филологи, этнографы, историки—причисляютъ къ чешской вѣтви славянства также венгерскихъ и моравскихъ словаковъ объединяя ихъ вмѣстѣ съ чехами и мораванами въ одну племенную группу, въ одинъ народъ подъ имемъ *чехо-славянъ*. Я не раздѣляю этого мнѣнія и считаю словаковъ за такую же самостоятельную вѣтвь, какую представляютъ собой чехо-мораване. Главнѣйшія, преимущественно филологическія, данныя для обоснованія такого мнѣнія изложены въ моемъ трудѣ „Лекціи по славянскому языкознанію“ ч. II (Кіевъ. 1897. Стр. 233 и слѣд.). Несомнѣнно они находятъ себѣ опору и въ данныхъ этнографическихъ и историко-культурныхъ.

Вегловицѣ; затѣмъ поворачиваетъ на С.-В. около Мшены и Бѣлой, обхватываетъ на С. Чешскій Дубъ и черезъ Илове, બездечинъ почти достигаетъ Танвальда, уклоняясь немного на югъ къ силезской границѣ, отсюда къ Ю.-В. на Двуръ Кралове, Яромѣръ, Хвачковицы, Хлистовъ, Маршовъ, Полицу, Заднюю и Переднюю Худобу, Сланы, Еленовъ, Левинъ къ Олешницѣ; отсюда заворачивая къ Седлонёву на Ю.-В. около Рокитницы къ моравской границѣ, черезъ Орличку и Студеную на Писарево, Богдиково, Свановъ, Усово, Стрѣлицъ, Железовицы, Бѣлковицу, В. Быстрицу, Подгорье, около Спалёва на югъ къ Границѣ на Бернаржицы, Веровицы, минуя Тернавку, обходитъ Студенку и Климковицы, захватываетъ Братриковицы, переходитъ въ Силезію на Броницы, Баворовъ, Вербицъ, отъ Дѣтмаровицъ, въ сосѣдствѣ съ польскимъ народомъ, черезъ Домброву, Суху, Блудовицы, Жермапицы, Шебишовицы, Тошоновицы, Добротицу, Моравку, Ст. Гамри; достигнувъ венгерской границы линія поворачиваетъ на Ю.-З. вдоль Карпатъ, на Вызовицы, Злинъ, Напаедлы, Кіевъ, Чейковицы, Подивинъ, затѣмъ на З. черезъ Зноимъ, Подмокле, Павлицу, Бытовъ, Дачицы, Вольфировъ, Терезиновъ, Индриховъ Градецъ, Н. Быстрицу, переходитъ въ Нижнюю Австрію черезъ Лиговъ къ Виторазу и возвращается у Границы въ Чехію, черезъ Петриковъ, Каплицу; отсюда на С.-З. черезъ Зубчицу, Берлогъ, Прахатицы, Хлистовъ, Винбергъ, Стаховъ, Нездицы, Сушицы, вдоль Шумавы черезъ Тѣшовъ, Есень, Березье, Стражовъ къ Млинечку.

Такимъ образомъ, въ Чехіи и Моравіи чешская народность господствуетъ въ серединныхъ, менѣе возвышенныхъ, частяхъ этихъ областей. Склоны же горъ, окружающихъ исконную чешско-моравскую территорію съ сѣвера, запада и юга, уже заняты нѣмцами. Только въ немногихъ мѣстахъ чешскія поселенія достигаютъ областныхъ границъ: напримѣръ, на югѣ у Новыхъ Градовъ, Великихъ Мошовицъ и Брецлава, на западѣ—у Домажлицъ, на сѣверѣ у Сегиля и Жамберга; у Находа чешская народность переступаетъ даже на почву Германіи (село Nĕmecka Černa). Нѣмцы проникли и въ глубь чешской земли, образовавъ здѣсь рядъ большихъ и малыхъ островов. Главнѣйшіе нѣмецкіе острова: Индрихо-Градецкій (чеховъ 25,21%, нѣмцевъ 74,79%), Иглавско-штоцкій (чеховъ 24,20%, нѣмцевъ 75,80%), Ланшкрунскій (чеховъ 5,79%, нѣмцевъ 94,21%), Рокитницкій и Кралицкій (чеховъ 6,7%, нѣмцевъ 93,5%), Будѣевицій (чеховъ 46,18%, нѣмцевъ 53,82%), Берненскій, Оломуцкій, Глубочанскій, Русиновскій, Войковичскій. Съ другой стороны въ огромныхъ частяхъ Чехіи и Моравіи, почти сплошь засе-

ленныхъ нѣмцами, попадаются то большіе, то меньшіе чешскіе островки, напримѣръ, около Стрибра, между Хомутовымъ и устьемъ на Лабѣ. Вообще во многихъ округахъ наблюдается смѣшанное чешско-нѣмецкое населеніе съ численнымъ преобладаніемъ то одной, то другой народности. Такъ, по даннымъ переписи 1900 г. нѣмцы имѣютъ перевѣсъ въ округахъ: хебскомъ (99,41%), жатецкомъ (89%), литомѣрицкомъ (79,46%), младо-болеславскомъ (54%), зноимскомъ (76,53%); во всѣхъ остальныхъ преобладаютъ чехи, причемъ наиболѣе славянскими являются округа: таборскій (99,95%), пражскій (99%), чаславскій (99,30%) хрудимскій (99,89%), кралево-градецкій (98,41%), писецкій (99,36%), ичинскій (96,77%), пильзенскій (91,62%), будѣевицкій (78,23%); въ Моравіи: градищскій (99,01%), иглавскій (80,32%), берненскій (88,91%), ново-цѣшинскій (77%), оломуцкій (54%). Въ общемъ въ Чехіи нѣмецкій элементъ (вмѣстѣ съ евреями (ок. 2%) составляетъ ок. 37%, а чешскій ок. 63% (62,67%), въ Моравіи нѣмцевъ ок. 27,91%, а чеховъ—ок. 71,35%. Въ Прагѣ, столицѣ королевства и главнѣйшемъ культурномъ центрѣ Чешскаго народа, чеховъ 89,50%, а нѣмцевъ 10,19, между тѣмъ въ Бернѣ, главномъ городѣ Моравіи, чеховъ всего 35,74%, а нѣмцевъ 63,97%. Тоже преобладаніе нѣмцевъ замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Моравіи, напримѣръ, въ Иглавѣ (нѣм. 81,79%, чех. 17,49%), Оломуцѣ (нѣм. 65,75%, чех. 31,93%), Зноимѣ (нѣм. 88%, чех. 11,64%), Моравской Требовѣ.

Въ Силезіи чехи занимаютъ лишь крайній юго-востокъ области, составляя всего 21,8% всего ея населенія. Въ опавскомъ уѣздѣ вполнѣ чешскіе судебные округа—климковицкій, опавскій и фридецкій; половину населенія составляютъ чехи въ богуминскомъ судебномъ округѣ и меньшинство въ судебныхъ округахъ: фриштацкомъ и бѣловецкомъ, также въ тѣшинскомъ и витковскомъ. Вмѣстѣ съ чехами въ Силезіи живутъ поляки (33,2%). Обѣ народности вмѣстѣ берутъ перевѣсъ надъ нѣмцами (45%). Точное разграниченіе чешской и польской народности въ Силезіи представляетъ большія трудности и служитъ предметомъ спора между филологами. Вѣроятнѣе всего пограничная линія чешской области проходитъ восточнѣе Моравки. Чешская народность въ Австрійской Силезіи имѣетъ свое продолженіе въ Прусской Силезіи. Здѣсь чехи, называемые *моравцами*, образуютъ два острова. Границы меньшаго (западнаго) идутъ вдоль. р. Опавы черезъ села: Браница, Посутица, Храстелёвъ, Либтыни, Лидмерица, на югъ къ австрійской границѣ. Границы второго острова начинаются нѣсколько южнѣе, отъ австрійской Силезіи, и направляются черезъ села Судлицъ, Градчанъ,

Черненки къ Баворову, затѣмъ вдоль р. Пштины къ Творкову и отсюда къ Богумину.

Въ Нижней Австріи чехи образуютъ небольшой полуостровъ и островъ, составляющіе продолженіе основной чехо-моравской территоріи. Полуостровъ примыкающій къ Чешскому королевству, составляютъ села: Нѣмецка, Рабшахи, Гундшахи и Шварцбахъ; островъ образуютъ села: Глоговецъ, Нова весь, Пошторна, Раппуркъ, Валчицы, Перниталь и Цагнова. Кромѣ того отдѣльныя поселенія чеховъ встрѣчаются спорадически въ другихъ частяхъ Нижней Австріи. Въ самой Вѣнѣ, центрѣ области и вмѣстѣ съ тѣмъ столицѣ всего государства, находится обширная колонія чеховъ, приблизительно до 200,000 ч. [1]).

За предѣлами родной земли чехи встрѣчаются въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ во всѣхъ другихъ областяхъ Австро-Венгерской Монархіи: въ Верхней Австріи, Зальцбургѣ, Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Приморьѣ, Тиролѣ, Галиціи, Буковинѣ, Венгріи [2]), Хорватіи, Босніи и Герцеговинѣ. Изъ другихъ государствъ болѣе значительныя колоніи чеховъ находятся въ Россіи, главнѣйше на Волыни (въ уѣздахъ: дубенскомъ (29 селъ) луцкомъ, ровенскомъ, житомирскомъ, острожскомъ и владиміро-волынскомъ) и кое-гдѣ въ Черноморской области, но особенно въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, куда направляется обширная эмиграція изъ Чехіи и Моравіи, какъ и изъ другихъ западно-славянскихъ земель. Главными средоточіями чеховъ въ Америкѣ служатъ города: Чикаго, Нью-Йоркъ, Клевелэндъ и штаты Омала и Небраска. Въ Германіи также не мало чеховъ помимо отмѣченныхъ поселеній въ Прусской Силезіи. Многочисленные представители этой энергичной, стойкой и трудолюбивой народности, въ качествѣ работниковъ, мастеровъ, техниковъ, музыкантовъ расходятся по всему свѣту, всюду унося съ собой живое сознаніе народности и искреннюю любовь къ своей, покинутой ими, родинѣ.

Окруженные на своей родной землѣ съ трехъ сторонъ нѣмцами, чехи только на востокѣ имѣютъ своими сосѣдями славянъ: поляковъ на небольшомъ пространствѣ въ Силезіи и словаковъ на всемъ протяженіи восточной границы. Словаки находятся въ наи-

---

[1]) Чешскіе этнографы увеличиваютъ эту цифру до 250,000. Ср. Národopisná Výstava Českoslavanská v Praze. 1895. Стр. 79.

[2]) Въ Венгріи чешскій островъ находится въ крашовской столицѣ, близъ Дуная (села—Ровенска, Св. Елена, Эйбепталь, Шпелерсруэ, Вейценридъ и Штейерлакъ-Анипо).

болѣе близкомъ племенномъ родствѣ съ чехами. Нѣкоторыя восточно-моравскія нарѣчія (напримѣръ, валашское и дольское) служатъ переходною ступенью отъ чешскаго языка къ словацкому.

2. Частныя названія народа.

Въ предѣлахъ Чешскаго королевства въ настоящее время не наблюдается раздѣленія чешскаго народа на рѣзко-характерныя племенныя разновидности, а потому здѣсь и неизвѣстны частныя названія народа. Въ старыя времена и въ этой области жили разрозненныя славянскія племена и колѣна, имѣвшія свои особыя названія, сохранившіяся въ историческихъ памятникахъ. Это были: *чехи* (въ срединѣ земли), давшіе имя всему королевству и народу, *лучане* (въ Жатецкой равнинѣ), *седличане* (въ долинѣ Огры), *литомърчичи* (на сѣверѣ отъ Рипа), *дечане* (въ долинѣ Лабы отъ Устья до Перна), *лемучи* (Lemuzi, на крайнемъ западѣ), *пшоване* (близъ Мельника), *хорваты* (на востокѣ), *зличане* (между Сазавой и Лабой), *дудлебы* (на югѣ), *нетолицы, домажлицы, мжане.* Всѣ эти частныя названія племени давно уже исчезли, за исключеніемъ имени чеховъ, которое стало обозначать весь вообще славянскій народъ въ предѣлахъ Чешскаго королевства и широко распространено, какъ культурно-народный терминъ и среди мораванъ.

Славянское населеніе Моравіи представляетъ болѣе замѣтное этническое разнообразіе. Отдѣльныя части народа различаются между собой не только по особенностямъ своей живой рѣчи, но и по физическому типу, по характеру, по одеждѣ, еще недавно сохранявшей, а кое-гдѣ и теперь сохраняющей свой народный покрой. Здѣсь, кромѣ общаго земскаго имени *мораванъ* употребительны и частныя названія народа, имѣющія опредѣленное этнографическое значеніе. Главнѣйшія изъ нихъ: *ганаки, гораки, ляхи, валахи, доляки.*

Ганаками называются жители большей части средней Моравіи, именно уѣздовъ: голешовскаго, кромерижскаго, преровскаго, оломуцкаго, штенрбергскаго, простѣевскаго, вышковскаго, драганскаго, летовицкаго, литовльскаго, коницкаго, іевическаго, забрѣжскаго, сладковскаго, бучовицкаго, дѣдоницкаго, блонскаго, бернейскаго, жадлоховицкаго, клобукскаго, русиновскаго, тишновскаго, иванчицкаго, крумлевскаго, зноимскаго, междурѣчьскаго, требичскаго, и мор. будѣйевицкаго. Нарѣчіе ганаковъ, представляющее значительное количество говоровъ, можетъ быть по преимуществу названо моравскимъ, такъ какъ имъ говорятъ настоящіе мораване или мо-

равскіе чехи. Собственно ганаками называютъ себя славянскіе обитатели долины р. Ганы, отъ Вышкова до Коетина. Другіе жители средней Моравіи имѣютъ свои частныя имена: *блатяны* или *блатяки* (по р. Блатѣ и Васовѣ), *моравяки* (отъ Вѣрованъ къ Цитову), *забечваки* (по лѣвому берегу нижней Бечвы), *заморовяки* (въ Гулинкой области), *подгораки* (отъ Быстрицы къ Голешову), *баняки* (въ кромерижскомъ и голешовскомъ уѣздахъ) и *чугаки* (отъ глагола *čuhat'—торчать*); но всѣ они вслѣдствіе извѣстнаго сходства употребляемыхъ ими говоровъ извѣстны у своихъ сосѣдей, валаховъ и словаковъ, подъ однимъ общимъ именемъ ганаковъ. Прежде ганаки по преобладающему цвѣту одежды дѣлились на два разряда: Žlutí Hanacі и Červení Hanacі (*желтые и красные ганаки*).

Гораки занимаютъ порѣчье Шварцавы и Свитавы, погорье между Зноимомъ и Берномъ, горныя страны отъ Плумлёва къ Коницѣ и Литовлѣ, а оттуда къ Лоштицамъ и Забрѣгу, наконецъ, Драганскія высоты. Нарѣчіе ихъ близко къ ганацкому, но представляетъ и свои особенности.

Ляхи обитаютъ въ сѣверо-восточномъ углу Моравіи (въ окрестностяхъ городовъ: Френштата, Штамберга, Прибора, Брушберга, Моравской Остравы, Мистка и Фридланда), въ западной части тѣшинскаго уѣзда и въ южной Силезіи. Славянскіе обитатели указанной территоріи собственно считаютъ свой языкъ моравскимъ, себя они также не называютъ *ляхами*, а слывутъ подъ такимъ названіемъ у ближайшихъ своихъ сосѣдей. Ляшское нарѣчіе представляетъ нѣсколько крупныхъ чертъ, свойственныхъ собственно польскому языку и служитъ переходной стадіей отъ чешскаго языка къ польскому.

Подъ именемъ *валаховъ* извѣстна небольшая часть (ок. 150,000) славянскаго населенія Моравіи, занимающая область р. Бечвы, именно окрестности городовъ: Злина, Вызовицъ, Всетина, Валашскихъ Клобуковъ, Карловицъ, Рожнова и Междурѣчья. Своимъ названіемъ эта въ высшей степени любопытная разновидность моравскаго народа обязана пастушескимъ румынамъ, которые въ XII—XVI ст. въ своихъ странствованіяхъ по Карпатамъ заходили въ горныя мѣста Моравіи, осѣдали тамъ и потомъ слились съ туземнымъ славянскимъ населеніемъ [1]). Валахи отличаются красивымъ типомъ, сохраняютъ еще (хотя не повсюду) народную одежду и

---

[1]) Ср. *F. Miklosich*, Ueber die Wanderungen der Rumunen in den dalmatinischen Alpen und den Karpathen.

говорятъ нарѣчіемъ, представляющимъ черты сходства со словацкимъ языкомъ.

Доляки живутъ на правомъ берегу Моравы, отъ Напаедлъ до Брненскихъ Клобуковъ. Нарѣчіе ихъ также, какъ валашское, представляетъ черты сходства со словацкимъ. Оба нарѣчія представляютъ переходъ отъ чешско-моравскаго языка къ словацкому.

3. Численность чеховъ.

Точное исчисленіе чешскаго народа представляетъ большія трудности. Онѣ обусловлены, однако, не столько недостаткомъ статистическихъ данныхъ, сколько качествомъ ихъ. Для главной массы чеховъ, живущихъ въ предѣлахъ Австрійской монархіи, имѣется не мало оффиціальныхъ данныхъ, добываемыхъ народными переписями, производимыми правильно каждыя десять лѣтъ. Но эти данныя чешскіе этнографы и публицисты не всегда признаютъ соотвѣтствующими дѣйствительности. Въ частности дѣлаются противъ нихъ возраженія и съ нѣмецкой стороны. Дѣло въ томъ, что происходящая въ Чехіи, Моравіи и Силезіи національная борьба отражается и на работѣ лицъ, собирающихъ и обрабатывающихъ статистическія данныя, при чемъ въ зависимости отъ народности и патріотизма этихъ лицъ принимаются во вниманіе преимущественные интересы то нѣмцевъ, то чеховъ. Чаще, однако, итоги исчисленія оказываются менѣе справедливыми и благопріятными по отношенію къ чехамъ, особенно въ округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ при преобладаніи нѣмцевъ. Возможность крупныхъ неточностей въ результатѣ переписи обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что при заявленіяхъ объ языкѣ требуется указаніе не на родной языкъ, а на языкъ разговорный, а также тѣмъ, что въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ многіе указываютъ два разговорныхъ языка— чешскій и нѣмецкій. Вотъ почему проф. Л. Нидерле, относясь съ недовѣріемъ къ нѣкоторымъ цифрамъ послѣдней переписи 1900 г., считалъ необходимымъ ихъ исправить.

По даннымъ этой переписи было насчитано чеховъ въ Австріи 5,955,397 д., а именно: въ Чехіи—3,930,093, въ Моравіи—1,727,270, въ Силезіи—146,265, въ Нижней Австріи—132,968, въ Верхней Австріи—3,535, въ Зальцбургѣ—561, въ Штиріи—733, въ Каринтіи—196, въ Крайнѣ—390, въ Приморьѣ—1,348, въ Тиролѣ и Форальбергѣ—1,945, въ Галиціи—9,014, въ Буковинѣ—596, въ Далмаціи—1,157. Но приведенная общая цифра заключаетъ въ себѣ не только чеховъ, но и словаковъ, живущихъ въ восточной Моравіи и кое-

гдѣ въ Нижней Австріи, а также въ Вѣнѣ. Послѣднихъ приблизительно ок. 100,000. Слѣдовательно, оффиціальная цифра чеховъ въ Австріи (Цислейтаніи) для 1900 г. должна быть уменьшена на 100,000, т. е. равнялась приблиз. 5,855,000. Съ другой стороны, проф. Л. Нидерле исправляетъ эту цифру такимъ образомъ. Основываясь на вычисленіяхъ проф. Чиперы [1]), онъ полагаетъ, что вслѣдствіе разныхъ неисправностей въ счетѣ, число чеховъ въ Чехіи и Моравіи, въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, уменьшено въ оффиціальной статистикѣ по крайней мѣрѣ на 300,000. Равнымъ образомъ оффиціальная цифра чеховъ, живущихъ въ Вѣнѣ—102,974, по его мнѣнію, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и должна быть увеличена по крайней мѣрѣ на 100,000, а проф. Я. Сербъ полагалъ, что уже въ 1895 г. чеховъ въ Вѣнѣ было не менѣе 250,000 [2]). Итакъ, болѣе достовѣрная цифра чеховъ въ Австріи для 1900 г.—6,320,000. Затѣмъ, число чеховъ, живущихъ въ Прусской Силезіи и въ другихъ частяхъ Германіи проф. Нидерле, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, опредѣляетъ въ 114,309. Въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ считаютъ чеховъ приблизительно отъ 200,000 до 250,000. Въ остальныхъ земляхъ и государствахъ проф. Нидерле насчитывалъ чеховъ всего ок. 50,000. Но эта цифра также ниже дѣйствительной. Въ Россіи чеховъ не менѣе 60,000 (по переписи 1897 г. 0,04%), въ Тріединомъ Хорватскомъ Королевствѣ и вообще въ Венгріи ок. 52,000, на Балканскомъ полуостровѣ—въ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и Турціи едва ли менѣе 20,000, во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы и Азіи до 50,000. На основаніи приведенныхъ данныхъ и сдѣланныхъ къ нимъ поправокъ нужно думать, что общее число чеховъ къ 1900 г. достигло 6,867,000 [3]).

Въ настоящее время, т. е. къ концу 1906 г. эта цифра должна увеличиться вслѣдствіе естественнаго прироста населенія. За десять лѣтъ, съ 1890 по 1900 г. средній коэфиціентъ прироста населенія въ Австріи составлялъ около 0,9% [4]) или по 9 че-

---

[1]) Narodni Listy, 1902. 17 Listopad.

[2]) Národopisná Vystava Česko-slovanská v Praze. 1895. 79.

[3]) Проф. Л. Нидерле (Slovanský Přehled. R. V. 4. 159–160) считаетъ вмѣстѣ чеховъ и словаковъ и опредѣляетъ максимальную цифру обѣихъ народностей для 1900 г.—9,500,000. Сколько именно изъ этого числа онъ отводитъ на долю словаковъ, изъ его подсчета не видно: 2,500,000 или нѣсколько больше?

[4]) Oesterreichische Statistik, herausgegeben von d. k. k. Statistischen Central-Commission LXIII. 1. Heff.

ловѣкъ на 1000 ежегодно. Принимая увеличеніе численности чешскаго народа во всѣхъ областяхъ, имъ населяемыхъ, и на ближайшее будущее въ томъ же размѣрѣ, необходимо допустить, что прирость чешскаго населенія за шесть лѣтъ составлялъ ок. 370,000. Слѣдовательно, къ концу 1906 г. общее число чеховъ должно равняться приблизительно 7,237,000. Вѣроятное распредѣленіе этого числа представляется въ слѣдующемъ видѣ:

въ Австро-Венгріи	6,695,000
именно:	
въ Цислейтаніи (Чехіи, Моравіи, Силезіи, Нижней Австріи и другихъ областяхъ)	6,641,000
въ Транслейтаніи (Хорватіи и Венгріи)	54,000
въ Босніи и Герцеговинѣ, Сербіи, Болгаріи и Турціи	21,000
въ Германіи	124,000
въ Россіи	63,000
въ Америкѣ	282,000
въ прочихъ государствахъ Европы и Азіи . .	52,000
Всего	7,237,000

Въ религіозномъ отношеніи главная масса чешскаго народа принадлежитъ къ римско-католической церкви; только около 200,000 исповѣдуютъ протестантство. Сверхъ того небольшое число чеховъ (нѣсколько десятковъ тысячъ) во второй половинѣ XIX ст. приняли православіе.

4. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи чешскаго народа.

Одного внимательнаго взгляда на этнографическую карту средней Европы достаточно, чтобы понять главный смыслъ всей исторіи чешскаго народа и обусловленное ею современное положеніе этой вѣтви славянства въ этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Широкимъ полуостровомъ выдвигаются чехи въ море нѣмецкой народности, которая окружаетъ ихъ съ трехъ сторонъ, врывается въ средину занимаемой ими территоріи и стремится разорвать ея цѣлость и единство. Историческая судьба чешскаго народа тѣсно сплетается съ судьбой нѣмецкаго народа. Взаимныя отноше-

нія обоихъ народовъ и въ старыя и въ новыя времена вполнѣ ясны. Нѣмцы стремились и стремятся овладѣть чешской землей, подчинить себѣ славянъ въ политическомъ, національномъ, экономическомъ и культурномъ отношеніи. Чехи отстаивали и отстаиваютъ свою землю и свою народность. Отсюда многовѣковая борьба чеховъ, какъ передового бастіона славянства, съ германизмомъ, борьба, уже принесшая много страданій и потерь чешскому народу, но далеко не оконченная и въ настоящее время. Нѣмцы благодаря своему численному преобладанію, политической сплоченности и рано выработанной культурности умѣло пользовались слабостью и раздробленностью западнаго славянства и уже въ средніе вѣка стали одерживать большіе успѣхи надъ чехами. Гуситство и религіозныя войны въ XV в. на нѣкоторое время дали сильный отпоръ притязаніямъ германизма, но несмотря на проявленныя въ нихъ силу національнаго чувства и героизмъ народа, эти историческія явленія не могли предупредить ни наступленія въ скоромъ времени нѣмецко-католической реакціи, ни включенія чешской земли въ составъ нѣмецкой имперіи Габсбурговъ, блестяще выполнившей задачу постепеннаго ослабленія и частичнаго искорененія чешской народности. Новый отпоръ этимъ стремленіямъ и болѣе энергическая борьба съ ними стали возможны только въ XIX ст., съ эпохи т. н. славянскаго возрожденія. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ національное существованіе чешской народности очень тяжелое. Потерявъ, въ теченіе ряда вѣковъ значительную часть своей земли, чехи съ трудомъ успѣвали отстаивать особенности своей славянской народной личности. Нѣмцы, являясь не только постоянными близкими сосѣдями чеховъ, но очень часто полновластными господами въ чешской землѣ, навязывали славянамъ свои церковныя и политическія учрежденія, свои законы, нравы и обычаи, свой языкъ и литературу. Послѣ Бѣлогорской битвы (1620 г.), въ XVII—XVIII ст., все національное чешское подвергалось систематическому гоненію и истребленію. Въ XIX ст., когда съ пробужденіемъ чешскаго національнаго сознанія и измѣненіемъ государственнаго строя Австріи, началось поспѣшное и энергическое приведеніе въ ясность національнаго достоянія, оказалось, что потери, понесенныя чешскою народностью, огромны. Славянская народная стихія, еще такъ сильная на русскомъ востокѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, уцѣлѣла въ чешской землѣ лишь въ слабой степени, въ обломкахъ. Тѣмъ большее значеніе имѣютъ заботы чешскихъ ученыхъ и патріотовъ о томъ, чтобы сохранить то сравнительно немногое народное, что еще уцѣлѣло отъ

погрома. Въ этомъ отношеніи съ особенною благодарностью должна быть помянута устроенная въ 1895 г. въ Прагѣ этнографическая выставка (Národopisná Výstava Česko-slovanská) и возникшіе послѣ нея въ Прагѣ Этнографическій Музей и Этнографическое Общество съ ихъ прекрасными изданіями. Несмотря на постоянный ростъ въ народѣ національнаго самосознанія чужеземное культурное вліяніе не перестаетъ проникать въ самые укромные захолустные уголки чешской земли, все болѣе сглаживая характерныя народныя особенности.

Впрочемъ, относительно степени удержанія этнографическихъ индивидуальныхъ чертъ земли чехо-моравскаго народа находятся не въ одинаковомъ положеніи: чѣмъ ближе къ западу, къ Германіи, тѣмъ меньше этихъ чертъ, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ ихъ больше. Въ собственной Чехіи или въ Чешскомъ королевствѣ славянская народность сохранилась гораздо слабѣе, чѣмъ въ Моравіи. Въ Чехіи жизнь сельскаго люда мало чѣмъ отличается отъ жизни горожанъ: народная одежда почти вышла изъ употребленія, обычаи и обряды старины позабыты, старая народная пѣсня или совсѣмъ исчезаетъ, или передѣлывается на новый ладъ, утрачивая свою естественную прелесть и народный характеръ, самый языкъ подвергся порчѣ и носитъ на себѣ замѣтные слѣды вліянія нѣмецкаго языка. Напротивъ, въ Моравіи чешская народность еще въ значительной степени удерживаетъ всѣ эти характерныя этнографическія особенности. Преимущественно въ восточной части страны оказываются любопытныя разновидности племени, какъ *ганаки* и *валахи*, въ которыхъ по справедливости слѣдуетъ видѣть наиболѣе типическихъ и характерныхъ представителей чешскаго народа. У нихъ еще можно встрѣтить народный покрой одежды, видѣть характерные народные танцы, слышать чисто-народныя пѣсни, наблюдать патріархальные обряды и обычаи, изучать значительное разнообразіе народной рѣчи.

Главной этнографической чертой всего народа остается его языкъ, по своимъ характернымъ особенностямъ и свойствамъ занимающій свое опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ языковъ. Какъ драгоцѣннѣйшее достояніе народа, онъ стойко оберегается и защищается всѣми классами населенія при помощи такихъ могущественныхъ средствъ, какъ крѣпкое національное сознаніе, національная школа и постоянно развивающаяся національная литература. Подобно другимъ славянскимъ языкамъ, чешскій языкъ на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи, не представляетъ вполнѣ однороднаго цѣлаго, а дѣлится на значительное

количество нарѣчій и говоровъ. Наибольшее діалектическое разнообразіе представляютъ восточныя части площади языка, наименьшее—крайнія западныя. Основываясь на современномъ состояніи чешской діалектологіи, всѣ извѣстные народные чехо-моравскіе говоры можно подвести подъ четыре нарѣчія: 1) чешское, 2) ганацкое (или собственно—моравское), 3) ляшское и 4) валашско-дольское. Нарѣчіе *чешское*, въ которомъ различаютъ 4 поднарѣчія (юго-западное, среднее, сѣверо-восточное и моравско-чешское) распространено во всей западной половинѣ чехо-моравской области, т. е. въ Чешскомъ королевствѣ и западной Моравіи (Ждаръ, Н. Мѣсто, Быстрица, Емница, Дачица, Телчь, Трешть) и потому можетъ быть названо западнымъ. Остальныя три нарѣчія размѣщаются въ восточной половинѣ области, т. е. въ Моравіи и Силезіи; ихъ можно назвать восточными. Наиболѣе чертъ старины сохранили восточныя нарѣчія; одно изъ нихъ, *ганацкое*, распадающееся на множество характерныхъ говоровъ, повидимому, преимущественно отражаетъ въ себѣ древнѣйшее состояніе языка. Чешское нарѣчіе, легшее въ основаніе литературнаго языка, особенно подверглось разнымъ превращеніямъ не безъ вліянія нѣмецкаго языка. *Ляшское* нарѣчіе служитъ переходомъ отъ чешскаго языка къ польскому и представляетъ нѣкоторыя черты, общія съ этимъ языкомъ, а *валашско-дольское* также можетъ быть разсматриваемо какъ переходное отъ чешскаго языка къ словацкому и близко роднится съ послѣднимъ. Чешскій литературный языкъ служитъ не только внѣшнею связью для всѣхъ частей и разновидностей народа, но и является мощнымъ выразителемъ всей національной, умственной и общественной жизни народа, а также органомъ весьма значительной образованности. На чешскомъ языкѣ существуетъ богатая поэтическая и научная литература; онъ служитъ преподавательскимъ языкомъ въ низшихъ, среднихъ и высшихъ школахъ и пользуется правами языка земскаго въ сеймѣ, судѣ и мѣстной администраціи.

Современное политическое положеніе чеховъ не удовлетворяетъ народнымъ идеаламъ и стремленіямъ. Нѣкогда чехи имѣли свое государство, свою народную династію; теперь чешскія земли входятъ въ составъ государства Габсбурговъ, именно Цислейтанской его половины, въ которой первенствующая политическая роль принадлежитъ нѣмецкой народности. Земли чешской короны, Чехія, Моравія и Силезія не представляютъ единаго политическаго цѣлаго; это лишь три провинціи Австрійской Монархіи, имѣющія каждая своего намѣстника и свой сеймъ. Въ Чехіи и Моравіи чехи имѣютъ численный перевѣсъ надъ нѣмцами, но такъ какъ послѣд-

ніе все таки въ обѣихъ областяхъ составляютъ значительный процентъ населенія и пользуются постоянной и дѣятельной поддержкой со стороны центральнаго Вѣнскаго правительства, то чехи не могутъ стать вполнѣ господами въ своей родной землѣ. Въ Силезіи же чехи оказываются въ меньшинствѣ и потому уже лишены возможности добиваться для своей народности широкихъ политическихъ правъ. Защита интересовъ всего чешскаго народа противъ притязаній германизма возможна только въ рейхстагѣ, но успѣхъ дѣятельности чешскихъ народныхъ представителей въ этомъ разноплеменномъ законодательномъ учрежденіи зависитъ отъ разнообразныхъ и сложныхъ обстоятельствъ парламентской жизни. Мечты чешскихъ вождей о возстановленіи національнаго Чешскаго королевства очень далеки отъ осуществленія, но нельзя не признать, что въ теченіе минувшаго столѣтія чешскимъ народомъ пріобрѣтены значительныя политическія права. Надежда на успѣхъ борьбы противъ всепоглощающаго германизма постоянно увеличивается. Уже теперь имѣются на лицо признаки того, что чехи не только не уступаютъ болѣе своей земли нѣмцамъ, но стремятся усилить свои колоніи въ тѣхъ частяхъ родины, въ которыхъ нѣмцы получили преобладаніе [1]). Главный залогъ успѣха въ защитѣ правъ народа на самостоятельное политическое и національное существованіе заключается въ сознательномъ и крѣпкомъ патріотизмѣ народныхъ массъ, въ сильно развитомъ у нихъ своемъ народномъ и общеславянскомъ сознаніи и, особенно, въ широкомъ стремленіи къ образованію и просвѣщенію. Прекрасное состояніе народнаго образованія, великолѣпныя среднія и высшія школы, богатая литература, удовлетворяющая всѣмъ запросамъ жизни, необыкновенная любовь къ труду и знанію, особенно техническому, давно уже выдвинули чеховъ среди другихъ славянъ, какъ народъ культурный и способный къ сопротивленію. Прага, столица Чешскаго королевства, съ ея чешской академіей, чешскими университетомъ и политехникой, съ чешскимъ національнымъ театромъ, съ чешскимъ музеемъ и многочисленными просвѣтительными обществами—служитъ главнымъ средоточіемъ національной и духовной жизни чешскаго народа.

Изъ другихъ городовъ, какъ наиболѣе важные культурные чешскіе центры, могутъ быть названы: Ползень (Plzeň), Таборъ, Писекъ, Колинъ въ Чехіи, Брно, Прерова въ Моравіи.

---

[1]) Напримѣръ, въ сѣверной Чехіи, въ мостецкомъ и теплицкомъ округахъ. Въ Прагѣ нѣмецкое населеніе все болѣе уступаетъ чешскому: по переписи 1890 г. чеховъ значилось 83,50%, а по переписи 1900 г.—89,50%.

5. Литература.

Указанныя выше, въ I гл. (стр. 16—18), этнографическія карты: а) всего славянства—Шафарика, Мирковича, Риттиха, Зарянка, Вергуна, Шимачка и б) Австро-Венгріи: Бергхауза, Гейфлера, Чернига, Фикера, Киперта, Ле-Монье, Гикмана, Наберта, Лангханса.

Указанныя выше, въ I гл. (стр. 20—21) труды по этнографіи и новѣйшей статистикѣ Австро-Венгріи: Чернига, Фикера, Брахелли,Раухберга, Твардовскаго, Матлековича, Варги, Австрійской Центральной Статистической комиссіи, въ изд. Oesterreichisch-Ungarische Monarchie im Wort und Bild.

J. Jireček, Království České. Praha. 1850.

A. Šembera, 1) Mapa země Moravské; 2) Mnoho li jest Čechů, Moravanů a Slovaků a kde obyvají. Praha. 1877.

Karl Türk, Der Kampf um das Deutschthum. Böhmen, Mähren und Schlesien. München. 1898 (Mit einer Sprachenkarte).

Paul Langhans, Karten der Verbreitung von Deutschen und Slaven in Oesterreich. Mit statistischen Begleiworten. 1) Spezialkarte der deutsch-tschechischen Sprachgrenze in Nordböhmen; 2) Übersichtskarte des tschechisch-mährisch-slowakischen Sprachgebietes in Oesterreich und Preussen: 3) Übersichtskarte des tschechischen Querriegels zwischen den deutschen Ostmarken mit den Hauptverbindungen zwischen Nordsee, Ostsee und Adria. Gotha. Justus Perthes. 1899.

Dr. Zemmrich, Sprachgrenze und Deutschthum in Böhmen. Mit vier farbigen Kartenblättern und einer Textkarte. Braunschweig. 1902.

Rauchberg, Sprachenkarte von Böhmen. 1:500,000 Wien. R. Lechner. 1904.

J. E. Wagner, 1) Přehledná mapa království českého na zakladě ščitaní lidu z roku 1900. Rozhraní národopisné. Nakladatel F. Kytka, knĕhkupectví. V Praze. 1904. Třeti vydání: 2) Příručná mapa markrabství Moravského a vévodství Slezského. Šesté vydání. Nakladatel Kytka. V Praze. 1905

Zd. Lepař, Generalní mapa království Českého. Ve Vídní. Sklad Hölzela.

В. А. Францевъ, Новая этнографическая карта сѣверной Чехіи (Журн. Мин. Нар. Пр. CCCXXXIII. 1).

Die Österreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild. a) Böhmen. 1—2. 1894—1896; б) Mähren und Schlesien. Wien. 1897.

Pravdomil Jos, Česi a Němci v Čechách. V Slanem. 1904.

J. Vyhlídal, 1) Čechové v Pruském Slezku. V Kroměřiži. 1900; 2) Naše Slezko (Vlast 1900); 3) Zapomenutý Česky kout (Osvěta 1901).

Prof Čipera, Národnostní poměry v Čechách. Národní Listy. 1902. 17. Listopad. V Praze.

Česko-Slovanská Národopisná Výstava v Praze. 1895. Vydali Výkonný Výbor národopisné výstavy česko-slovanské a Národopisná společnost česko-slovanská prací spisovatelův a umělců českých. Pořádají *K. I. Klusáček, Em. Kovář, L. Niederle, Fr. Schlaffer, F. A. Šubert.*

Sommer, Das Königreich Böhmen. Prag. 1833—1834.

Edm. Chojecki, Czechja i Czechowie przy końcu pierwszej połowy XIX-go stulecia. Berlin. 1846—1847. I—II.

Čechy, země a národ (въ изд. Ригра «Slovník naučný»). V Praze. 1863. Русскій переводъ «Чехія и Моравія» изд. Славянскаго Благотворительнаго Комитета. Спб. 1871.

Fr. Šubert i *K. Liebscher,* Čechy. V Praze.

K. Kořistka, Die Markgrafschaft Mähren und das Herzogthum Schlesien. Wien und Olmütz. 1861.

V. Brandl, Kniha pro každého Moravana. V Brně. 1863.

A. Hubka, 1) Naše menšiny a smíšené kraje na českem jihu. Praha. 1899; 2) Čechove v Dolnich Rakousích. 1901.

Adamek, Lid na Hlinecku. Praha. 1900.

Chodové, Stražcové českých hranic. Obraz národopisný a zeměpisný. 1901.

J. Herben, Moravské obrazky. Praha. 1890.

Andree, Nationalitätsverhältnisse und Sprachgrenze in Böhmen. 2-te Auflage. Leipzig. 1871.

Schlesinger, Die Nationalitätsverhältnisse Böhmen's. Stuttgart. 1886.

Jodl, Topographisch-statistisches Ortslexicon des Königreichs Böhmen. Prag. 1893.

Řivnač, Reisehandbuch für das Königreich Böhmen. Prag. 1882.

Babl, Illustrierter Führer durch Böhmen. Wien. 1887.

А. Будиловичъ. Нѣсколько данныхъ и замѣчаній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Силезіи въ послѣдніе годы. Спб. 1875 (Славянскій Сборникъ. Т. I).

Dr. J. Vlach, Die Čecho-Slaven. Uebersichtliche Darstellung. Wien und Teschen. 1883 (Die Völker Oesterreich-Ungarns. Bd. VIII).

В. И. М. Чехія и чехи. Очеркъ, съ картой и рисункомъ. М. 1901.

Е. де-Витте, Путевыя впечатлѣнія. I. Чехія. II. Лужицы, Чехія и Моравія. Кременецъ. 1905.

Ottův Slovník naučný. Статьи: 1) Čechy (D. VI. 1893), 2) Morava (D. XVII. 1901), 3) Slezko (D. XXIII).

Fr. Bartoš, 1) Lid a národ. Ve Velkém Meziříci. 1891; 2) Moravský lid. V Telči. 1892, 3) Dialektologie Moravská. D. I. V Brně. 1886; D. II. V Brně. 1895.

M. Václavek, 1) Moravské Valašsko. V Třebici. 1877; 2) Moravské Valašsko. D. I. Na Vsetině. 1894.

J. Hrubý, Slovane ve Slezku (Osvěta. 1878).

Slama, Vlastenecké putovaní po Slezsku (S našich a cízích vlastí. Praha. 1884—1887). Vlastivěda Slezská. Na oslavu 40 letého jubilea J. V. Císaře Pana počato. V Opave. 1891.

A. Šembera, Základove dialektologie česko-slovanské. Ve Vídni. 1864.

V. Dušek, Řeč lidu v koruně české a na Slovensku (Národopisná Výstava česko-slovanská. V Praze. 1895. 83—96).

Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію. Часть вторая. Кіевъ. 1897. Чешскій языкъ.

Les Tchèques au XIX-ème siècle, publié avec la collaboration de *mm. Flourens, Louis Leger, Maurice Muret, F. V. Krejči, Adolphe Cerný et m-lle Camilla L'Huillier, par Charles Hipman.* Prague. 1900.

F. Tetzner, Die Tschechen und Mähren in Schlesien (Globus. Bd. LXXVIII. 1900).

J. Polívka, Neues von der čechisch-polnischen Sprachgrenze (Arch. f. Slav. Phil. XXV. 392).

Важнѣйшія періодическія изданія, содержащія статистико-этнографическія свѣдѣнія о чешскомъ народѣ.

Časopis Musea Království Českého. Praha (съ 1827).

Časopis Matice Moravské. Brno (съ 1896).

Listy filologické. Praha (съ 1873).

Památky archaeologické a místopisné. Praha (съ 1872).

Pojednaní Kr. České Společnosti nauk или Abhandlungen der Königlichen Böhmischem Gesellschaft der Wissenschaften. Прага (на нѣмецкомъ яз. съ 1775, на чешскомъ—съ 1841).

Spravy zasedací (Sitzungsberichte) *Kr. České Společnosti nauk.* Прага (съ 1859).

Věstník České Akademie Císaře Františka Josefa. Прага (съ 1892).

Rozpravy České Akademie Císaře Františka Josefa. Прага (съ 1892).

Zpravy Společnosti přatel starožitností českých v Praze (съ 1892).

Časopis vlasteneckého muzejního spolku Olomuckého. Praha (съ 1883).

Věstník Matice Opavské. Opava.

Krok. V Praze (съ 1886).

Athenaeum. Listy pro literaturu a kritiku vědecku. Praha (1883—1893).

Český Lid. Praha (съ 1891).

Národopisný Sborník Československý. V Praze.

Národopisný Věstník Československý. V Praze (съ 1906).

Osvěta. Listy pro rozhled v umění, vědě a politice. Praha (съ 1870).

Světozor. Praha (съ 1866).

Česká Revue. Praha.

Zlatá Praha. Praha (съ 1883).

Květy. Praha (съ 1878).

Lumír. Praha (съ 1872).

Slovanský Sborník. Praha (1881—1887).

Obzor. Brno (съ 1878).

Jitřenka. V Poličce (съ 1881).

Vesna. Ve Velkém Meziřiči (съ 1882).

Naše doba. Praha (съ 1894).

Literarní Listy. Ve Velkém Meziřiči (съ 1880).

Hlídka literarní. V Brne (съ 1883).

Česká Včela (съ 1870).

Český Jih. Tabor (съ 1872).

Sborník historický. Прага.

Sborník historického kroužku. Прага.

Český Časopis historický. Прага.

Obzor literarní a umělecký. Прага.

VII.

Словаки.

1. Область словаковъ и ея границы.

Словаки живутъ на востокъ отъ ближайшихъ своихъ сородичей чехо-мораванъ, въ сѣверной Венгріи (Угріи) и юго-восточной Моравіи, т. е. въ странѣ, лежащей приблизительно между Карпатами и Дунаемъ, между р. Моравой и системой рѣкъ-Иноля, Римавы, Сланы и Тисы. Въ предѣлахъ Венгерскаго королевства словаки занимаютъ то полностью, то отчасти территорію сѣверо-западныхъ стóлицъ (или комитатовъ): пресбургской, тренчинской, оравской, зволенской, липтовской, турочской, нитранской, тековской, гонтской, гемерской, спишской, шарышской, земплинской, ужгородской, абауйторнской и новоградской. Въ Моравіи словаки обитаютъ въ юго-восточномъ углу области, между Карпатами и Моравой, и отчасти на правомъ берегу Моравы въ окрестностяхъ городовъ: Угорскаго Брода, Угорскаго Градища, Напаёдловъ, Веселаго и Страшницы. Наконецъ, словацкія поселенія захватываютъ небольшую долю сѣверо-восточнаго угла Нижней Австріи (на востокъ отъ линіи Вальчицы-Цагновъ).

Точнѣе предѣлы словацкой области, т. е. области, имѣющей не менѣе 50% словацкаго населенія, можно обозначить слѣдующимъ образомъ. Начинаясь отъ Бескидовъ у истоковъ Кысуцы, пограничная линія идетъ вдоль моравско-венгерской границы къ Лисскому проходу, вступаетъ въ Моравію черезъ Лидечко къ Вызовицамъ и Злину и, черезъ Проводовъ и Богуславицы, направляется къ Напаедламъ; отсюда черезъ горы Здунецкія и Бухловскія про-

ходитъ за Кіевомъ по правому берегу Моравы къ Подивину, а затѣмъ у Ледницы переходитъ въ Нижнюю Австрію къ Вальчицамъ и Цагнову, далѣе на Стрезеницы, Моравой къ Дѣвину, встрѣчается здѣсь съ нѣмецкими поселеніями, потомъ на Пресбургъ; отсюда на В. въ сосѣдствѣ съ мадьярами черезъ Фарну, Иванку, Словенскій Гробъ, Шенквицы, Шарфію, Чатай, Пусту-Федымешь, Абрагамъ, около Мапада на Небойсу, а оттуда черезъ Стреду надъ Вагомъ, Шопорню, Мочонокъ, Урминъ, Гергелову, Лапо-Дармоту, Гындицы, Новую Весь на Врабли. У Враблей линія ограничиваетъ Великомуранскій выступъ, простирающійся къ Слов. Медеру, Банкеси въ нитранской столицѣ и черезъ Баромлакъ до Ясфала въ остригомской столицѣ и мимо Бешенова черезъ Д. Огай, Новый Лотъ, Белекъ Фишь, Лулу, Мелекъ снова къ Враблямъ. Отъ Враблей пограничная линія идетъ черезъ Шаровцы, Рогожницу, Толмачь, Великіе Космоловцы, Старый Тековъ, Клячаны, Кршканы, Чанковъ, Далмадъ, Дюдинцы, Меровцы, Рикынчицы, Грушовъ, Človцы, Опаву, Прибельцы, Приклекъ, Плахтинцы, Обецково въ новоградской столицѣ, Склабину, около Оловеровъ на Зомборъ, оттуда черезъ М. Злевцы, Жиглаву, Стрегову, Люборѣчку, Машкову, Голичь, Видину, около Лученцы къ Опатовѣ и около Пинчины черезъ Керештуръ на Грне Залужаны въ гемерской столицѣ, далѣе черезъ Сушаны, Черенчаны, Г. Покорадзъ, Папчу, Мелехедь, Гостишовцы, Брусникъ, Каменяны, Шиветицы, Миглесъ, Розложну, Гочалтово, Рекень, Бетляръ, Пачу, Угорну. Затѣмъ пограничная линія входитъ въ спишскую столицу, обходитъ черезъ Штильбахъ, Гнильчикъ, Котербахъ, Рихнову, Жакаровцы, Гельцмановцы, Рчаковцы, нѣмецкій островъ смольницкій, направляется въ абауйскую столицу на Арапидку, Рѣку, Попрочь, Рудно, Годковцы, Кишиду, Шацу, Бужинку, Соколяны, Бочаръ, Бельшу, около Чани и Жданы на Ескарошъ, Гологазъ и Физеръ, назадъ на Калшу и вступаетъ у Сильваши въ земплинскую столицу. Отсюда идетъ черезъ Кузмицы, Казмиры, Ластовцы, Клячановъ на Уйлакъ, затѣмъ черезъ Упоръ, Требишовъ, Малчицы, Петриковцы, Славковцы, Стретавку въ ужгородской столицѣ, Тегеню на Чернополе, Высоку, Лекартъ, Бѣжовцы, Загоръ, В. Нѣмецку, вступаетъ въ сосѣдство съ малоруссами черезъ Онаковцы, Гуту, Порубку, Прекопу, Конюшъ, Подградье, Гамре, В. Реметы, близъ Порубы на Йовсу, Кушинъ, Клокочовъ, Земплинскую Порубку, Каменку, Модру, Цир. Длге, Снину, далѣе черезъ Нихваль, Полянку, Папинъ, Криве, Длге, Гробовецъ, Грубовъ, Пакостовъ, Шитницу, Грожникъ близъ Пишкоровцевъ на Токайинъ, Крижловцы, Якушовцы, Кельбовцы, Бокшу, Гочу, Тыцинецъ, Штав-

никъ, Бенядиковцы, Местиско, Ровне, Чернину, Гажлинъ, Комаровъ, Бардѣевскую Новую Весь, Долгу Луку, Зборовъ, Смильно, Стебникъ, Гутишку, Регетовку; отсюда въ сосѣдствѣ съ польскимъ народомъ линія идетъ вдоль галицкой границы до Оравы къ гор. Терстену и Намѣсту, у Быстрицы опять достигаетъ галицкой границы, отъ которой удаляется къ Оштедницѣ и Чадцу и по правому берегу р. Касуцы возвращается къ Бескидамъ и Бечвѣ.

Въ предѣлахъ означенной территоріи словаки живутъ болѣе или менѣе сплошной массой. Только на окраинахъ ея къ коренному словацкому населенію примѣшиваются поселки другихъ сосѣднихъ народностей. Численный перевѣсъ имѣютъ словаки въ десяти столицахъ: оравской (94,7%), тренчинской (92,8%), липтовской (92,5%), зволенской (89,4%), турчанской (73,6%), нитранской (73,1%), шарышской (66,1%), спишской (58,2), тековской (57,5%), пресбургской (51,1%). Въ остальныхъ шести изъ поименованныхъ столицъ словаки составляютъ меньшинство, а именно: въ гемерской (40,6%), гонтской (39,5%), земплинской (32,4%), ужгородской (28,1%), новоградской (26,9%) и абауй-торнской (22,9%). Наиболѣе значительные инородческіе острова на этнографической картѣ словацкихъ областей принадлежатъ нѣмцамъ; они находятся главнымъ образомъ въ турчанской (21,3%), тековской (10,5%), нитранской (7,6%) и спишской (25%) столицахъ: Munnich-Wies, Hadviga, Briest, Neustuben, Thurz, Glover-Hay, Hoch-Wies, Polisch, Scheimnitz, Kremnitz, Neusohl, Proben, Poprad, Leutschau, Kesmark, Altendorf, Gollnitz, Wogendrüssel, Schmöllnitz, Einsiedel, Schwedler, Leibitz, Bela, Gross-Lomnitz. и др. Обитатели этихъ колоній преимущественно потомки давнихъ выходцевъ изъ Германіи, главнѣйше изъ Саксоніи. Австрійскіе нѣмцы являются сосѣдями словаковъ главнымъ образомъ на небольшомъ протяженіи юго-западной границы (со стороны Нижней Австріи) и встрѣчаются спорадически во многихъ городахъ и большихъ селахъ (Св. Мартинъ, Врутка, Жилина и др.) Мадьяры—господствующая въ государствѣ народность—въ предѣлахъ нынѣшней словацкой области почти не имѣютъ своихъ сколько-нибудь значительныхъ поселеній, ни селъ, ни городовъ. Исключеніе составляетъ нитранская столица, въ южной части которой находятся два широкихъ мадьярскихъ пояса: одинъ идетъ отъ рѣки Нитры подъ Гергеловой на В. Гындицы, Г. Огай и Врабли; другой отъ города Нитры, въ которомъ также преобладаютъ мадьяры, на Ладицы. Представителями мадьярскаго языка и мадьярской культуры въ словацкихъ столицахъ служатъ только пришлые по городамъ и мѣстечкамъ правительственные чиновники, военные съ ихъ семьями и т. п. мадь-

яроны, т. е. словаки-ренегаты, изъ политическихъ выгодъ отрекшіеся отъ своей народности и выдающіе себя за мадьяръ. Зато мадьяры выступаютъ непосредственными сосѣдями словаковъ на всемъ протяженіи южной границы ихъ земли, за исключеніемъ южной части спишской столицы, гдѣ мадьярское сосѣдство замѣняется нѣмецкимъ. Если довѣрять оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ (по переписи 1900 г.), то можно сдѣлать заключеніе, что движеніе мадьярской народности на словацкую землю усиливается: во всѣхъ южно-словацкихъ столицахъ, имѣющихъ смѣшанное населеніе, процентъ мадьяръ увеличивается, а словаковъ уменьшается. Однако, независимо отъ сомнѣнія въ точности оффиціальныхъ данныхъ, указанное измѣненіе процентнаго отношенія, быть можетъ, скорѣе объясняется не столько естественнымъ приростомъ и колонизаціей мадьярскаго населенія въ словацкой землѣ, сколько насильственнымъ омадьяреніемъ словацкаго люда.

Съ трехъ остальныхъ сторонъ къ словацкой области непосредственно примыкаютъ родственные славянскіе народы: на большой части западной границы—чехо-мораване (валахи, ганаки), на сѣверѣ—поляки, на сѣверо-востокѣ и востокѣ—русскіе (малоруссы). Всѣ эти народности кое-гдѣ заходятъ на словацкую область. Чехи чаще встрѣчаются въ тренчинской (Бытечь, Макова, Туровецъ, Тепла, Тренч. Теплицы, Легота, Жилина), нитранской (Фраштакъ, Добра, Вода, Голичъ) и пресбургской столицахъ (Гохштетно, Трнава, Девинъ, Димбургъ), также въ липтовской (Вербица, Ружомбергъ, Гербольтова). Поляки имѣютъ весьма значительныя поселенія въ сѣверныхъ частяхъ столицъ: тренчинской (Скалите, Черна), оравской (терстенскій и намѣстовскій уѣзды), липтовской (Велько Борово, Мало Борово, Гута̀, Осада, Лужна, Вышна, Просредна и Нижна Ревуца; также въ Квачанахъ, Св. Микулашѣ, Бобровцѣ и Ружомбергѣ) и спишской (около 20 чисто польскихъ селъ: Лендокъ, Словенска Весь, Ждяръ, Вышна и Нижна Лапша, Лапшанка, Фридмакъ, Фальштинъ, Юрговъ, Чернигора, Реписко, Яворина, Кацвинъ, Кремпакъ, Дурштинъ, Велька и Мала Франкова, Остурня и нѣсколько селъ съ смѣшанымъ населеніемъ), отчасти земплинской (Ясеновцы, Тополевка, Охрадзяны). Русскіе (малоруссы 19,7%) [1]) образуютъ своими поселеніями рядъ большихъ и малыхъ островoвъ на словацкой землѣ въ столицахъ спишской (Словинки, Порача, Годермаркъ, Ярембина, Камёнка, Литманова, Якубяны, Фольваркъ,

---

[1]) Называемые здѣсь обыкновенно *руснякамі*.

Липникъ, Ольшавица, Остурна, Сулина, Мнишекъ), шарышской (въ уѣздахъ—горноторышскомъ, маковицкомъ, секчовскомъ и топлянскомъ), земплинской (въ уѣздахъ—спинскомъ, гуменномъ, стропковскомъ и враковскомъ) и ужгородской (Поруба, Завадка). Точное разграниченіе словацкой области съ областями сосѣднихъ родственныхъ славянскихъ народовъ представляетъ большія трудности, такъ какъ на всѣхъ границахъ оказываются переходные говоры, сближающіе между собою два сосѣднихъ языка. Такъ, извѣстны говоры: моравско-словацкіе, польско-словацкіе и русско-словацкіе. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду неизбѣжное и постоянное взаимное вліяніе родственныхъ народностей и въ области другихъ племенныхъ особенностей, приводящее къ ассимиляціи одной народности другою. Въ этомъ отношеніи, судя по даннымъ послѣдней переписи, словаки оказываются въ болѣе выгодномъ положеніи, усиливаясь на счетъ живущихъ на ихъ территоріи родственныхъ славянскихъ народовъ: поляки и особенно русскіе, окруженные словаками, довольно быстро ословачиваются. Особенно любопытны новѣйшія наблюденія относительно распространенія словацкой народности на востокъ, въ направленіи къ угрорусcамъ. Оказывается, что за 50 лѣтъ словаки пріобрѣли въ пользу своей народности болѣе 250 селъ, преимущественно русскихъ. За то на югѣ словакамъ приходится уступать мадьярамъ. Такимъ образомъ этнографическія границы словацкой народности не представляются устойчивыми; онѣ постоянно мѣняются.

За предѣлами указаной словацкой области, отдѣльныя, болѣе значительныя и компактныя поселенія словаковъ въ видѣ острововъ разсѣяны не только въ указанныхъ уже столицахъ: новоградской (Новоградъ, баньскій островъ, островъ—Нѣживцы-Букра-Киртъ-Люцина, Супотокъ), гонтской (острова: Чаломійлскій, Загорскій и Собскій) абауй-торнской (острова: Гута-Гутка Стара Гута, Выш. Медзевъ, Веска, Дренкы, Переча, Опатовцы, Горабка), земплинской (Стара Гута, Средна Гута, Нова Гута) и ужгородской (Радванка, Анжаловци, Середне, Березное, Тур. Реметы), но также въ комаренской (10 селъ: Бангидъ, Сегешъ, Тардошъ, Семеръ, Нова Дяга), пештской (въ Пештѣ (ок. 25,000)и уѣздахъ гедедловскомъ, монорскомъ, помашскомъ и вацовскомъ; чомадскій островъ), борсодской (острова: ракацкій, абодскій, мугонскій-бешеновскій, старогутскій, иротскій и киральдскій) остригомской (9 селъ, главнѣйшія: Чипъ, Кестучъ, Шарашанъ, Куролы), бѣлеградской (Малый Апоштагъ, Шошкутъ, Тарполъ) и бережской (4 села, главное—Новый Клеповецъ).

Сверхъ того разрозененныя словацкія поселенія встрѣчаются и въ другихъ частяхъ Венгерскаго королевства, а также въ Семиградіи, Хорватіи и Славоніи; обыкновенно словаки живутъ здѣсь смѣшанно съ другими народностями: мадьярами, румынами, сербами, хорватами, нѣмцами и словинцами. Напримѣръ, въ бачской столицѣ такихъ селъ около 12; нѣкоторыя изъ нихъ (Селенча, Гложаны, Кысычъ, Петровецъ) почти чисто словацкія (92—95%)[1]). Въ бекешской столицѣ, на лѣвомъ берегу Тисы, кромѣ нѣсколькихъ деревень, имѣющихъ часть словацкаго населенія, находятся три большихъ города—Чаба, Комлошъ и Сарвашъ—населенныхъ преимущественно словаками. Въ бихарской столицѣ словаки живутъ въ 14 селахъ Пестешь, Гута, Сочетъ и др.), въ чакадской столицѣ въ 6 селахъ (Слов. Бангедешъ, Питварошъ и др.) Въ тарантальской столицѣ три словацкихъ городка-Ковачица, Падина и Слов. Арадачъ, —кромѣ нѣсколькихъ селъ со сплошнымъ словацкимъ населеніемъ. Въ Сремѣ гор. Стара Пазова почти чисто словацкій.

Эти словацкіе острова въ разныхъ частяхъ Венгерскаго королевства частью возникли вслѣдствіе позднѣйшей колонизаціи, частью представляютъ собою остатокъ стародавняго славянскаго населенія, занимавшаго когда-то значительную часть страны, теперь заселенной мадьярами. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нач. X ст. территорія словацкого народа была значительно больше въ сравненіи съ тѣмъ, какою она представляется въ настоящее время; она простиралась и на значительную часть Тисо-Дунайской равнины. Мадьяры же, окончательно разрушивъ Велико-Моравское княжество (907 г.), частью поглотили въ себѣ, частью оттѣснили дальше къ сѣверу славянское населеніе этой равнины.

Въ Цислейтаніи больше всего словаковъ живетъ въ Вѣнѣ.

За предѣлами Австро-Венгерской Монархіи большія колоніи словаковъ находятся въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ.

Словацкіе дротари и мелкіе торговцы расходятся по всему свѣту.

2. Названія народа.

Имя *словаковъ* единственное общее народное имя для данной вѣтви славянства. Употребляемое въ чешской литературѣ на равнѣ

---

[1]) Жители селъ Керестура, Коцуры и Дьюрдева говорятъ по словацки, но называютъ себя русскими (по вѣроисповѣданію). Сравн. *А. И. Соболавскій* въ Věstn. Slov. Starożytn. II, 23. *Fr. Pastrnek* Sbornik Narodop. III, 60 и *O. Broch* Arch. f. Slav Phil. XXI, 54.

съ нимъ названіе *чехо-славяне* новѣйшаго, искусственнаго происхожденія (подобно другому книжному этнографическому термину „Юго-славяне“) и неизвѣстно словацкому народу. Славянскій народъ, обитающій въ предѣлахъ сѣверо-западной Венгріи и юго-восточной Моравіи называетъ себя только словаками, а отнюдь не чехо-славянами. Самая форма имени *словаковъ*, вѣроятно, не исконная. Первоначально она звучала, должно быть, согласно съ общимъ названіемъ всего племени—*словѣне*. Такъ приходится предполагать на томъ основаніи, что употребленіе имени „словаки“ ограничивается только един. и множ. ч. мужскаго рода (Slovak—Slovaci); для женскаго рода и прилагательныхъ формъ основой служитъ „*словен*“: *slovenka, словенка*, а не *slovačka, словачка*; slovenský, а не slovacký; *Slovensko*—названіе словацкой области.

Въ виду широкаго употребленія общаго названія народа мѣстныхъ, частныхъ именъ у словаковъ немного. Наиболѣе извѣстны слѣдующія. Обитатели сѣверныхъ горныхъ странъ называются *горняками* (Horniaci), болѣе низменныхъ мѣстъ и долинъ—*дольняками* (Dolniaci). Жители равнинъ средней и южной Венгріи извѣстны подъ именемъ *дольноземцевъ* (Dolňozemci). Нѣкоторыя названія объясняются особенностями говоровъ. Въ земплинской столицѣ живутъ *сотаки* (Sotaci), выговаривающіе *что* какъ *со* (so); въ спишской столицѣ—*цотаки* (Cotaci), произносящіе *что*, какъ *цо* (co); они же называются и *магураками* отъ погорья Магуры. Въ гонтской и новоградской столицахъ обитаютъ *трпаки* (Trpaci), произносящіе слово *teprv* (теперь), какъ *trpou*. Извѣстно еще насмѣшливое прозваніе *крекаки* (Krekaci).

Больше мѣстныхъ названій по промысламъ или ремесламъ, которыми спеціально занимается населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей. Такъ, въ тренчинской столицѣ живутъ *дротари* (drotari—проволочники, жестяники), въ нитранской и пресбургской столицахъ *зеленинаре* (zeleninare—зеленщики), въ окрестностяхъ Міавы *гусяры* (husiari—скупщики гусей), въ округѣ Крупины—*черешняры* (čerešniari—продавцы вишенъ и др. фруктовъ), въ Оравѣ и турчанской столицѣ—*олейкаре* (olejkari—торговцы растительнымъ масломъ), въ нитранской и липтовской столицахъ *бриндзары* (brindzari—торговцы брынзой и масломъ).

3. Численность словаковъ.

Численность словаковъ можетъ быть опредѣлена только приблизительно. Послѣднія оффиціальныя статистическія данныя, имѣ-

ющіяся только о той части народа, которая живетъ въ Венгріи, относятся къ 1900 г. По переписи, произведенной въ этомъ году, насчитано словаковъ во всемъ Венгерскомъ королевствѣ 2,019,641, включая въ это число 10,897 солдатъ, объявившихъ себя словаками. Эта цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) въ 10 столицахъ, гдѣ словаки составляютъ большинство—1,749,415; 2) въ 6 столицахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ словаки въ меньшинствѣ—86,517; 3) въ разсѣянныхъ по Венгріи словацкихъ островахъ—163,937; 4) въ Семиградіи—2,296; 5) въ Хорватіи и Славоніи—17,476. Но къ этимъ цифрамъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ. По общему мнѣнію словацкихъ и чешскихъ ученыхъ и публицистовъ, оффиціальная угорская статистика оказалась не вполнѣ справедливой по отношенію къ словакамъ, уменьшая ихъ численность въ пользу мацьяръ. Въ рубрику мадьяръ заносились словацкіе ренегаты, а въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ лица, заявившія о знаніи, кромѣ родного словацкаго, также и мадьярскаго языка. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности словаковъ въ Венгріи больше, чѣмъ было сосчитано. Полагаютъ, что ихъ число по даннымъ переписи уменьшено по крайней мѣрѣ на 200,000. Съ другой стороны было указано, что подъ рубрику словаковъ были занесены и поляки, живущіе въ сѣверныхъ столицахъ. По мнѣнію проф. Л. Нидерле такихъ было около 100,000. Если принять эту цифру, то приблизительная, болѣе достовѣрная цифра венгерскихъ словаковъ для 1900 г. должна была быть 2,120,000. Число моравскихъ и вообще цислейтанскихъ словаковъ оставалось и остается неизвѣстнымъ, такъ какъ въ Австріи (Цислейтаніи) при переписи словаки не были выдѣлены въ особую народность и сосчитаны совмѣстно съ чехо-моравами. На основаніи частныхъ соображеній и подсчетовъ, слѣдуетъ думать, что въ юго-восточной Моравіи и прилегающемъ къ ней углу Нижней Австріи словаковъ не менѣе 60,000, а въ Вѣнѣ до 40,000. Слѣдовательно, всего въ Австро-Венгріи было въ 1900 г. около 2,220,000 словаковъ. Къ этой цифрѣ надо прибавить установленную Вальявцемъ и принятую пр. Л. Нидерле цифру словаковъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, равняющуюся 350,000, и до 1000 словаковъ, странствующихъ съ товаромъ по Россіи.

Итакъ, общее число словаковъ для 1900 г. опредѣлялось приблизительно въ 2,571,000. Въ настоящее время, для 1906 г., эта цифра должна нѣсколько увеличиться вслѣдствіе естественнаго прироста населенія. Однако, приростъ этотъ не можетъ быть очень значительнымъ. Успѣшности его мѣшаютъ три обстоятельства: 1) бѣд-

ность и угнетенное положеніе массы словацкаго народа, понижающія рождаемость и увеличивающія смертность; 2) мадьяризація населенія, особенно сильная на югѣ,—въ абауйской, земплинской и новоградской столицахъ; и 3) усиленная эмиграція словаковъ въ Америку, обусловленная тяжелымъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ народа. На основаніи новѣйшихъ оффиціальныхъ данныхъ можно предположить, что приростъ словацкаго населенія составляетъ въ послѣдніе годы около 0,6% въ годъ, т. е. по 6 человѣкъ на 1000, что составляетъ на 2,571,000 въ 6 лѣтъ 92,556 или круглымъ числомъ около 100,000. Слѣдовательно, для даннаго времени, какъ наиболѣе вѣроятную, нужно принять общую цифру словаковъ—2,671,000. Изъ этого числа:

1) въ Венгерскомъ королевствѣ . .	ок.	2,196,400
2) въ Цислейтаніи	ок.	103,600
3) въ Америкѣ	ок.	370,000 [1])
4) въ Россіи	ок.	1,000
Всего . .	ок.	2,671,000

Въ религіозномъ отношеніи словаки не представляютъ единства: большинство принадлежитъ къ римско-католической вѣрѣ, меньшинство къ евангелическому исповѣданію. Численность той и другой части опредѣляется только приблизительно: католиковъ ок. 2,000,000, евангеликовъ ок. 671,000.

4. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи словаковъ.

Историческая судьба словаковъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ западно-славянскихъ народовъ, сложилась слишкомъ неблагопріятно. Они не успѣли сохранить политической самостоятельности, мелькнувшей для нихъ въ отдаленные вѣка лишь на короткое время, и рано должны были войти въ составъ чужого государства. Только на зарѣ своей исторіи, въ IX в., словаки примыкаютъ къ славянскому, такъ называемому Велико-Моравскому княжеству, которое служило западному славянству опорой противъ притязаній міра романо-германскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ было средоточіемъ славянскаго просвѣщенія, насажденнаго незабвенными братьями свв. Ки-

[1]) По свѣдѣніямъ П. Соханя, въ 1905 г. въ Америкѣ насчитывалось словаковъ отъ 450,000 до 500,000 (Ottův Slovník naučný D. XXIII 406. Статья Slovaci).

рилломъ и Меѳодіемъ. Но уже въ X ст. надъ западнымъ славянствомъ разразилась буря въ видѣ нашествія финскаго народа мадьяръ или угровъ, которые въ конецъ разрушили Велико-Моравское княжество и основали въ Тисо-Дунайской равнинѣ новое государство. Въ составъ его должны были войти и словаки, при чемъ нѣкоторая часть ихъ, вѣроятно, была поглощена мадьярами, а нѣкоторая оттѣснена къ сѣверу, къ Карпатамъ. Съ той поры судьба словаковъ тѣсно связана съ судьбой Венгерскаго королевства, долго управлявшагося своими королями сперва изъ національной, а затѣмъ другихъ династій, позже слившагося съ монархіей Габсбурговъ, а въ новѣйшія времена, съ введеніемъ „дуализма“ (1867), стремящагося вновь выдѣлиться изъ этой монархіи. Несмотря на политическую зависимость отъ чужого народа, которая стала особенно тягостной съ XIX ст., словаки успѣли сохранить свою народную личность въ бóльшей чистотѣ и неприкосновенности, чѣмъ ближайшіе ихъ сородичи и сосѣди чехо-мораване, поставленные въ политическомъ отношеніи, повидимому, въ болѣе благопріятныя условія. Въ этнографическомъ отношеніи это одна изъ наиболѣе любопытныхъ, оригинальныхъ разновидностей западнаго славянства. Объясняется это явленіе племенными особенностями мадьяръ-завоевателей и характеромъ ихъ отношеній въ теченіе долгаго ряда вѣковъ къ покореннымъ народностямъ. Какъ ни много бѣдствій причинили мадьяры славянамъ своимъ захватомъ славянскихъ земель, до XIX ст. они не были такими страшными ихъ врагами-истребителями, какими стали уже съ IX в., да еще и раньше нѣмцы. По своему быту, характеру и другимъ этническимъ особенностямъ мадьяры напоминали кочевые, разбойническіе народы, раньше и позже ихъ нападавшіе на славянство, напримѣръ, гунновъ, аваровъ, печенѣговъ, половцевъ, татаръ; но историческая судьба ихъ была иная, чѣмъ всѣхъ другихъ кочевниковъ. Тогда какъ послѣдніе не только не успѣли упрочить своего владычества надъ славянами, но въ концѣ концовъ сами исчезли съ исторической сцены, мадьяры образовали свое государство, уцѣлѣли, какъ народность, до настоящаго времени и добились господствующаго положенія среди окружающихъ ихъ славянъ. Разгадка этого историческаго явленія заключается въ томъ, что мадьяры, пограбивъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій Европу, въ концѣ концовъ осѣли въ Тисо-Дунайской равнинѣ, подъ вліяніемъ славянъ отказались отъ кочевого образа жизни, приняли христіанство по латинскому обряду и вмѣстѣ съ тѣмъ усвоили начала культурной и государственной жизни Западной Европы. Венгерское королевство,

какъ въ средніе, такъ и въ новые вѣка, какъ въ пору вполнѣ самостоятельнаго существованія подъ управленіемъ своихъ королей, такъ позже въ составѣ монархіи Габсбурговъ, отражало въ своей политической и культурной жизни исключительно чужія, западныя, романо-германскія начала (каковы, напримѣръ: латинская церковь, латинскій языкъ въ образованіи и общественной жизни, феодальныя учрежденія, антагонизмъ сословій, порабощеніе низшихъ классовъ народа и проч.), не давая мѣста широкому проявленію и развитію мѣстныхъ національныхъ особенностей. Словаки въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ испытывали всѣ тягости и неудобства такого существованія въ чужомъ государствѣ, но, какъ народность, они не подвергались систематическому преслѣдованію и истребленію со стороны мадьяръ, такъ какъ въ Венгріи долго даже не возбуждалось національнаго вопроса. Мадьяры не думали о широкихъ національныхъ притязаніяхъ и сами въ своей массѣ въ сущности находились въ такомъ же безправномъ положеніи, въ какомъ были словаки. Настоящія бѣдствія словаковъ, создающія опасность самому ихъ существованію, какъ самобытной народности, начались только въ XIX ст., когда съ общимъ пробужденіемъ національнаго чувства у всѣхъ народовъ Австріи и мадьяры также стали заботиться о развитіи и правахъ своей народности и, добившись въ этомъ отношеніи большихъ успѣховъ, пошли еще дальше—стали стремиться къ распространенію своего языка и политическаго преобладанія среди другихъ народовъ стараго Венгерскаго королевства. Словаки и ихъ сосѣди угроруссы въ силу своей беззащитности оказались въ глазахъ мадьярскихъ политиковъ наиболѣе подходящимъ матеріаломъ для усиленія малочисленной мадьярской народности. Систематическое истребленіе словаковъ путемъ мадьяризаціи принимаетъ особенно широкіе размѣры послѣ 1867 г., когда съ раздѣленіемъ Австріи на двѣ самостоятельныя половины, Цислейтанію и Транслейтанію, мадьяры очутились полными хозяевами въ своей Транслейтанской половинѣ. Но съ другой стороны, одновременно съ развитіемъ у мадьяръ національныхъ стремленій, и у словаковъ пробудилось и постепенно окрѣпло національное самосознаніе, служащее народу въ извѣстной степени опорой противъ несправедливыхъ притязаній мадьярства. Благодаря такимъ историческимъ условіямъ, словацкій народъ, несмотря на всѣ испытанныя имъ и постоянно продолжающіяся невзгоды, удивительнымъ образомъ сохранилъ свой столь богатый оригинальными этнографическими чертами славянскій типъ. Оказавъ въ старыя времена сильное антропологическое и культурное вліяніе на своихъ поработителей мадьяръ, сами сло-

ваки въ своей массѣ, за исключеніемъ высшихъ классовъ, не поддались инородческому племенному вліянію и въ настоящее время борятся противъ мадьяризаціи. Нерѣдко у нихъ оказываются въ неприкосновенномъ видѣ такія драгоцѣнныя особенности народнаго быта и характера, которыя приходится встрѣчать далеко не у всѣхъ австрійскихъ славянъ. Въ словацкой землѣ наблюдаются замѣчательное богатство и разнообразіе народныхъ пѣсенъ, широкое употребленіе оригинальной разнообразной по покрою народной одежды, стародавніе народные обычаи, обряды и вѣрованія, удивительно чистый, чуждый постороннихъ примѣсей, звучный и выразительный славянскій языкъ, наконецъ, сильно развитое славянское сознаніе. Эта послѣдняя черта заслуживаетъ особаго вниманія. Издавна находясь подъ чужеземнымъ игомъ, словаки не питаютъ никакихъ собственныхъ широкихъ политическихъ плановъ, не мечтаютъ подобно многимъ другимъ славянскимъ народамъ о созданіи своего государства, но зато живо сознаютъ свое духовное родство со всѣми народами славянскаго міра и желаютъ свободы, политической и духовной всему славянству. Быть можетъ, нигдѣ въ Австро-Венгріи славянская идея не пустила такихъ глубокихъ корней, какъ въ словацкомъ народѣ. Недаромъ же этотъ народъ выставилъ такихъ великихъ поборниковъ этой идеи, какими были знаменитые Шафарикъ, Колларъ и Л. Штуръ. Не безъ вліянія на широкое развитіе у словаковъ всеславянскаго чувства должно быть занимаемое этимъ народомъ серединное мѣсто въ славянской семьѣ народовъ. Со словаками сосѣдятъ представители восточнаго, западнаго и южнаго славянства: русскіе, поляки, чехи и сербы. Окраинные говоры словацкаго языка сближаются то съ чешскимъ, то съ польскимъ, то съ русскимъ, то съ сербскимъ языками.

Въ этнографическомъ отношеніи словацкій народный типъ представляетъ нѣсколько разновидностей, различающихся по покрою и цвѣтамъ одежды, по занятіямъ и характеру, по говору. Наиболѣе рѣзкое различіе наблюдается между жителями горъ—горняками и долякамп. Языкъ словаковъ, главная характерная особенность народа, не представляется однороднымъ на всемъ протяженіи занимаемой имъ территоріи. Всѣ словацкіе говоры обыкновенно подводятъ подъ три нарѣчія: среднее, западное и восточное. *Среднее* нарѣчіе распространено по верхнему Поважью, верхнему и среднему Погронью (до рѣки Сланы), а также по рѣкамъ Римавѣ, Ельшавѣ, т. е. въ столицахъ: нижне-оравской, турчанской, липтовской, зволенской, тековской, гонтской, новоградской и частью гемерской. Это нарѣчіе, въ которомъ различаютъ 5 поднарѣчій (главнѣй-

шія—зволенскій и липтовскій говоры), по преимуществу представляетъ характерныя черты словацкаго языка и лежитъ въ основѣ современнаго литературнаго языка. *Западное* нарѣчіе господствуетъ во всей западной части словацкой территоріи, именно: въ юго-западной части Моравіи, въ Нижней Австріи отъ Волтицъ къ Стреженицамъ и въ Венгріи, въ области рѣкъ—нижней Моравы, нижняго и средняго Вага и Нитры, т. е. въ столицахъ—пресбургской, нитранской, тренчинской и части оравской. Это нарѣчіе представляетъ черты сходства съ моравскими нарѣчіями, главнѣйше съ валашскимъ и дольскимъ, и само распадается на значительное количество поднарѣчій (главныхъ 5) и говоровъ. Оно (главнѣйше тернавскій говоръ) лежало въ основаніи литературнаго языка, созданнаго въ концѣ XVIII и пол. XIX столѣтія Бернолакомъ и его послѣдователями. *Восточное* нарѣчіе распространено въ области, лежащей на востокъ отъ Татръ и р. Сланы къ Ужгороду и Карпатской „верховинѣ", т. е. въ столицахъ—спишской, шарышской, земплинской и абауйской. Оно представляетъ двѣ главныя группы говоровъ: 1) спишско-шарышскіе говоры, отличающіеся чертами сходства съ польскимъ языкомъ и 2) земплинско-кошицкіе говоры, сближающіеся съ сосѣднимъ малорусскимъ нарѣчіемъ.

Политическое положеніе словаковъ крайне тяжелое. Это самый забитый, угнетенный и безправный народъ въ Австро-Венгріи, если не считать Угорской Руси, находящейся въ еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ. За исключеніемъ небольшой части народа, живущей въ юго-восточной Моравіи и нижней Австріи и политически оторванной отъ своихъ братьевъ, главная масса словаковъ входитъ въ составъ Венгерскаго королевства или Транслейтаніи, въ которой полновластными повелителями является господствующая народность, мадьяры. Основные законы Венгріи очень либеральны; между прочимъ, они устанавливаютъ равноправность языковъ и народностей королевства, участіе всѣхъ народовъ въ управленіи страны, самую широкую свободу личности и печати. Но въ дѣйствительной жизни всѣ эти права и свободы существуютъ только для мадьяръ, а прочія народности, живущія въ государствѣ, представляютъ собою какихъ-то паріевъ, всячески угнетаемыхъ и притѣсняемыхъ. Въ явный обходъ законовъ, словаки и русскіе въ этомъ отношеніи особенно испытываютъ на себѣ этотъ произволъ господствующей народности. Трудно представить себѣ болѣе безотрадное и безвыходное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находятся словаки. У нихъ отнято буквально все, что только можно отнять у народа. Самое существованіе словаковъ, какъ этнографической особи, какъ бы отрицается

государствомъ и мадьярскими государственными дѣятелями. Всякій образованный человѣкъ, именующій себя словакомъ, открыто говорящій по-словацки, разсматривается какъ панславистъ, считается измѣнникомъ отечеству, врагомъ государства и подвергается явнымъ и тайнымъ преслѣдованіямъ со стороны властей. Словацкій языкъ открыто подвергается преслѣдованію даже въ чисто словацкихъ столицахъ. Онъ не допускается въ среднія школы; три словацкія гимназіи, основанныя на народныя деньги, уже болѣе 30 лѣтъ назадъ были насильственно закрыты правительствомъ. Нѣтъ ему мѣста и въ низшихъ народныхъ школахъ, содержимыхъ на государственный счетъ. Онъ терпится только въ немногочисленныхъ церковныхъ школахъ, содержимыхъ на мѣстныя средства общинъ, но и тамъ онъ постоянно стѣсняемъ расширеніемъ преподаванія мадьярскаго языка. Десятки тысячъ дѣтей не слышатъ въ школахъ ни одного слова на родномъ языкѣ. Подобнымъ же образомъ устраненъ словацкій языкъ изъ суда, администраціи, всѣхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденій. Всѣ судебные акты, повѣстки, дѣловыя оффиціальныя бумаги, довѣренности допускаются исключительно на мадьярскомъ языкѣ. Всѣ распоряженія властей, всѣ торговыя, нотаріальныя бумаги, однимъ словомъ все, что имѣетъ оффиціальный характеръ, составляется и пишется только по-мадьярски. Наконецъ, мадьярскій языкъ постепенно вводится въ церковь, въ богослуженіе и проповѣдь въ чисто словацкихъ приходахъ. Чтобы оцѣнить вполнѣ всю тяжесть и несправедливость такого насильственнаго навязыванія мадьярскаго языка, нужно припомнить, что языкъ этотъ очень далеко отстоитъ не только отъ славянскихъ, но и отъ всѣхъ прочихъ индо-европейскихъ или флексивныхъ языковъ и что, вслѣдствіе того, изученіе его для всякаго европейца представляетъ большія трудности. Сверхъ того не лишено значенія и то обстоятельство, что знаніе мадьярскаго языка не можетъ служить средствомъ къ усвоенію истинно широкаго просвѣщенія и образованія, такъ какъ мадьярская литература очень бѣдна, мало оригинальна и по преимуществу питается случайными заимствованіями изъ чужихъ литературъ, главнымъ же образомъ изъ нѣмецкой. Одновременно съ преслѣдованіемъ народнаго языка, словакамъ чинятся и всякія другія насилія и неправды. Они лишены всякихъ правъ, какія имъ принадлежатъ по конституціи. Благодаря явнымъ беззаконіямъ, происходящимъ при процессѣ выборовъ, словаки почти не имѣютъ возможности проводить своихъ представителей въ венгерскій законодательный сеймъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ этомъ сеймѣ не было ни одного словака. Въ по-

слѣдніе годы туда стали попадать по нѣсколько (четыре-пять) народныхъ словацкихъ патріотовъ, которые, однако, въ силу своей малочисленности, лишены возможности защищать съ успѣхомъ права и интересы своего народа. Точно также словаки не могутъ принимать участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Всѣ высшія правительственныя должности, всѣ чиновничьи мѣста находятся въ рукахъ мадьяръ и мадьяроновъ или даже евреевъ. Высшій классъ общества, дворянство давно уже омадьярилось и идетъ заодно съ врагами своего народа; многочисленное еврейство, поработившее страну въ экономическомъ отношеніи и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, поддерживаетъ господствующую народность. Изъ представителей этихъ двухъ элементовъ собственно и состоятъ т. н. столичныя или комитатскія собранія, нерѣдко не имѣющія ни одного народнаго словацкаго представителя. Для обезпеченія успѣховъ мадьяризаціи правительство не останавливается въ выборѣ средствъ, иногда явно безнравственныхъ, каковы, напримѣръ, основаніе на народныя деньги мадьяризаторскихъ „культурныхъ обществъ“, обманный и насильственный увозъ здоровыхъ словацкихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ чисто-мадьярскіе комитеты, преслѣдованіе судомъ словацкихъ писателей, публицистовъ и другихъ народныхъ дѣятелей.

Несмотря на весь этотъ гнетъ, на всѣ невзгоды и бѣдствія, словаки еще не пропали; они держатся, ведутъ борьбу за свое существованіе, заявляютъ о себѣ, какъ нація. Главнымъ выраженіемъ и вмѣстѣ опорой національной жизни служитъ литература. Несмотря на свою молодость, она представлена уже цѣлымъ рядомъ крупныхъ талантовъ (Л. Штуръ, М. Гурбанъ, А. Сладковичъ, С. Халупка, Я. Краль, В. Паулини-Тотъ, С. Томашикъ, Калинчакъ, І. Гурбанъ-Ваянскій, Орсагъ-Гвѣздославъ) и отвѣчаетъ самымъ насущнымъ запросамъ и требованіямъ народа. Главнымъ средоточіемъ литературной и политической жизни народа служитъ маленькій городокъ въ турчанской столицѣ—Св. Мартинъ. Здѣсь находятся народныя учрежденія: народный „Домъ“ съ библіотекой, музеемъ и театромъ, ученое общество „Museálna spoločnost“, народный банкъ и другія патріотическія и экономическія общества. Здѣсь издаются важнѣйшія словацкія газеты и журналы. Здѣсь устраиваются политическіе и культурно-просвѣтительные съѣзды. Изъ другихъ словацкихъ городовъ и мѣстечекъ наиболѣе значенія въ народной жизни имѣютъ: Тренчинъ, Баньска Быстрица, Липтовскій св. Микулашъ, Тернава и Нитра.

5. Литература.

Указанныя выше, въ I главѣ (стр. 16—18), общія карты славянства— Шафарика, Мирковича, Риттиха, Зарянка, Вергуна, Шимачка и этнографическія карты Австро-Венгріи: Бергхауза, Гейфлера, Чернига, Фикера, Киперта, Ле-Моньё, Гатшки, Гомолки, Ретея, Балога, Гикмана, Де-Волана, Наберта, Лангханса.

Указанные выше въ I гл. (стр. 20—21) труды по новѣйшей этнографіи и статистикѣ Венгріи: Гунфальви, Швикера, Матлековича, Варги, Лейпера, Земриха, Де-Волапа, Балога.

Dr. L. Niederle, Národopisná mapa uherských Slovaků na základě ščítání lidu z roku 1400. Этнографическая карта венгерскихъ словаковъ, составленная на основаніи переписи 1900 г. Praha. 1903. (Národopisný Sborník česko-slovánský. Svazek IX).

C. Langhans, 1, Verbreitung der Deutschen in den Ländern der Ungarichen Krone; 2, Karte der Verbreitung der Deutschen in Ungarn 1900 nach Bezirken (Pettermann's Geographische Mittheilungen).

М. Д. Словаки и словенское околье въ Угорщинѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1868. Августъ).

A. Šembera, 1, Základové dialektologie česko-slovenské. Ve Vídni. 1864; 2, Mnoho li jest Čechů, Moravanů a Slovaků, a kde obyvaji? Praha. 1877.

Fr. Sasinek, Die Slovaken. Eine ethnographische Skizze. 2-te Auflage. Prag. 1875.

R. Pokorný, Z potulek po Slovensku. V. Praze. 1884.

Св. Гурбанъ-Ваянскій, Нынѣшнее положеніе словаковъ (Славянскій Ежегодникъ VI. Кіевъ, 1884).

Словаки и русскіе въ статистикѣ Венгріи (Славянскій Сборникъ. Спб. Т. I. 1875).

Oesterreichisch-Ungarische Monarchie in Wort und Bild Bd. Ungarn (V.) Wien. 1898.

Fr. Guntram Schultheiss, Deutschthum und Magyarisierung. Mit einer Karte des Anteils der Deutschen an der Gesamtbevölkerung. München. 1898. (Der Kampf um das Deutschthum. H. 9).

Ottův, Slovník Naučný. Статьи Slovaci и Slovensko. T. XXIII. (1905 г.) стр. 416 и слѣд. и 454 и слѣд. (съ этнографической картой.

Slovensko. Praemie *Umělecké Besedý na* 1901 г. Praha. 1902.

Česko-slovanská Národopisná Výstava v Praze 1890. Vydali *Výkonný Výbor národopisné výstavy česko-slovanské a Národopisná Společnost česko-slovanská.*

J. Grabski, Slowacy. Warszava. 1901.

Smiskowa, Naši pobratýmcy Slowacy. Warszawa. 1901.

Karel Kálat, Slovensko a Slovaci. V Praze. 1905.

Jul. Botto, Slovaci. Vývin ich národného povedomia. Dejepisný nakres. Turčianský Sv. Martin 1906.

Dr. Karel Kadlec, Národnostní a jazyková otázka v Uhrách. V. Praze 1906. (Česká Politika. 1906).

Zawilinski, 1, Słowaci, ich życie i literatura; 2, Nieco o Slowakach (Slowiański Swiat. 1905. I. 140).

Th. Čapek, The Slovaks of Hungary, Slavs und Panslavism. New-York, 1906.

L. Niederle, 1, K sporu o rusko-slovenské rozhraní v Uhrách. 1903; 2, Nova data k východní slovenske hranici v Uhrách (Národopisný Věstník česko-slovanský. 1907. R. II. Leden).

А. И. Соболевскій, О границѣ русскихъ и словаковъ въ Угорщинѣ (Живая Старина 1895 г. II. 235).

J, Škultety, O hranici medzi Rusmi i Slovakmi v Uhorsku. (Slovenské Pohľady, 1896. 125; также ср. 1895. 382. 500).

V. Broch, 1, Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania 1897. (съ картой); 2, Weitere Studien von den slowakisch-kleinrussischen Sprachgrenze. Kristiania 1899. (въ Archiv für Slavische Philologie XIX. 17). 3, Aus der Ungarischen Slavenwelt (Archiv für Slavische Philologie XXI. 54).

Вл. Гнатюкъ, 1, Замѣтки по поводу мнѣнія пр. Брока въ Зап. Товар. імени Шевченка XL, библіографія 28. 2, Словаки чи Русини? (Зап. Тов. ім. Шевч. XLII 28, 39; 3, Русини Пряшівськоі епархіи і їх говори (Зап. Тов. ім. Шевч. XXXV—XXXVI).

Fr. Pastrnek, Rusini jazyka slovenského, Odpověď panu Vl. Hnatjakovi. Спб. 1897. (Сборникъ по славяновѣдѣнію II).

Klima, Rusko-slovenská hranice na vychodě Slovenska.

M. Gumpłowicz, Polacy na Węgrzech. (Lud. VII. VIII).

Felix Kutlik, Bač Sriemski Slovaci. Nem. Palanka. 1888.

J. Fr. Bella, 1, Bekěsska stolica (Slov. Pohľady. 1901. 531); 2, Slovaci v Bekešskej stolici (Slov. Pohľady. 1902).

Em. Koleny, Banatski Slovaci (Slov. Pohl'ady 1892. 462).

Mišik, 1, Akej viery su Slovaci? (Slov. Pohl'ady 1895. 566. 623); 2, Slovo o kolonisacii Spiša (Sborník Museálnoj Spoločnosti. I).

Fr. Bartoš, Dialektologie Moravská. D. I. 1886.

Dr. Samo Czambel, 1, Slovácí a ich reč. V Budapešti 1903; 2, Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. I. Oddelenie: Osnovy a iný material rečouý. (I. Čiastka: Východnoslovenské nárečie). V. Turčianskom Sv. Martine r. 1906.

Т. Флоринскій, 1, Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. II. Кіевъ. 1897. (Словацкій языкъ); 2, Всѣми забытый и униженный славянскій народъ. Кіевъ. 1899. (Приложеніе къ отчету о дѣятельности Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества за 1898 г.).

И. Срезневскій, Словацкія пѣсни. Харьковъ. 1832.

Sborník slovenských národnich piesní, povestí, prisloví, poríekadel, hádok, hier, obyčajov a povier. Vydava *Matica Slovenská*. Sv. I vo Viedni 1870; Sv. Turč. Sv. Martin. 1874.

Pisně Slovenské. V Praze. 1879 (изд. общ. «*Slavia*»).

Slovenské spevy. Turč. Sv. Martin. I. III. 1882—1888.

Я. Вóлчекъ, 1, Исторія словацкой литературы. Переводъ А. Опфермана съ предисловіемъ проф. Т. Флоринскаго. Кіевъ. 1889; 2, Dějiny literatury slovenskej. Napisal *J. Vlček*. V Turč. Sv. Martine. 1890.

Л. Пичъ, Очеркъ политической и литературной исторіи словаковъ за послѣднія сто лѣтъ. Спб. 1875—1877. (Славянскій Сборникъ Т. I и II).

Важнѣйшія періодическія изданія, содержащія свѣдѣнія по статистикѣ и этнографіи словаковъ.

Zora, (1835—1840).

Orol Tatranski, (1845—1852).

Nitra, (1842—1854. 1877).

Slovenské Pohl'ady na vedy, umenie a literaturu (1846—1852).

Slovenské Pohl'ady na literaturu, umenie a život. (съ 1852).

Letopis Matice slovenskej, (1864—1884) T. I—XI.

Slovenský letopis pre historiu, topografiu, archaeologiu a etnografiu Vyd. Sasinek V Skalici. I. 1876; II, 1877.

Národnie Noviny, (съ 1878 г,) V Turčianskom Sv. Martine.

Slovenské Pohľady, Turč. Sv. Martin. (съ 1881).

Sborník Museálnéj Slovenskej Spoločnosti. Turč. Sv. Martin (съ 1896 г.).

Tovaryštvo, Sborník literárnych prac. Ružomberk.

VIII.

Сербы Лужицкіе (Лужичане).

1. Сербо-Лужицкая область и ея границы.

Сербы лужицкіе (лужичане)—небольшой славянскій народецъ, занимающій узкую полосу земли по верхнему теченію Спревы (Шпрее), въ предѣлахъ саксонской и прусской Лузаціи (Lausitz, Лужицы). Народецъ этотъ, самый малый въ славянствѣ, составляетъ лишь остатокъ нѣкогда болѣе численной славянской вѣтви, заселявшей территорію гораздо бóльшую въ сравненіи съ той, какою является въ настоящее время сербо-лужицкая земля. Въ VIII—X ст. Полабскіе сербы, дѣлившіеся на много мелкихъ племенъ, которыя объединялись въ три главныя вѣтви — лужичанъ, мильчанъ, и сербовъ, занимали всю страну между Салой, Чешскимъ лѣсомъ, Одрой и ея притоками. На сѣверѣ границей ихъ территоріи была линія, проведенная отъ верхняго теченія Вѣры и Фульды въ нынѣшнемъ Гессенѣ, черезъ устье Салы до Лабы по южной границѣ Браниборской (Брандебургской) марки къ Дамбнѣ (нѣм. Dahme), затѣмъ черезъ Жельмъ (Baruth) и Сосны (Zossen) къ Копенику и далѣе черезъ Приборъ (Furstenwalde) къ Гурешѣ (Aurith) на Одрѣ; на востокѣ границами служили рѣки Одра, Бобра и Квиса; на югѣ— Чешскія горы до окрестностей Брода (Furth) и Хама на Рѣзню (Regen) въ Верхнемъ Пфальцѣ; западная граница сербской области терялась въ нѣмецкой землѣ. На сѣверѣ полабскіе сербы сосѣдили съ лютичами, на югѣ съ племенами чешской вѣтви, на востокѣ примыкали къ ляшской вѣтви. Въ понятіе собственныхъ сербовъ входилъ цѣлый рядъ племенъ и жупъ: *гломачи* (на западъ отъ Мишня-—

Meissen), *нишане* и *горни шкудицы* (на югъ отъ гломачей), *нижане*, *житицы* и *сербишцы*, *жирмунты*, *сусли*, *плисни*, *нудичи*, *нелетичи*, *коледичи* и *долни шкудицы*, *сербско* (8 жупъ). Большая часть племенъ этого полабскаго славянства погибла подъ натискомъ нѣмецкаго племени. Нынѣшніе сербы-лужичане представляютъ собой на этнографической картѣ средней Европы крошечный островъ, со всѣхъ сторонъ окруженный бурнымъ нѣмецкимъ моремъ. До сихъ поръ они называютъ себя *Serbjo* (ед. ч. Serb. нижнелужиц. *Serske*, ед. ч. *Serski*) а языкъ свой serbska reč. Нѣмцы называютъ лужичанъ *вендами* (Wenden, Lausitzische Wenden, Sorben, Sorbenwenden). Быть можетъ, отражая въ себѣ старую племенную раздробленность, лужицкіе сербы и въ настоящее время представляютъ въ этнографическомъ отношеніи двѣ разновидности—*Верхнихъ лужичанъ* и *Нижнихъ лужичанъ*; первые занимаютъ южную часть области, вторые—сѣверную.

Болѣе или менѣе точное обозначеніе границъ области серболужицкой народности представляетъ значительныя трудности, такъ какъ границы эти постоянно мѣняются не въ пользу славянства. Собранныя по этому вопросу новѣйшія данныя весьма характерны. Въ 80-хъ годахъ (1884—1886) извѣстнымъ сербо-лужицкимъ филологомъ dr. Е. Мукой была составлена обстоятельная, этнографическая карта сербо-лужицкой земли, основанная на подробной статистикѣ ея населенія. Теперь по изслѣдованіямъ и наблюденіямъ другого большого знатока сербо-лужицкой народности, чешскаго ученаго dr. А. Чернаго, оказывается, что карта эта нуждается въ существенныхъ исправленіяхъ вслѣдствіе происшедшихъ за послѣднія 20 лѣтъ новыхъ нѣмецкихъ мирныхъ захватовъ на сербо-лужицкой землѣ, преимущественно среди нижнихъ лужичанъ. Всѣ эти новѣйшіе захваты и отмѣчены dr. Чернымъ на составленной имъ картѣ сербо-лужицкой области [1]). Основываясь на данныхъ картъ Муки и Чернаго, предѣлы сербо-лужицкой земли, т. е. области на которой сербы-лужичане составляютъ большинство жителей, можно приблизительно опредѣлить слѣдующей линіей. Она начинается на западѣ, въ Саксонской Лузаціи, отъ Журицъ (Žuric) и идетъ къ С. около Кошецъ, Яворы, Панчицъ, Милочицъ, Небельчицъ, Нѣм. Пазлицъ, Чорнова и Бѣлы къ Высокой, далѣе черезъ границу саксонско-прусскую къ Чикецамъ, затѣмъ черезъ нижнелужицкую границу около Брезка и Вурлицы къ Злому Ко-

---

[1]) *Ottův*. Slovník Naučný. D. XXIII (1905 г.), статья Srbové Lužičtí.

морову, отсюда около онѣмеченнаго уже Репишча къ сербскому Жаркову; далѣе пограничную линію составляютъ: Лешкей, Вельцей, Клешникъ, Гурки, Язорки, Лежины, Вуразъ, Ольшинка, Гулинкъ, Кибушъ и онѣмеченный Роченьцъ; потомъ линія обходя онѣмеченный Хотебузъ, идетъ близъ онѣмеченнаго Гайнка и сербскаго Кокрёва къ онѣмеченной Гуштанѣ, далѣе на С.З. около сербск. Нашенцъ къ Вѣтошову, около серб. Радуши на С.В. къ онѣмеч. Бѣлой Горкѣ и по сѣверной сторонѣ къ Сейпейдѣ. На востокѣ пограничная линія идетъ къ Ю. около Дрейцъ, къ р. Нисѣ у с. Рогова черезъ онѣмеченныя села: Гусока, Гуздъ, Дуброва, Яты, Смаржовъ, М. Кульскъ, Церекъ, Емелица, переходитъ границу Нижнихъ Лужицъ, направляется около Брунойцъ у Мужакова къ Скярбишецамъ, оттуда къ Новому Любольню, далѣе ок. Гузницы черезъ Кольмъ (Kholm) къ саксонской границѣ у Малечицъ, близъ Ношучицъ, Ямы у Лухова къ Старому Любію. Отсюда начинается южная граница, которую опредѣляетъ линія, проходящая черезъ Дожинкъ на Ю. отъ горы Чернобога къ Богову близъ Бедруска, черезъ Варночицы, Демьяны, Новую Весь, Тумицы, Стаховъ у Ледзьборцы къ Журицамъ.

На картѣ Муки за границами сербо-лужицкой области, не вполнѣ совпадающими съ отмѣченными выше, изображенъ особой краской довольно широкій нѣмецко-сербскій поясъ [1]), обозначающій землю, на которой сербы-лужичане живутъ въ значительномъ меньшинствѣ. А. Черный также отмѣчаетъ этотъ поясъ на своей картѣ, но нужно думать, что за послѣднія двадцать лѣтъ находившійся въ предѣлахъ этого пояса сербо-лужицкій элементъ если не совсѣмъ исчезъ, то значительно уменьшился. Нѣмецкая народность, сжимающая со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ кольцомъ маленькую славянскую народность, уже давно пробралась вглубь сербо-лужицкой земли и образовала здѣсь рядъ своихъ островoвъ. Главнымъ образомъ это болѣе значительныя города и мѣстечки: Будышинъ (Bautzen), Малый Вельковъ, Вуспоркъ (Weissenberg), Куловъ (Wittichenau), Войерецы (Hoyerswerda), Мужаковъ (Muskau), Гродекъ (Spremberg), Злой Коморовъ (Senftenberg), Дрёвкъ (Drebkau), Хоцебузъ (Chózebus, вл. Khocebuz, нѣм. Cottbuz) и Пицнь.

Такимъ образомъ, сербо-лужицкая область расположена въ двухъ нѣмецкихъ государствахъ: въ Саксоніи, въ будышинскомъ

[1]) Предѣлы этого пояса обозначаются слѣдующими поселеніями, начиная съ ЮЗ: Земицы, Паловъ, Крѣпецы, Ежовъ, Неджиховъ, Шейковъ, Вотшовъ, Буковина, Лазъ, Калкойце, Любновъ, Нова Нева, Люборазъ, Барклова, Малкса, Носыдлейце, Бужемысль, Ряшчань, Царна, Дубе, Езоръ, Соботокъ, Любій, Смилайна.

округѣ, и въ Пруссіи, въ округахъ — воерецкомъ, мужаковскомъ, хотѣбузскомъ, куловскомъ, гродецкомъ и жаровскомъ. Пруссіи принадлежитъ большая часть области, Саксоніи -меньшая. За предѣлами своей земли небольшое число сербовъ-лужичанъ живетъ въ другихъ ближайшихъ частяхъ Германіи, а также въ Америкѣ и Австраліи.

2. Двѣ народности.

Сербо-лужицкій народъ складывается изъ двухъ разновидностей: верхнихъ лужичань (Horni Srbjo) и нижнихъ лужичанъ (Dolni Serske). Верхніе лужичане раздѣлены между Пруссіей и Саксоніей; нижніе лужичане живутъ въ Пруссіи. Границу между обѣими народностями составляетъ ломанная линія, которая идетъ по чертѣ сперва мужаковскаго и жоровскаго (Sorau) округовъ, а потомъ мужаковскаго и гродецкаго округовъ, достигаетъ Спревы сѣвернѣе сліянія Большой и Малой Спревы и черезъ Терпъ, Забродъ, Блунъ, Парцовъ направляется къ Кошинѣ, Торнову и Коморову. Различіе между верхними и нижними лужичанами простирается отчасти на область народныхъ обычаевъ, преданій, пѣсенъ, покроя народной одежды и проч., но особенно сказывается въ народной рѣчи. Въ каждой изъ указанныхъ половинъ народа она представляетъ настолько характерныя особенности, что необходимо признать существованіе въ сербо-лужицкомъ языкѣ двухъ главныхъ нарѣчій: верхне-лужицкаго и нижне-лужицкаго. Нѣкоторымъ ученымъ эти отличія казались настолько рѣзкими и существенными, что заставляли ихъ признавать каждое изъ двухъ нарѣчій за самостоятельные языки, на ряду, напримѣръ, съ чешскимъ и польскимъ, или сербо-хорватскимъ и болгарскимъ. Такъ, напримѣръ, разсматриваются сербо-лужицкія нарѣчія въ извѣстной „Сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ“ Ф. Миклошича. Въ настоящее время такую точку зрѣнія едва-ли можно считать правильной. Верхніе и нижніе лужичане несомнѣнно разновидности одного народа, а верхне-лужицкое и нижне-лужицкое нарѣчія принадлежатъ къ одной языковой области и должны быть разсматриваемы какъ два нарѣчія одного сербо-лужицкаго языка. Кромѣ этихъ нарѣчій существуетъ еще третье—средне-лужицкое, сближающее верхне-лужицкое нарѣчіе съ нижне-лужицкимъ, употребляемое народомъ, живущимъ на границѣ между обѣими главными нарѣчіями. Сверхъ того, въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій наблюдаются частныя разпорѣчія и говоры. Такое разнообразіе нарѣчій и говоровъ среди маленькаго сербо-лужицкаго народа, вѣроятно, восходитъ къ глубокой древ-

ности и объясняется раннимъ развитіемъ этнической индивидуальности племенъ и колѣнъ сербо-лужицкой вѣтви. Въ частности верхне-лужицкое нарѣчіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ близко къ чешскому языку; нижне-лужицкое, напротивъ, представляетъ, болѣе чертъ, сближающихъ его съ польскимъ. Такимъ образомъ въ цѣломъ сербо-лужицкій языкъ занимаетъ середину между польскимъ и чешскимъ, служитъ связующимъ звеномъ между этими языками.

3. Численность сербовъ-лужичанъ.

Численность лужицкихъ сербовъ опредѣляется лишь приблизительно. Съ прискорбіемъ приходится установить тотъ фактъ, что она постоянно уменьшается и что самый малый славянскій народъ постепенно вымираетъ. На это указываютъ не только оффиціальныя статистическія данныя, но и свѣдѣнія, сообщаемыя самими мѣстными сербо-лужицкими учеными и патріотами.

Въ началѣ 80-хъ годовъ Dr. Мука насчитывалъ всѣхъ сербовъ-лужичанъ въ обѣихъ Лужицахъ 166,067 (верхнихъ лужичанъ 93,567, нижнихъ лужичанъ 72,410), а съ живущими въ другихъ частяхъ Германіи, кромѣ Пруссіи и Саксоніи, въ Америкѣ и Австраліи (10,902) всего 176,969, въ томъ числѣ верхнихъ лужичанъ 101,059, а нижнихъ лужичанъ 75,910. Для 1900 г. оффиціальная статистика насчитывала во всей Германіи сербовъ-лужичанъ всего 93,032, а съ прибавкой $^2/_3$ изъ числа двуязычныхъ,т. е. (по предположенію Л. Нидерле) 15,852, всего 108,884. Авторитетные изслѣдователи сербо-лужицкой народности (Парчевскій, Швеля, Черный, Нидерле) считаютъ эту оффиціальную цифру не соотвѣтствующей дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, признаютъ несомнѣнность постепеннаго убыванія народности, хоть и не въ такой степени, какую устанавливаетъ оффиціальная статистика. По исчисленію А. Чернаго (1905) за 20 лѣтъ, протекшихъ со времени выхода въ свѣтъ статистики Муки, численность сербовъ-лужичанъ уменьшилась по крайней мѣрѣ на 20,000. Это уменьшеніе произошло главнымъ образомъ за счетъ нижнихъ лужичанъ. Итакъ болѣе вѣроятной нужно считать общую цифру сербовъ-лужичанъ въ 157,000 (156,969); именно:

Верхнихъ лужичанъ . . . . ок. 101,000
Нижнихъ лужичанъ . . . . ок. 56,000

Изъ этого числа:

въ Саксоніи . . . . ок. 56,000
въ Пруссіи . . . . ок. 90,000

въ другихъ частяхъ Германіи, въ Америкѣ (Техасѣ) и Австраліи . . . . . ок. 11,000

Всего 157,000

Въ религіозномъ отношеніи большинство сербовъ-лужичанъ— протестанты (евангелики и лютеране); только 15,000 верхнихъ лужичанъ—католики.

4. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи лужицкихъ сербовъ.

Крошечный сербо-лужицкій народъ, остатокъ нѣкогда численнаго полабскаго славянства, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій среди бушующаго вокругъ него германизма, представляетъ собою любопытную этнографическую разновидность славянства. Издавна живя въ чужомъ нѣмецкомъ государствѣ, тѣснимые и подавляемые со всѣхъ сторонъ нѣмецкимъ племенемъ, нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой образованностью, сербы-лужичане, тѣмъ не менѣе, въ достаточной степени сохранились какъ оригинальная славянская народность. Они не только удержали свое народное имя, свой народный языкъ съ его разнообразіемъ нарѣчій и говоровъ и съ его любопытными архаизмами, но также остались вѣрны многимъ сторонамъ славянской народной жизни: въ своемъ быту соблюдаютъ старинные обряды и обычаи, помнятъ еще народныя пѣсни и сказки, не отказываются отъ народной одежды. Конечно, подъ вліяніемъ постоянныхъ и неизбѣжныхъ успѣховъ германизаціи вся эта старина и связанныя съ ней національныя и племенныя особенности мало-по-малу исчезаютъ, но тѣмъ не менѣе въ извѣстной степени они все же держатся во многихъ мѣстахъ сербо-лужицкой области. Еще болѣе замѣчательно, что сербы-лужичане не только уцѣлѣли, какъ народность, но и успѣли заявить себя въ культурной жизни, добились нѣкоторыхъ правъ для своего языка въ церкви и школѣ, создали свою литературу, обзавелись періодическими изданіями, учеными и просвѣтительными учрежденіями, выставили цѣлый рядъ писателей и ученыхъ, пользующихся почетомъ и извѣстностью въ славянскомъ мірѣ (А. Зейлеръ, Я. Э. Смолеръ, Пфуль, М. Горникъ, Вегля, Цишинскій, Мука, Швеля, Тешнаръ и др.). Сербо-лужицкая литература, подобно литературамъ другихъ малыхъ славянскихъ народовъ, является главной опорой народности и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ ея выраженіемъ. Къ сожалѣнію, болѣе широкому ея развитію значительно вредитъ, помимо другихъ обстоятельствъ, націо-

нальное разъединеніе. У сербовъ-лужичанъ собственно не одна, а двѣ литературы, не одинъ, а два литературныхъ языка. На ряду съ верхними лужичанами, представляющими собой болѣе численную вѣтвь народа и успѣвшими удачно поднять свое нарѣчіе на степень языка литературнаго и образованнаго, и нижніе лужичане, несмотря на свое численное ничтожество, издавна стали стремиться къ созданію своего особаго литературнаго языка и поддерживають это стремленіе и въ настоящее время. Однако, нижнелужицкая литература по своему объему и значенію не можетъ быть сравниваема съ верхнелужицкой. Она ничтожна, исчерпывается немногочисленными календарями и изрѣдка появляющимися крошечными періодическими изданіями. Нижніе лужичане не имѣютъ ни своего учено-литературнаго общества, ни особенно выдающихся писателей. Между тѣмъ верхнелужицкую литературу, въ виду небольшой численности народа, нельзя не признать весьма значительной: она представлена и художественными поэтическими произведеніями, и поучительными книжками для народа, и періодическими изданіями (ок. 9), и учеными сочиненіями, и школьными книгами. Почти всѣ наиболѣе замѣчательные лужицкіе писатели принадлежатъ верхнелужицкой литературѣ. Существующее съ 1847 г. въ Будышинѣ учено-литературное и издательское общество верхнихъ лужичанъ, т. н. сербская матица является важнѣйшимъ органомъ умственной жизни всѣхъ лужичанъ, такъ какъ посильно заботится о поддержаніи просвѣщенія и чувства народности также и у нижнихъ лужичанъ. Возможность болѣе успѣшнаго развитія верхнелужицкой литературы обусловливается сравнительно лучшимъ политическимъ положеніемъ верхнихъ лужичанъ, по крайней мѣрѣ части ихъ, живущей въ Саксоніи, въ противоположность нижнимъ лужичанамъ, подвергающимся наиболѣе сильному угнетенію со стороны нѣмцевъ. Общая малочисленность лужицкаго народа и крайняя опасность, угрожающая самому его существованію, дѣлаютъ необходимымъ для него въ цѣляхъ сохраненія силъ единеніе обѣихъ его разновидностей въ одномъ литературномъ языкѣ. Это обстоятельство прекрасно понимаютъ нѣкоторые нижнелужицкіе патріоты и уже коечто дѣлаютъ для ослабленія литературнаго разъединенія.

Политическое положеніе серболужицкаго народа въ общемъ тяжелое: онъ входитъ въ составъ Германской имперіи, гдѣ сыны его разсматриваются, какъ граждане нѣмецкаго государства, обязанные жить и трудиться только во имя нѣмецкой идеи, ради умноженія славы и могущества нѣмецкаго народа. Въ частности въ этомъ отношеніи существенное различіе между Саксоніей и

Пруссіей. Въ Саксоніи положеніе сербовъ-лужичанъ лучше, въ Пруссіи значительно хуже. Такъ какъ часть верхнихъ лужичанъ живетъ въ Саксоніи, а нижніе лужичане всѣ сосредоточены въ Пруссіи, то первые находятся въ лучшихъ условіяхъ для поддержанія своей народности, чѣмъ вторые. Въ Саксоніи лужицкіе сербы терпимы, какъ народность. Здѣсь еще съ 1848 г. сербо-лужицкій языкъ допущенъ въ народныя школы, на немъ отправляется богослуженіе и произносятся проповѣди въ церкви, онъ признается въ судѣ и не преслѣдуется въ литературѣ и общественной жизни. Саксонскіе государи и другіе члены королевскаго дома, памятуя о лояльности сербовъ-лужичанъ въ годы революціи, нерѣдко относятся сочувственно и доброжелательно къ этому маленькому трулюбивому и мирному славянскому народцу и не принимаютъ насильственныхъ мѣръ для его истребленія. Въ Пруссіи господствуютъ другіе болѣе суровые для славянъ порядки. За сербо-лужицкою народностью здѣсь не признается никакихъ правъ. Сербо-лужицкій языкъ, если не формально, то фактически изгоняется изъ церкви и школы и онѣмеченіе народа ведется систематически съ ужасающей быстротой, о чемъ свидѣтельствуютъ приведенныя выше статистическія справки. Верхніе лужичане благодаря болѣе тѣснымъ литературнымъ связямъ съ своими соплеменниками, живущими въ Саксоніи, еще кое-какъ держатся и до нѣкоторой степени отстаиваютъ свою народность противъ притязаній германизма. Положеніе же нижнихъ лужичанъ по истинѣ ужасно. Постепенное вымираніе этой разновидности сербо-лужицкаго народа не подлежитъ сомнѣнію.

У верхнихъ лужичанъ главный центръ политической и духовной жизни—онѣмеченный городъ *Будышинъ* (Bautzen), у нижнихъ -еще болѣе онѣмеченный *Хотебузъ* (Cottbus).

---

5. Литература.

Указанныя выше, въ I г. § 7 (стр. 16—18) этнографическія карты: а, Славянства—Шафарика, Мирковича, Риттиха, Зарянка, Вергуна, Шимачка и б, Германіи: Наберта, Лангханса, Бёка и Фирексе.

Lusatia Superior въ Атласѣ· *Hondii* († 1640).

Zeller, Topographia Saxoniae. Lusatiae 1650.

J. E Smoler, Pěsnički hornich a delnich Lužiskich Serbow. D. II. Grimma 1843. (Съ картой).

Карты саксонскихъ сербовъ-лужичанъ 1) въ Mittheilungen d.

königl. sächsisch. Vereins für Alterthumskunde. Drezden. 1846 и 2) въ Zeitschrift d. k. sächsisch. statist. Bureaus. 1902.

W. Boguslawski, Rys dzejów serbo-lużyckich. Petersburg 1861. (Съ картой).

R. Andree, 1) Das Sprachgebiet der Laus. Wenden 1873; 2) Wendische Wanderstudien. Stuttgart, 1874.

E. Muka, 1) Statistika łužickich Serbow. Wobličenje a wopisanje. Dospołny wudewk z ethnografiskej khartu Budyšin 1884—86. То же сочиненіе, меньшее изданіе 1884—1886; 2) Ethnografiska kharta serbskih (H. a D.) Łužic ze serbsko-němskim a němsko-serbskim alfabetiskim zapiskom. Budyšin. 1886; 3) Ethnografiska kharta serbskich (H. a D.) Lužic (wosebíce). Kamjenica. 1886; 4) Die Grenzen des serbischen Sprachgebiets in alter Zeit. (Archiv f. Slav. Phil. XXVI); 5) Dodawki k statisticy a etnografiji łuziskich Serbow (Časop. Mac. Serb. 1900).

E. Müller, Das Wendentum in der Niederlausitz. Cottbus. 1893.

A. Černy, 1) Serbové Lužicti статья въ изд. *Ottův* Slovník naučný. D. XXIII (1905). Съ картой; 2) Národopisná mapa Dolni Lužice (Slovanský Přehled IV); 3) Různé listy o Lužici. Praha. 1894; 4) O germanizací a nynejšim stavu Srbů Dolnolužických (Athenaeum IV); 5) Lužické obrazky. Praha. 1890; 6) Z mojeho zapisnika. Dopomjenki, nazhonjenja a myslički z mojich pućowanjow po Serbach. (Časopis Maćicy Serbskeje. 1888); 7) Wobydlenje łužiskich Serbow (Тамъ же 1889); 8) Sto let lužického časopisectvi (Květy 1899).

Dr. Fr. Tetzner, Die Slawen in Deutschland. Braunsehweig. 1902. (Съ картой).

Chr. Petztet, Die preussischen Ostmarken. Mit einer Sprachenkarte. München. 1898. (Der Kampf um das Deuthchtum. H. 5).

E. Jakub, Serbske Horne Lužicy. Budyšin, 1847.

A. Parczewski, Serbja w Pruskej po ličenju luda w l. 1890. (Časopis Maćicy Serbskeje 1899).

G. Šwjela. O serbské národnosti v Dolní Lužici (Slovanský Přehled. IV).

Т. Флоринскій, 1, Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. II. 583—685. Сербо-лужицкій языкъ; 2, Я. Э. Смолеръ (Извѣстія С.-Петерб. Слав. Благ. Общ. 1884); 3, Большой праздникъ у самаго малаго славянскаго народа. Кіевъ, 1898.

K. E. Mucke (серб.-луж. Мука), Historische und Vergleichende Laut-und-Formenlehre der Niedersorbischen (Nieder-lausitch-wendischen) Sprache. Leipzig. 1891.

И. Срезневскій, 1, Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы, 1844. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1844. Май); 2, Путевыя письма къ матери, Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (Живая Старина. 1894. В. 4).

А. Ѳ. Гильфердингъ, Народное возрожденіе сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи (Русская Бесѣда, 1856, I. Собраніе сочиненій. Т. II).

Wilh. Bogusławskiego a *Michała Hórnika*, Historija serbského naroda. Budyšin. 1884.

М. Горникъ, Минувшее десятилѣтіе у сербовъ-лужичанъ. Спб. 1877. (Славянскій Сборникъ. Т. II).

В. Францевъ, Матица Сербская въ Будышинѣ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1897. Іюнь).

Časopis Mačicy Serbskeje. Budyšin (съ 1848 г.).

Serbske Nowiny. Budyšin (съ 1853 г.).

Lužica. Budyšin (съ 1882 г.).

Bramborski serski casnik (съ 1847 г, на нижне-лужиц. нар.).

Mittheilungen Niederlausitzer Zeitschrift der niederlausitzen Geselschaft für Anthropologie und Alterthumskunde. Guben.

IX.

Поляки.

1. Польская область и ея границы.

Поляки занимаютъ страну, лежащую главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Вислы и многочисленныхъ ея притоковъ, частью въ бассейнѣ р. Одры и кое-гдѣ по сѣвернымъ склонамъ Карпатъ. Это области, въ настоящее время входящія въ составъ трехъ государствъ: Россіи, Пруссіи и Австро-Венгріи. Въ Россіи поляки занимаютъ Царство Польское или Привислинскій край (съ главн. гор. Варшавой, за исключеніемъ сѣверной части сувалкской губ. и восточной части сѣдлецкой и люблинской губ.) и смежные съ нимъ уѣзды гродненской губерніи; въ Пруссіи—Познанское герцогство (съ гор. Познанью и Гнѣзномъ), часть Восточной Пруссіи (съ гор. Грудцомъ и Недборгомъ), южную часть Западной Пруссіи (Вармію) и восточную часть Силезіи до р. Ниссы (съ гор. Опольемъ—Oppeln); въ Австріи—восточную часть Силезіи или т. н. Тѣшинское княжество и западную часть Галиціи (съ гор. Краковомъ).

Основная черта исторической судьбы польскаго народа заключается въ томъ, что онъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ на западѣ и отчасти на сѣверѣ утрачивалъ свою территорію, уступая передъ постояннымъ и сильнымъ напоромъ нѣмецкаго племени, а на востокѣ, напротивъ, стремился распространить свою колонизацію въ предѣлахъ литовскихъ и русскихъ (бѣлорусскихъ и малорусскихъ) областей. Въ настоящее время это распространеніе поляковъ на востокѣ уже пріостановилось, а движеніе нѣмцевъ въ польскія земли съ запада и сѣвера ведется съ еще большею настойчивостью

и планомѣрностью. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ западная, сѣверная и восточная границы польской области отличаются неустойчивостью и неопредѣленностью. Точное выясненіе ихъ и обозначеніе представляетъ большія трудности. Оффиціальныя статистическія данныя о племенномъ составѣ населенія въ пограничныхъ областяхъ польской территоріи имѣются не для всѣхъ мѣстностей и не всегда достовѣрны. Этою сложностью и трудностью вопроса объясняется, что до сихъ поръ не составлено и не издано ни одной удовлетворительной, достаточно подробной этнографической карты польской области.

Основываясь на наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ наиболѣе авторитетныхъ этнографовъ (Риттиха, Малиновскаго, Неринга, Глогера, Головацкаго и особенно Парчевскаго) границу польской области, т. е. области, въ которой поляки составляютъ большинство населенія, можно только приблизительно обозначить слѣдующимъ образомъ.

На западѣ граница начинается у Карпатъ, въ сѣверныхъ предѣлахъ тренчинской столицы и идетъ на сѣверъ въ сосѣдствѣ чешской народности, черезъ Ст. Гомри, Моравку, Добротицу, Тошоновицы, Шебишовицы, Жерманицы, Блудовицы, Суху, Доброву къ Дѣтмаровицамъ. У Богумина пограничная линія вступаетъ въ Прусскую Силезію и идетъ около Творкова, Баборова, Глубщицъ, Немодлина, Шарогоща черезъ Одру на В. отъ Брега къ Намыслову, Сыцову и Мендзыбожи, между Миличемъ и Островомъ, переходитъ Барычъ и вступаетъ въ Познань. Здѣсь, также какъ въ Пруссіи, граница польской области остается особенно неясной; она представляетъ несомнѣнно очень извилистую линію, направленіе которой лишь въ общихъ чертахъ опредѣляютъ слѣдующіе пункты: Равичь, Бояново, Зборово, Вшова, Бабимостъ (Bomst), Медзирѣчье на Олшѣ и Биршбаумъ на Вартѣ. Перейдя Варту, пограничная линія направляется къ р. Нотцу близъ Дрейзена, далѣе Нотцемъ къ Устью, близъ Пилы (Schneidemühl) вступаетъ въ Западную Пруссію и чрезъ Златово, Закжево, Тухолу идетъ на Хойницу (Konitz). Отъ Хойницы граница идетъ на сѣверъ въ сосѣдствѣ съ кашубами, черезъ Косцеринъ (Behrendt) къ Оливѣ (на с. зап. отъ Гданска), гдѣ достигаетъ моря. Сѣверная граница польской области идетъ отъ морского берега у Оливы, на ю.-в. до Тщеева (Dirschau), по западному рукаву Вислы, мимо Гнѣва, Свеци, Быдгоща, еще дальше на ю. в. черезъ Острово, Домбровку, Лишково и Плонковъ къ Вислѣ, переходитъ на лѣвый берегъ Вислы, затѣмъ на ю. на Козій Боръ, русломъ Вислы къ Торуню (Торнъ), по правому берегу Вислы къ Хельмну (Кульмъ), восточнѣе онѣмеченнаго Грудзіонжа (Graudenz), затѣмъ

извилистой линіей черезъ Илаву (Eylow) по восточной Пруссіи на Остру̀дъ (Osterode), Ольштынъ, Лецъ (Lötzen), Голдапъ къ нѣмецко-русской границѣ. Вступивъ въ предѣлы Россіи, граница польской народности идетъ въ сувалкской губерніи, въ сосѣдствѣ съ литовцами, черезъ Сейны къ Нѣману, при впаденіи въ него Черной Гончи. Отсюда начинается восточная граница, идущая въ сосѣдствѣ съ бѣлоруссами и малоруссами. Отъ Черной Гончи она направляется черезъ Августово, Райгродъ, Гоніондзе, Бѣлостокъ, Высоко-Литовскъ, Дрогичинъ, Венгрувъ, Лосицы, Медзирѣчь, Радзинъ Островъ, Лэнчну, Красныставъ, Щебрешинъ, Раковъ, Бѣлгорай; у Тарноградa пограничная линія переходитъ въ Австрію, въ Галичину къ р. Сану, вдоль этой рѣки, преимущественно по лѣвому (западному) берегу, черезъ Улановъ, Лежайскъ, Гродзиско, Радимно, Дубецко, Заршинъ къ Саноку. Далѣе начинается южная граница; она идетъ отъ Санока черезъ Рымановъ, Дуклю, Ропу къ Пивничнѣ на венгерской политической границѣ, и наконецъ, вдоль венгерской границы, лишь изрѣдка переходя ее (въ оравской и нитранской столицахъ) къ Суловой горѣ въ Силезіи.

За указанными предѣлами, представляющими этнографическую Польшу, т. е. область, въ которой польскій народъ живетъ или сплошной массой или составляетъ большинство жителей, весьма численныя польскія поселенія разсѣяны по всему русскому Сѣверо-западному и Юго-западному краю, въ губерніяхъ: виленской (8,17%), витебской (3,38%), ковенской (9,04%), минской (3,01%), могилевской (1,04%), кіевской (1,93%), волынской (6,16%), и подольской (2,29%), а также въ восточной или русской половинѣ Галиціи. Польская народность здѣсь представлена не только во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, но отчасти и въ селахъ. Это—послѣдствія продолжительнаго владычества поляковъ надъ Литвой, Бѣлоруссіей, Малоруссіей и Галицкой Русью и, связанной съ этимъ владычествомъ, усиленной польской колонизаціи на литовско-русскомъ востокѣ. Равнымъ образомъ отдѣльныя поселенія поляковъ въ видѣ островковъ встрѣчаются и на западѣ, за указанными границами польской области, въ Пруссіи, Помераніи и Силезіи, но число ихъ постоянно сокращается, обыкновенно они уже и не наносятся на подробныя этнографическія карты Германіи. Это—скудные остатки польскаго населенія, нѣкогда занимавшаго всю страну на западъ до средней Одры, ея притока Квисы и Судетовъ. Наконецъ нѣсколько польскихъ селъ находится въ сѣверной Венгріи, среди словаковъ, въ тренчинской и оравской столицахъ.

Нѣмецкій народъ, уже захватившій значительную часть исконной польской земли, сжимающій поляковъ съ двухъ сторонъ, съ запада и сѣвера, въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи на востокъ проникъ и въ глубь польской области. Не только польскія части Западной и Восточной Пруссіи, Познани и Силезіи, но и весь Привислинскій край въ настоящее время усѣяны массой большихъ и мелкихъ нѣмецкихъ островковъ, число которыхъ постоянно увеличивается; наиболѣе значительные изъ нихъ: Торнъ—въ Западной Пруссіи, Быдгощъ въ Познани, Ортельсбургъ въ Восточной Пруссіи, Ополье (Oppeln) въ Силезіи, Лодзь, Петраковъ, Плешовъ въ Царствѣ Польскомъ. Точныхъ данныхъ, опредѣляющихъ численное отношеніе нѣмецкихъ колонистовъ къ коренному польскому населенію для всей польской области не имѣется. Но по отношенію къ Царству Польскому извѣстно, что нѣмцы здѣсь въ разныхъ мѣстахъ составляютъ отъ 18% до 24%. Сравнительно мало ихъ въ южной части Привислинскаго края и въ западной Галиціи. Для польскихъ земель Германіи процентъ нѣмецкихъ колонистовъ во всякомъ случаѣ не меньше того, какой установленъ для Привислинскаго края.

На всемъ протяженіи своей западной и сѣверной границы поляки сосѣдятъ съ нѣмцами. Только въ узкой полосѣ Западной Пруссіи, близъ Гданска (Данцига) къ нимъ примыкаетъ область близко родственнаго народца кашубовъ; да въ сувалкской губерніи на небольшомъ протяженіи съ ними граничатъ литовцы. На востокѣ и юго-востокѣ съ поляками сосѣдятъ русскіе (бѣлоруссы и малоруссы), а на юго-западѣ—чехи въ Силезіи и словаки—по южной границѣ Галиціи. Точное разграниченіе поляковъ съ сосѣдними родственными народами представляетъ значительныя трудности не только потому, что на границахъ двухъ этнографическихъ областей то одна, то другая народность иногда забирается своими поселеніями въ глубь чужой области и попадаются мѣстности со смѣшаннымъ населеніемъ, но также и потому, что въ этихъ пограничныхъ поясахъ наблюдаются смѣшанные говоры, создающіе спорные вопросы о принадлежности пользующихся ими людей къ той или другой славянской народности. Такъ, въ Силезіи наблюдаются польско-чешскіе говоры, въ тренчинской и оравской столицахъ Венгріи—польско-словацкіе говоры, въ восточной Галиціи, на Волыни и въ Сѣверо-западномъ краѣ польско-русскіе (польско-малорусскіе и польско-бѣлорусскіе) говоры. Для правильнаго рѣшенія этихъ спорныхъ вопросовъ пока сдѣлано очень мало. Вообще вопросъ объ этнографическихъ предѣлахъ и о распространеніи поль-

ской народности одинъ изъ самыхъ мудреныхъ въ славянской этнографіи и требуетъ особенно внимательнаго изслѣдованія.

За исключеніемъ тѣхъ переименованныхъ областей Россіи, Пруссіи и Австро-Венгріи, которыя въ совокупности можно разсматривать, какъ этнографическую польскую область, и тѣхъ земель, которыя нѣкогда были всецѣло заселены поляками или отчасти ими колонизованы, значительное число поляковъ встрѣчается также во многихъ другихъ частяхъ Россіи, Австріи и Германіи, а также во Франціи и Англіи. Самыя же обширныя польскія колоніи находятся въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Бразиліи.

2. Названія народа.

Польскій народъ, какъ и всѣ другіе славянскіе народы, сложился изъ нѣсколькихъ мелкихъ племенъ, имѣвшихъ свои частныя названія. Такъ, уже въ глубокой древности, въ самомъ началѣ славянской исторіи, выступаютъ какъ особыя племена: *висляне*—на верхней Вислѣ, *мазоваке*—на средней Вислѣ, *слезане*—на верхней Одрѣ и *поляне*—по р. Вартѣ. На долю полянъ выпало положить начало соединенію разрозненныхъ славянскихъ племенъ и колѣнъ, жившихъ по Вислѣ и Одрѣ, въ одинъ народъ и въ одно государство. Они передали этому народу и свое имя. Впрочемъ, очень рано для всѣхъ частей польскаго народа вошло въ употребленіе у другихъ славянъ, особенно у русскихъ, и другое названіе—*ляхи*. Оно также уцѣлѣло и понынѣ. Кромѣ общаго имени народа, распространеннаго на всей занимаемой имъ области употребительны также и мѣстныя частныя названія. Одни изъ нихъ древнія, другія—болѣе поздняго происхожденія. Тѣми и другими обозначаются опредѣленныя этнографическія разновидности народа. Обыкновенно различаютъ пять главныхъ разновидностей: великополянъ, малополянъ, прусскихъ мазуровъ, мазуровъ Царства Польскаго и слезанъ.

Великополяне занимаютъ область древняго Великопольскаго княжества (откуда и названіе этой вѣтви народа), т. е. нынѣшнія Познань и сѣверо-западную часть Царства Польскаго (калишскую и плоцкую губерніи). Между великополянами различаются по мѣсту жительства: *познаньцы*, *калишане*, *ленчицаны* (Ленчица—гор. Калишской губ.) и *куявяки* (во вроцлавскомъ и радѣевскомъ уѣздахъ плоцкой губ., въ иновраціавскомъ уѣздѣ Прусскаго королевства и въ частяхъ уѣздовъ торуньскаго, быдгощскаго, шубинскаго и могильницкаго). Сверхъ того извѣстны слѣдующія частныя названія: *порѣчане* (Porzeczanie) по лѣвому берегу р. Варты, *хазаки* или *лѣс-*

няки въ крабскомъ уѣздѣ (по границѣ Силезіи), *боровяки* (въ лѣсной части Куявіи), *ксэнжаки* (Księżacy) въ ловичскомъ, скерневицкомъ и сохачевскомъ уѣздахъ; *курпы* (Kurpie лапотники) въ остролэнцкомъ, колиньскомъ, прясницкомъ, маковскомъ, островскомъ и ломжинскомъ уѣздахъ), *козяры*—въ сѣдлецкомъ, луковскомъ, константиновскомъ и радзынскомъ уѣздахъ.

Малополяне, обитатели прежней Малой Польши, занимаютъ всю польскую, т. е. западную Галицію и всю южную половину Царства Польскаго, преимущественно губерніи: кѣлецкую, радомскую, піотрковскую и люблинскую. Малополяне, обитающіе въ самой южной окраинѣ польской земли, расположенной по склонамъ Карпатъ (Бескиды, Татра) называются *горалями*. Горали имѣютъ и свои частныя названія: *бабигурцы*, *яблонковяне*, *живчаки*, *рабчане*, *подгаляне*, *спижаки*, *клишчаки*. Кромѣ того между малополянами извѣстны слѣдующія частныя этнографическія названія: *грэмбовяки* или *лясовяки* (между Вислой и нижнимъ Саномъ), *кафтаняки* (на подгорьѣ между Лискомъ и Санокомъ), *кіяки*, *вольничане*, *огродники*, *подгуряне* (подъ Краковомъ), *мазуры* (между Рабой и Саномъ).

Подъ именемъ *мазуровъ* извѣстны двѣ разновидности польскаго народа. Нужно отличать *прусскихъ мазуровъ* отъ *мазуровъ Царства Польскаго*. Первые занимаютъ сѣверно-восточныя польскія земли, т. е. южную часть Восточной Пруссіи (уѣзды: острудзкій, ниборскій, щитенскій, зондзборскій, янзборскій, лэцкій, лецкій, олецковскій, гольдапскій, венгоборскій и части ростенборскаго и моронскаго), вторые—т. н. Мазовецье и Подлясье, т. е. сѣверо-восточную часть Царства Польскаго (губерніи плоцкую, варшавскую, сѣдлецкую и сувалкскую), и западную часть гродненской губерніи, Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ мазуры, населяющіе означенныя земли, первоначально составляли одну этнографическую разновидность польскаго народа. Историческими разысканіями выяснено, что прусскіе мазуры — собственно ранніе переселенцы изъ настоящаго Мазовшья; но въ настоящее время прусскіе мазуры отличаются болѣе или менѣе значительно отъ мазуровъ (или мазовшанъ) Царства Польскаго какъ въ этнографическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. *Прусскіе мазуры* принадлежатъ къ евангелической церкви, давно живутъ подъ сильнымъ политическимъ и духовнымъ вліяніемъ Германіи, не принимаютъ почти никакого участія въ культурной жизни другихъ частей польскаго народа и, такимъ образомъ, выработали свои особенности въ физическомъ типѣ, народномъ характерѣ, бытѣ, обычаяхъ и языкѣ.

Мазуры Царства Польскаго, какъ и весь вообще польскій народъ, исповѣдуютъ католицизмъ, въ большей степени сохранили свою славянскую старину или измѣнили ее подъ вліяніемъ иныхъ культурныхъ и политическихъ теченій, были и остаются видными участниками и дѣятелями въ созданіи современной польской образованности и въ своихъ говорахъ стоятъ значительно ближе къ литературному языку. Въ виду такого различія между тѣми и другими мазурами, нѣкоторые нѣмецкіе этнографы даже склонны разсматривать прусскихъ мазуровъ какъ самостоятельную, стоящую отдѣльно отъ поляковъ, разновидность славянства (напр. Тетцнеръ). Наконецъ, надо отмѣтить, что имя мазуровъ примѣняется также къ полякамъ, обитающимъ въ западной Галиціи.

Слезане, какъ показываетъ названіе, живутъ въ Силезіи, Прусской и Австрійской. Именно, въ Прусской Силезіи они занимаютъ уѣзды: ключборскій, олескій, люблинецкій, велико-стрѣлецкій, козельскій, тошко-гливицкій, бытомскій, пщинскій, рыбницкій, ратиборскій и части уѣздовъ: сыцовскаго, намысловскаго, брежскаго, опольскаго, пружицкаго, немодлинскаго и глубчицкаго), въ Австрійской Силезіи—Тѣшинское княжество.

3. Численность поляковъ.

Послѣднія оффиціальныя данныя, имѣющіяся на лицо для опредѣленія численности польскаго народа, относятся къ 1900 г. для Австро-Венгріи и Германіи и къ 1897 г. для Россіи. Данныя эти и для своего времени признавались со стороны нѣкоторыхъ славянскихъ этнографовъ не вполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности, особенно по отношенію къ прусскимъ полякамъ. Въ настоящее время онѣ тѣмъ болѣе нуждаются въ поправкахъ. Польскій изслѣдователь Вл. Черкавскій насчитывалъ въ 1902 г. поляковъ 21,111,347 [1]). Но его подсчетъ былъ признанъ неправильнымъ уже потому, что онъ включилъ въ число поляковъ литовцевъ и значительно уменьшилъ цифру настоящихъ поляковъ въ Австріи сравнительно даже съ показаніями оффиціальной статистики. Проф. Л. Нидерле послѣ критической провѣрки бывшаго въ его распоряженіи матеріала установилъ для 1900 г. минимальную цифру поляковъ въ 18,764,353, доведя ея максимумъ предположительно до 19,125,000. Минимальная цифра у него составляется слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Badania nad iloscią Polaków (Sprawozdania Akademiji Umieiętności 1902. 9).

въ Россіи	9,500,000
въ Австріи	4,259,152
въ Германіи	3,450,201
въ остальной Европѣ	55,000
въ Америкѣ	1,500,000
Всего	18,764,353

Въ этомъ подсчетѣ, однако, оказываются нѣкоторыя существенныя неточности. Цифра поляковъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи для 1900 г. нѣсколько увеличена. Проф. Л. Нидерле устанавливалъ ее на основаніи соч. Ковалевскаго, La Russie à la fin du XIX siècle (Paris. 1900), когда еще не были выяснены точно результаты переписи 1897 г. Теперь съ обнародованіемъ этихъ результатовъ извѣстно, что въ 1897 г. въ Россіи числилось поляковъ 7,931,307 ч. Если приростъ населенія за 4 года допустить въ томъ размѣрѣ, какой принимаетъ проф. Л. Нидерле, т. е. въ количествѣ 500,000, то въ 1900 г. указанная цифра должна была возрасти до 8,431,307. Затѣмъ, изъ общаго числа поляковъ, живущихъ въ Германіи надо исключить ок. 200,000 кашубовъ, составляющихъ особую разновидность славянства. Такимъ образомъ, если близко держаться оффиціальныхъ данныхъ, въ 1900 г. поляковъ было:

въ Россіи	8,431,307
въ Германіи	3,250,200
въ Австріи	4,259,152
въ остальной Европѣ	55,000
въ Америкѣ	1,500,000
Всего	17,495,659

Если принять общераспространенное мнѣніе, что прусская оффиціальная статистика нѣсколько погрѣшаетъ относительно поляковъ, особенно мазуровъ, и допустить, что въ оффиціальныхъ данныхъ за 1900 г. число поляковъ, живущихъ въ Германіи, по разнымъ причинамъ уменьшено на 90 или 95 тысячъ, то общая, наиболѣе вѣроятная цифра польскаго народа въ концѣ 1900 г. должна была достигать 17,600,000. За послѣднія шесть лѣтъ эта цифра должна была увеличиться вслѣдствіе естественнаго прироста населенія. Принимая для всѣхъ частей польской области средній коэфиціентъ ежегоднаго прироста населенія 1,5°/₀, т. е. по 15 человѣкъ на 1000, получаемъ слѣдующія приблизительно вѣрныя цифры польскаго народа къ концу 1906 г.:

въ Россіи	9,190,124
въ Австро-Венгріи	4,642,471
въ Германіи.	3,657,168
въ остальной Европѣ	59,950
въ Америкѣ.	1,635,000
Всего	19,184,713

По новѣйшимъ сообщеніямъ польскихъ газетъ, въ Америкѣ насчитывается поляковъ уже ок. 3,000,000. Если эти сообщенія правильны, то общее число поляковъ, быть можетъ, достигаетъ уже $20^1/_2$ милліоновъ.

Въ религіозномъ отношеніи поляки представляютъ почти однородное цѣлое. Главной своей массой они принадлежатъ къ римско-католической церкви. Только ок. 500,000 ч. исповѣдуютъ протестантство. Преимущественно это прусскіе мазуры.

4. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи польскаго народа.

Историческая жизнь польскаго народа сложилась очень своеобразно и исполнена глубокаго трагизма. По численности занимая второе мѣсто въ славянствѣ, поляки нѣкогда имѣли свое могущественное государство, просуществовавшее около девяти столѣтій и раскинувшееся широко на востокъ, далеко за этнографическіе предѣлы племени, а въ настояще время уже болѣе ста лѣтъ, они лишены политической самостоятельности и распредѣлены между тремя сильными государствами. Не будучи въ силахъ противостоять нѣмецкому движенію съ запада и сѣвера и утративъ съ этихъ сторонъ значительную часть своей исконной земли, поляки направили свою колонизацію на востокъ въ предѣлы литовско-русскихъ областей; но здѣсь съ теченіемъ времени встрѣтили естественный отпоръ со стороны русскаго народа, который затѣмъ и совсѣмъ остановилъ распространеніе на своей землѣ польской народности и вносимой ею образованности. Между тѣмъ усиленіе нѣмецкой народности и нѣмецкой образованности въ польскихъ земляхъ не только не прекратилось, но и понынѣ продолжается, при томъ съ еще большей энергіей и болѣе планомѣрно. Несмотря на такой ходъ исторіи и вызванныя имъ тяжелыя условія политическаго и національнаго существованія, поляки вполнѣ сохраняютъ свою племенную цѣлостность и индивидуальность. Во всѣхъ частяхъ занимаемой ими территоріи они сознаютъ себя единымъ народомъ, несмотря

на различія въ политическомъ бытѣ и этнографическихъ особенностяхъ отдѣльныхъ разновидностей племени. Быть можетъ, только у прусскихъ мазуровъ вслѣдствіе ихъ сильнаго онѣмеченія слабѣе развито общепольское народное самосознаніе. Своеобразныя черты народности, проявляющіяся въ народномъ бытѣ, обрядахъ, вѣрованіяхъ, пѣсняхъ, танцахъ, одеждѣ сохраняются еще въ достаточной, хотя и не одинаковой степени на всемъ протяженіи польской земли. Въ этомъ отношеніи поляки, живущіе въ предѣлахъ Россіи и Австріи, оказываются въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ соплеменники, очутившіеся на территоріи Германской имперіи. Польская народность не только лучше сохраняется, но постоянно крѣпнетъ и развивается именно въ предѣлахъ Россіи и Австріи, въ Германіи же она постепенно хирѣетъ и слабѣетъ. Здѣсь онѣмеченіе польскаго народа все глубже захватываетъ всѣ стороны національной жизни, не исключая языка. Въ наибольшей чистотѣ и оригинальности представлена польская народность мазурами въ Мазовшьѣ и Подляшьѣ и малополянами въ южной части Царства Польскаго и въ Галиціи, особенно горалями.

Польскій языкъ, главнѣйшая этнографическая черта народности, представляетъ значительное количество народныхъ нарѣчій и говоровъ, которые, впрочемъ, далеко не вполнѣ изучены и не имѣютъ еще научной классификаціи. Кажется, правильнѣе всего подвести ихъ подъ пять основныхъ нарѣчій, соотвѣтствующихъ отмѣченному выше раздѣленію польскаго народа на пять разновидностей: малопольское, великопольское, прусско-мазурское, мазурское и силезское. Малопольское нарѣчіе лежитъ въ основаніи современнаго литературнаго языка, который объединяетъ въ культурномъ и племенномъ отношеніи всѣ части польскаго народа и который служитъ органомъ одной изъ замѣчательныхъ славянскихъ литературъ.

Въ политическомъ отношеніи поляки не представляютъ единства. Утративъ болѣе ста лѣтъ назадъ свое государство, они входятъ нынѣ въ составъ трехъ государствъ—Россіи, Австріи и Германіи, не считая значительнаго количества польскихъ колонистовъ, распредѣляющихся въ государствахъ сѣверной и южной Америки. Во всѣхъ этихъ государствахъ положеніе польской народности не одинаково; различіе его обусловливается какъ особенностями политическаго строя, такъ и характеромъ національныхъ отношеній въ каждомъ изъ названныхъ государствъ. Наиболѣе значительными политическими правами и болѣе широкой національной свободой пользуются поляки въ Австріи. Представляя въ вѣнскомъ рейхс-

ратѣ весьма крупную политическую партію и, вообще играя значительную роль въ центральномъ управленіи государства, поляки вмѣстѣ, съ тѣмъ являются господствующей, привиллегированной народностью въ Галиціи, навязывая свою власть, свой языкъ и свою образованность русскому населенію восточной части этой области. Древній Краковъ съ его историческими памятниками, съ его академіей наукъ и университетомъ служитъ главнымъ политическимъ и культурнымъ центромъ не только для австрійскихъ поляковъ, но отчасти и для всего польскаго народа. Древній русскій Львовъ (по нѣм. Lemberg), главный городъ Галиціи, съ его почти польскимъ университетомъ и разными просвѣтительными и учеными учрежденіями, политическими обществами также не мало служитъ національнымъ польскимъ задачамъ и стремленіямъ.

Въ предѣлахъ Россіи поляки нѣкогда, именно послѣ раздѣловъ Польскаго государства, также пользовались очень широкой политической автономіей, которой, однако, лишились благодаря двумъ поднятымъ ими возстаніямъ 1831 и 1863 г. Съ той поры за поляками, какъ особой народностью, не признается никакихъ политическихъ правъ, и на своей землѣ они должны подчиняться русской государственности и пользоваться русскимъ государственнымъ языкомъ. Только въ послѣднее время начинается нѣкоторый поворотъ въ пользу предоставленія извѣстныхъ свободъ и польской народности. Впрочемъ, политическое безправіе не помѣшало наиболѣе успѣшному культурному и экономическому развитію польскаго народа именно въ предѣлахъ Россіи. Варшава, главный центръ русской Польши, остается все время важнѣйшимъ средоточіемъ умственной и національной жизни всего польскаго народа. Здѣсь, главнымъ образомъ, процвѣтаютъ польская литература, наука и искусство; здѣсь главнѣйшій польскій книжный рынокъ, здѣсь преимущественно сосредоточена дѣятельность по изданію польскихъ книгъ и журналовъ.

Тяжелѣе всего положеніе поляковъ въ Германіи. Здѣсь не только правительство, но и самъ нѣмецкій народъ въ лицѣ широкихъ круговъ общества не признаютъ никакихъ политическихъ правъ за польскою народностью. Польскіе депутаты въ прусскомъ ландтагѣ при своей малочисленности не въ состояніи отстаивать національныя нужды и стремленія своего народа. Поэтому поляки въ Пруссіи разсматриваются, какъ граждане нѣмецкаго государства, обязанные тѣснѣе слиться съ господствующей нѣмецкой народностью и для того возможно скорѣе усвоить себѣ нѣмецкій языкъ и нѣмецкую образованность. Такимъ образомъ государственнымъ

языкомъ въ польскихъ земляхъ Пруссіи признается только нѣмецкій. Польскій языкъ устраненъ не только изъ административныхъ и бщественныхъ учрежденій, но также изъ всякихъ школъ— низшихъ, среднихъ и высшихъ; постепенно изгоняется онъ и изъ церкви. Напротивъ, цѣлямъ широкаго распространенія нѣмецкаго языка служитъ кромѣ чисто-нѣмецкихъ школъ большое число нѣмецкихъ просвѣтительныхъ обществъ. Независимо отъ преслѣдованія польскаго языка, нѣмецкимъ правительствомъ и обществомъ принимаются и другія крайнія мѣры для болѣе успѣшнаго онѣмеченія польскаго народа. Одной изъ нихъ, наиболѣе опасной для поляковъ, служитъ систематическое, планомѣрное распространеніе нѣмецкой колонизаціи въ польскихъ областяхъ. Такою дѣятельностью занимается особая „Колонизаціонная Коммиссія“ (Ansiedelungs-Kommission), обладающая огромными средствами, отпускаемыми изъ казны. Особенно усердно насаждаются такіе нѣмецкіе поселки въ Познани, вдоль русской границы, съ цѣлью отдѣлить прусскихъ поляковъ отъ ихъ зарубежныхъ братьевъ. Возможность угнетенія польскаго народа нѣмцами облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ трехъ прусскихъ провинціяхъ поляки составляютъ меньшинство населенія: въ Восточной Пруссіи ок. 22%, въ Западной Пруссіи ок. 36%, въ Силезіи ок. 26%. Только въ Великомъ герцогствѣ Познанскомъ большинство населенія польской народности (ок. 62%). Но зато на эту область обращено главное вниманіе германизаторовъ. Здѣсь и происходитъ наиболѣе ожесточенная борьба между польской и нѣмецкой народностями. Достаточно сказать, что въ г. Познани, служащей главнымъ средоточеніемъ политической и умственной жизни нѣмецкихъ поляковъ, съ 1903 г. существуетъ спеціальная „Академія наукъ для германизаціи края“. Въ послѣднее время и со стороны прусскихъ поляковъ дѣлаются энергичныя усилія защитить свою народность и свою землю противъ нѣмецкихъ притязаній, но несмотря на частичный успѣхъ, они пока лишь въ слабой степени достигаютъ цѣли. Борьба слишкомъ неравная.

---

5. Литература.

Указанныя выше, въ I гл. § 7 (стр. 16–18) этнографическія карты: а) Славянства: Шафарика, Мирковича, Риттиха, Зарянка, Вергуна, Шимачка; б) Австро-Венгріи: Чернига, Фикера, Киперта. Ле-Монье. Гикмана, Гатшки; в) Германіи: Наберта, Бёка, Фирексе, Киперта Лангханса, Петцета.

Указанные выше труды по статистикѣ Россіи, Австро-Венгріи и Германіи (стр. 20—21, 51).

Rom. Zawiliński, 1) O potrzebie mapy etnograficznej polskiej (III Zjazd. histor. polskich w Krakowie, Sekcya IV, str. 3. Wisła XIV. 807; 2) Przyczynek do etnografii górali polskich na Węgrzech (Zbiór wiadomośći do antrop. krajow. 1893. XVII; Materyały antrop. 1895. I).

A. Dufour, 1) Carte physique etc. de la Pologne. 1850; 2) Carte politique et routière de l'Europe centrale. 1863.

Erckert, Atlas éthnographique des provinces habitées par des Polonais. S.-Pétersbourg. 1863.

А. Θ. Гиттихъ, Этнографическая карта Европейской Россіи. Сп. 1875. (Ср. библіографію къ гл. II).

Fr. Tetzner, Slawen in Deutschland. Braunschweig. 1902.

Kozlowski (Nadmorski), Mapa etnograficzna Prus Królewskich (Pamiętnik fizjograficzny, t. III. Kraków).

St. Komornicki, Polska na zachodzie w swietle cyfr i zdarzeń. Lwów. 1894.

W. Kętrzyński, 1) O ludności polskiej w Prusach. Lwów. 1882; 2) O Mazurach. Poznań. 1872; русскій переводъ въ Слав. Сборникѣ III.

Dr. J. Szujski, Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen. 1882.

L. Malinowski, Zarysy życia ludowego na Sląsku. S kartą etnograficzną. Warszawa 1877.

Wl. Rapacki. Ludność Galicyi. Lwów. 1874.

Alb. Zweck, Mazuren. Schtuttgart. 1900.

Wrzesnowski, Tatry i Podhalanie (Ateneum. 1881).

J. Sembrzycki, Przyczynki do charakterystyki Mazurów pruskich (Wisła III. 1889).

R. Zawiliński, Brzezinacy (Ateneum, 1881).

B. Hoff, Lud Cieszyński. Obraz etnograficzny. Warszawa. 1888.

R. Szymański, Statystyka ludności polskiej w zaborze pruskim. Poznań. 1874.

Dr. Nadmorski, Ludność polska w Prusiech Zachodnich (Pamiętnik fizjograficzny. Warszawa. 1899.

Österreichisch—Ungarische Monarchie in Wort und Bild. Bd. Galizien. Wien. 1898.

Ed. Czynski, Etnograf. statyst. zarys liczebności i rozsiedlenia ludności polskiej (Wisła I. 1887).

A. Parczewski, O zbadaniu granic i liczby ludności polskiej na kresach obszaru etnograficznego polskiego. Referat przedstawiony na III zjedzie historykow polskich w Krakowie. IV. sek (Dziennik Poznański. 1900).

Wl. Czerkawski, Badania nad iłoscią Polaków. 1902. (Sprawozdania Akademii umieiętności. 1902.

Zakrzewski, Najblizsze zadania antropologii i etnografii polskiej (Wisła VI).

Braemer, Versuch einer allgemeinen Statistik der Nationalitäten im Deutschen Staate. Berlin 1871.

A. Firekse, Die Preussische Bevölkerung nach ihrer Muttersprache und Abstammung (Zeitschrift der. K. preussischen statistischen Bureau 1893. Съ этнографической картой).

Сводъ данныхъ первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г. Два тома Спб. 1905.

Народности Россіи по губерніямъ и областямъ. Схематическая карта. Составлена по заявленіямъ о родномъ языкѣ при первой всеобщей переписи 1897 г. *Н. П. Пештичемъ*, Спб. 1905. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина.

Гринцевичъ-Талько, Поляки, антропологическій очеркъ (Русскій Антропологическій журналъ 1901).

Buzek, Ludność Księstwa Cieszyńskiego podług narodowosci (Miesięcznik pedagogiczny 1901).

Juranek, Ludnośc polska i polski ruch na Sląsku Pruskim (Prawda. 1901).

Mól, W księstwie Cieszyńskiem (Kraj. XXXVIII. № 35).

Piastun, Spór czesko-polski na Sląsku Cieszyńskim. Frysztat. 1901.

Smólski, Polacy i Czesi w Księstwie Cieszyńskiem (Tygodnik illustrowany. 1901. № 36—37).

Zawiliński, Ke sporu česko-polskemu v Těšinsku (Slov. Přehled. IV).

Polívka, Ke sporu česko-polskemu v Těšinsku (Slov. Přehled. IV).

Hořica, Ke sporu česko-polskemu v Těšinsku (Slov. Přehled. IV).

J. Siemieradzki, Polacy za morzem. Lwów. 1900.

L. Wegener, Der wirthschaftliche Kampf der Deutschen mit den Polen um die Provinz Posen. Posen 1903.

J. Gregor, Mapa górnego Slązka z uwzględnieniem stosunków językowych, granic powiatowych i kolei żelaznych. Mikolów. 1904.

W. Unger, Polacy na Węgrzech (Przegląd emigracyjny. Lwów. 1893).

Maks Gumplowicz, Polacy na Węgrzech. Studyum etnograficzno-statystyczno-historyczne (Lud VI. 1900).

Dr. J. B. Marchlewski, Stosunki społeczno-ekonomiczne pod panowaniem pruskiem. Lwôw. Warszawa. 1903.

Offener Brief eines Polen an die irrgeleitete öffentliche Meinung in Deutschland. Posen. 1902.

Polska, Obrazy i opisy. Tom I. 370 rycin i 3 mapy. *Marya Konopnicka*, Krajobraz Polski—*Dr. Eugeniusz Romer*, Ziemia. Geografia fizyczna ziem polskich.—*Jan Korłowicz i Aleksander Jabłonowski*. Lud. Rys ludoznawstwa polskiego.—*Dr. Feliks Koneczny*. Geografia historyczna.—*Dr. Alojzy Winiarz*. Ustrój sbołeczny Polski.—*Dr. August Sokołowski*. Polityczna historya Polski. We Lwowie. 1906. 930. (Wydawnictwo Macierzy Polskiej № 83).

Słownik geograficzny Królewstwa polskiego i innych krajów słowiańskich. T. I—XVI Warszawa.

Z. Gloger, Geografia historyczna dawnej Polski z dodaniem mapy Rzeczy pospolitej J.Babireckiego. Kraków. 1900.

Oskar Kolberg, 1) Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tance. Ser. I—XXIII. 1857—1890; 2) Mazowsze. Obraz etnograficzny 1—5. 1885—1890; 3) Pokucie. 1—4. 1889; 4) Chelmskie. 1890; 5) Właściwości, piesni i tańce ludu ziemi Dobřynskiej (Sbiór wiadom. do antropol. krajow. t. VI. 1882).

J. Swiętek, Lud nadrabski od Gdowa aż po Bochnię. Obraz etnograficzny. Kraków. 1893.

Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію, ч. II. Польскій языкъ. 345—547; ср. особ. 379—387 и 505—547.

К. Аппель, О говорахъ польскаго языка (Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1879, т. II).

Dobrzycki, O tak zwanem mazurovanju w języku polskim (z mapą) 1901. Rozprawy Akademyi umiejętności. Wydział filołogiczny. Serya

II. T. XVII). Cp. Arch. f. Slav. Phil. XXIII. 552, Wisła XV. 88. Lud VII, 328.

Em. Kovař, Přehled dějin folkloristiky. I. 25 (Národopisný Sbornik českoslovanský. I).

Ad. Strzelecki, Materyały do bibliografii ludosnanstwa polskiego (Wisła X—XIII).

L. Finkel, Bibliografia polskiej hisioryi. Etnografia. II. Kraków. 1895.

W. Szukiewicz, Podręcznik dla zajmujących sie ludoznawstwem. Kraków. 1901 (Предисловіе).

Важнѣйшія періодическія изданія, содержащія статистико-этнографическія свѣдѣнія о польскомъ народѣ.

Rozprawy Akademii umiejętności. Wydział filologiczny. Kraków (съ 1874).

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie (1877—95).

Materyały antropologiczno—archeologiczne i etnograficzne. Kraków (съ 1896).

Sprawozdania Komisyi językowej Akademii umiejętności. Kraków (съ 1880).

Materyały i prace Komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie (съ 1902).

Prace filologiczne (съ 1885).

Pamiętnik fizyjograficzny, wydawany staraniem E. Dziewulskiego i Br. Znatowicza, Warszawa (съ 1881).

Wisła. Miesięcznik geograficzno-etnograficzny. Warszawa (съ 1887).

Lud. Organ Towarzystwa ludoznawczego wie Lwowie (съ 1895).

Roczniki Towarzystwa Przyjaciól nauk. Poznań (съ 1840).

Roczniki Towarzystwa naukowego w Toruniu. Toruń.

Światowit, rocznik, poświęcony archeologii przeddziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej. Warszawa.

Biblioteka Warszawska. Warszawa (съ 1841).

Ateneum. Warszawa (съ 1875 г.).

Przegląd Polski. Kraków.
Przewodnik naukowy i literacki. Lwów.
Kraj. Petersburg.
Prawda, tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Warszawa.
Wędrowiec. Warszawa.

X.

Кашубы.

1. Кашубская область и ея границы.

Кашубы—небольшой славянскій народецъ, обитающій на южномъ берегу Балтійскаго моря, на западъ отъ низовьевъ Вислы. Часть его, занимающая деревушки около Гарденскаго и Лэбскаго озеръ, носитъ названіе *словинцевъ* и *кабатковъ*. Вся кашубская область лежитъ въ предѣлахъ Западной Пруссіи и Помераніи; именно въ Западной Пруссіи она занимаетъ части уѣздовъ: пуцкаго, вейгеровскаго, верхнегданскаго, гданскаго городского, картузскаго, косцеринскаго (гданскій округъ, Danzig), хойницкаго и глуховскаго (квидзинскій округъ, Marienwerder); въ Помераніи: части лэмборгскаго, бытовскаго и слупскаго уѣздовъ кошалинскаго округа (Köslin) и нѣкоторыя мѣстности штетинскаго и штральзунскаго округовъ. Изъ нихъ только въ пуцкомъ (Putzig, 76,50%), картузскомъ (Karthaus, 75,24%) и вейгеровскомъ (Neustadt 66,79%), уѣздахъ кашубы живутъ сплошной массой и составляютъ большинство населенія; въ остальныхъ же большинство принадлежитъ нѣмцамъ. Этнографическая граница Кашубіи приблизительно можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ. Начинаясь на сѣверо-востокѣ ок. села Колебки (на С.З. отъ Гданска), она идетъ на Ю.Ю.З. извилистой линіей черезъ села Нынковы, Отоминъ, Прэнгово, Шклемагура, Зонбрыгъ, Хопово, Ронты, Острице, Сикожинъ къ г. Косцерину (Behrendt), далѣе на В. и С.В. черезъ села Малы Клинчъ, Грабова, Стара, Любешинъ, затѣмъ опять на Ю.Ю.З. черезъ села Ядамовы, Конажины, Одры, Рытель, Нова Церкевь къ г. Хойницѣ

(Konitz) и еще южнѣе къ деревнѣ Меликово; отсюда пограничная линія поворачиваетъ на С. и С.В. черезъ села: Чарующе, Гемты, Новый Двуръ, Бжезно, Гладово, Глисно, переходитъ въ Померанію въ Бытовскій округъ, черезъ Незабыщциво, Лапе, Хошницу, Скжечево, Малошице къ г. Лэмборгу (Lauenburg), отъ котораго направляется на З. къ Гарденскому озеру; затѣмъ сѣверная граница идетъ по Балтійскому побережью до деревни Колебки.

Болѣе точное обозначеніе этнографической границы кашубовъ представляетъ большія трудности, такъ какъ кашубскія поселенія тѣсно сливаются то съ нѣмецкими, то съ польскими, смѣшиваются съ тѣми и другими и теряются среди нихъ. Къ этому надо прибавить, что этнографическія границы кашубской земли, какъ и другихъ западно-славянскихъ областей отличаются измѣнчивостью и вообще въ подробностяхъ не обслѣдованы. Къ кашубской области предѣлы которой обозначены выше, примыкаетъ съ трехъ сторонъ, съ запада, юга и востока, узкая полоса территоріи, на которой кашубы живутъ въ меньшинствѣ, смѣшанно, то съ нѣмцами, то съ поляками. Со всѣхъ сторонъ кашубы окружены нѣмцами и только на юго-востокѣ съ ними сосѣдитъ близко-родственный народъ поляки. Множество мелкихъ нѣмецкихъ острововъ разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ кашубской территоріи. Самый большой изъ нихъ расположенъ въ сѣверо-восточномъ углу Помераніи, на сѣв. отъ г. Лэмборга и на западъ отъ Лэбскаго озера.

За предѣлами настоящей своей области кашубы встрѣчаются спорадически въ Бранденбургѣ, Саксоніи и другихъ нѣмецкихъ областяхъ, куда отправляются на заработки и отхожіе промыслы; болѣе же численныя поселенія ихъ находятся въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Кашубы—послѣдніе остатки нѣкогда весьма численнаго славянскаго народа *поморянъ*, населявшихъ всю нынѣшнюю Померанію и значительную часть Западной Пруссіи и находившихся въ близкомъ племенномъ родствѣ съ другими вѣтвями вымершаго Балтійскаго и Полабскаго славянства, какъ-то: съ бодричами, лютичами, ранами, древлянами, гаволянами и др. Историческая судьба этого народа сложилась очень печально. Не успѣвъ ни самъ по себѣ, ни въ союзѣ съ другими балтійско-славянскими народами создать своего самостоятельнаго государства, брошенные на произволъ судьбы сосѣднимъ сильнымъ братскимъ народомъ—поляками, поморяне не въ силахъ были оказать сопротивленіе дружному натиску нѣмецкаго племени, которое постепенно овладѣло ихъ землей и истребило большую часть ихъ народности. Потомки древнихъ поморянъ,

нынѣшніе кашубы и словинцы представляютъ собой лишь бѣдное, забитое и униженное населеніе рыбаковъ и крестьянъ, со слабо развитымъ національнымъ сознаніемъ, постоянно живущихъ подъ угрозой дальнѣйшаго поглощенія господствующей нѣмецкой народностью.

По языку кашубы стоятъ ближе всего къ полякамъ. Отсюда въ наукѣ возникъ спорный вопросъ о степени самостоятельности кашубскаго языка и кашубскаго народа.

Одни ученые (Фр. Миклошичъ, Карловичъ, А. Калина) принимаютъ кашубскій языкъ за нарѣчіе польскаго языка, другіе (А. Гильфердингъ, Шлейхеръ, Бодуэнъ де-Куртенэ) считаютъ кашубскій и польскій языкъ за двѣ равноправныя разновидности одной язычной группы, которой усвояется названіе ляшской; наконецъ третьи (С. Рамультъ) признаютъ кашубскій языкъ за самостоятельный славянскій языкъ на ряду съ польскимъ, серболужицкимъ, чешскимъ. Споръ этотъ до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ на ряду съ нѣкоторыми другими трудными вопросами славянской филологіи. Мнѣ представляется наиболѣе близкой къ истинѣ точка зрѣнія Рамульта. Кашубы никакъ не могутъ быть отожествляемы съ поляками; они занимаютъ свое вполнѣ самостоятельное мѣсто въ славянской семьѣ.

2. Названія народа.

Общее названіе народа—*кашубы* или по мѣстному выговору *кашебы* (kašebâ). Но рядомъ съ нимъ для двухъ небольшихъ частей народа существуютъ два другихъ названія—*кабатки* и *словинцы*. Первое примѣняется къ славянамъ, живущимъ по лѣвому берегу р. Лэбы и южнѣе Лэбскаго озера; словинцами же называются обитатели побережья Гардерскаго и Лэбскаго озеръ, точнѣе жители нѣсколькихъ деревушекъ, принадлежащихъ къ двумъ приходамъ—Гардѣ и Шмолсину. Эти двѣ крохотныя разновидности славянства, отдѣленныя отъ прочихъ кашубскихъ поселеній непроходимыми топями, хотя и сохраняютъ въ своемъ языкѣ любопытные остатки старины, особенно подвергаются постепенному вымиранію. Такъ словинцы въ настоящее время представлены едва 200 лицъ, знающихъ еще, хотя и не вполнѣ, свой родной языкъ. Тѣмъ не менѣе ученый изслѣдователь языка словинцевъ, д-ръ Лоренцъ считаетъ эту народность за такую же самостоятельную разновидность славянства какою признаются кашубы, съ чѣмъ, однако, нельзя согласиться. По вѣроятному мнѣнію Гильфердинга, всѣ кашубы первоначально носили имя словинъ и словинцевъ. Имена *кабатки* и *кашубы*, по

всей вѣроятности, прозвища, заимствованныя отъ одежды, которая могла въ прежнія времена отличать жителей праваго и лѣваго берега р. Лэбы.

Извѣстны еще слѣдующія два частныхъ названіе народа: *карватки* и *помаренки* (въ слупскомъ и лэмборскомъ уѣздахъ); *лычаки* (въ лѣсахъ у Косцерина), *лясаки* (въ лѣсахъ картузского уѣзда), *быляки* (Bèlöcé), не выговаривающіе ł, — въ восточной части пуцкаго уѣзда и сѣверо-восточной вейгеровскаго, и *рыбаки*—на Гелскомъ полуостровѣ.

3. Численность кашубовъ.

Численность кашубовъ, какъ и многихъ другихъ славянскихъ народовъ, опредѣляется только приблизительно. Оффиціальныя статистическія данныя признаются не вполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности. По послѣдней переписи, произведенной въ 1900 г. насчитано было въ Германіи кашубовъ всего 101,885. Но справедливо думаютъ, что въ этотъ счетъ не попали многіе кашубы только потому, что они владѣли, кромѣ своего родного языка, еще нѣмецкимъ или польскимъ и потому были записаны въ статистическихъ вѣдомостяхъ нѣмцами или поляками. Затѣмъ нужно имѣть въ виду представителей народности, живущихъ за предѣлами Кашубіи. Поэтому, кажется, болѣе заслуживаютъ довѣрія свѣдѣнія, собранныя частными изслѣдователями кашубской народности. Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ Рамульту. Въ 1893 г. онъ насчитывалъ въ Западной Пруссіи и Помераніи ок. 170,000, да въ другихъ мѣстахъ Германіи, въ войскѣ и во флотѣ ок. 12,000, всего въ Германіи ок. 182,000 [1]). Въ 1899 г. онъ увеличилъ эту цифру до 200,000 [2]). Согласно съ Рамультомъ и нѣмецкій этнографъ Тецнеръ [3]) полагаетъ, что кашубовъ въ Германіи болѣе 200,000. Къ этому числу надо прибавить значительное количество кашубовъ, живущихъ въ сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1892 г. Рамультъ считалъ кашубовъ въ Америкѣ ок. 60,000; въ 1899 г. эта цифра по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ увеличилась до 130,700. Такимъ образомъ къ 1900 г., по исчисленію Рамульта, общее число кашубовъ достигало 330,917, между тѣмъ какъ въ 1893 года оно равнялось 242,000 [4]). Въ частности для Германіи цифра кашубовъ, установлен-

[1]) Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego W. Krakowie. 1893. XX–XXI.

[2]) Statystyka ludności kaszubskiej. Kraków. 1899. 243.

[3]) *Tetzner*, Slowinzen und Leba-Kaschuben. Berlin. 1899. 17.

[4]) Ср. Slovanský Přehled. 1899. 31.

ная Рамультомъ, превышаетъ оффиціальныя данныя за 1900 годъ почти въ два раза. Тѣмъ не менѣе она представляется болѣе достовѣрной. За истекшія послѣднія семь лѣтъ приведенная цифра должна была измѣниться вслѣдствіе естественнаго прироста населенія. Но приростъ этотъ трудно опредѣлить; во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть значительнымъ, такъ какъ условія національнаго существованія кашубовъ очень тяжелыя: съ одной стороны они легко поддаются онѣмеченію, съ другой усиленно переселяются въ Америку. Сопоставленіе приводимыхъ Рамультомъ цифръ за 1893 и 1899 гг. не можетъ дать надежнаго критерія для рѣшенія этого вопроса. Оказывается, что за 6 лѣтъ число кашубовъ увеличилось почти на 90,000. Столь значительный естественный приростъ на 290,000 населенія не вѣроятенъ. Очевидно въ статистическихъ данныхъ 1893 г. есть какая-то ошибка. Вѣроятнѣе всего въ нихъ показано меньше дѣйствительной цифра американскихъ кашубовъ. Въ предѣлахъ Кашубіи численность славянскаго населенія за этотъ срокъ увеличилась всего на 18,000, что составляетъ около 1,5% ежегодно. Если принять этотъ коэффиціентъ за правдоподобный, то для 1906 г. вѣроятная общая цифра кашубовъ исчисляется въ 365,672. Она должна распредѣляться слѣдующимъ образомъ:

въ Германіи	219,322
въ Америкѣ	146,350
Всего . . .	365,672

Во всякомъ случаѣ эта цифра выражаетъ максимумъ численности кашубовъ.

Въ религіозномъ отношеніи кашубы всѣ католики, за исключеніемъ 23,000 евангеликовъ, живущихъ преимущественно въ Помераніи и Америкѣ.

4. Общія замѣчанія объ этнографическихъ особенностяхъ и политическомъ положеніи кашубовъ.

Кашубы, представляя собой ничтожный по численности славянскій народецъ, живущій въ чужомъ нѣмецкомъ государствѣ и окруженный съ двухъ сторонъ могущественной нѣмецкой народностью, проникающею все глубже во внутрь его крохотной области, съ большимъ трудомъ отстаиваютъ свое національное существованіе. Они почти лишены всѣхъ тѣхъ средствъ для защиты своей народной индивидуальности, какія въ большей или меньшей степени имѣются у другихъ малыхъ славянскихъ народовъ. Общесла-

вянское возрожденіе XIX ст. нашло у кашубовъ едва замѣтный отголосокъ и почти не повліяло на улучшеніе ихъ національнаго бытія. Въ этомъ отношеніи кашубовъ нельзя сравнивать съ еще меньшей по численности сербо-лужицкой народностью, для которой (главнѣйше для верхнихъ лужичанъ) это возрожденіе ознаменовалось пріобрѣтеніемъ извѣстныхъ правъ для родного языка, созданіемъ національной литературы, успѣшнымъ изученіемъ народности, основаніемъ учено-литературныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и т. п. Ничего такого не было и нѣтъ у кашубовъ. Здѣсь все движеніе ограничилось заботами немногихъ патріотовъ и инославянскихъ ученыхъ объ изученіи кашубскаго языка и немногочисленными робкими попытками изданія книжекъ на народномъ языкѣ (Цейнова, Дердовскій). Такимъ образомъ, кашубскій народъ почти всецѣло предоставленъ широкому, ничѣмъ не сдерживаемому вліянію чужой культуры и чужой народности. И успѣхи германизаціи среди него огромны. Народная славянская рѣчь кашубовъ, не находя себѣ поддержки ни въ школѣ, ни въ литературѣ, ни среди образованныхъ классовъ, легко поддающихся онѣмеченію, ни даже въ церкви, постепенно исчезаетъ, вымираетъ. Въ этомъ отношеніи особенно тяжело положеніе и безъ того малочисленныхъ словинцевъ и кабатковъ. На большую или меньшую устойчивость кашубской народности не безъ вліянія религіозное различіе. Померанскіе кашубы, исповѣдующіе протестанство, тѣмъ легче поддаются господству нѣмецкихъ идей, нѣмецкаго образованія. Западно-прусскіе кашубы-католики, входившіе до 1771 г. въ составъ польской Рѣчи Посполитой, находятся подъ вліяніемъ польскаго духовенства, которое посредствомъ польскихъ молитвенниковъ, книжекъ религіознаго содержанія и церковныхъ проповѣдей, не смотря на запрещенія прусскаго правительства, старается о распространеніи среди кашубовъ польскаго языка, справедливо усматривая въ такой пропагандѣ близко родственнаго славянскаго языка, одно изъ лучшихъ средствъ для борьбы съ германизаціей. Это обстоятельство въ свою очередь ведетъ къ видоизмѣненію народной кашубской рѣчи въ въ южной части области въ духѣ польскаго языка.

И несмотря на всѣ эти тяжелыя внѣшнія условія существованія кашубская народность все еще держится и даже, если вѣрить даннымъ, которыя сообщаетъ такой почтенный изслѣдователь, какъ Рамультъ, продолжаетъ нѣсколько возростать численно. Лучше и тверже она сохраняется въ заброшенныхъ крестьянскихъ и рыбацкихъ деревушкахъ, расположенныхъ среди топей и болотъ. Чѣмъ ближе къ городамъ и торговымъ мѣстечкамъ, тѣмъ больше и силь-

нѣе кашубская народность подвергается чужеземному влiянiю. Во многихъ мѣстностяхъ Кашубiи родная славянская рѣчь употребляется только въ интимномъ семейномъ быту и нерѣдко лишь старѣйшими членами семьи. Молодежь уже тянетъ къ нѣмецкому языку, а на югѣ и къ польскому. Старинныя этнографическiя особенности вообще сохраняются въ скромныхъ размѣрахъ. Народная одежда, которая еще была въ употребленiи въ XIX в., почти совсѣмъ оставлена; народныя пѣсни почти не извѣстны. Больше уцѣлѣло народныхъ суевѣрiй, сказокъ и бытовыхъ обрядовъ. Народная рѣчь, въ разныхъ мѣстахъ области то совсѣмъ замирающая, то видоизмѣняющаяся, все-таки представляетъ еще много старинныхъ чертъ и распадается на значительное количество говоровъ, изученiе которыхъ въ послѣднее время привлекло къ себѣ вниманiе славянскихъ филологовъ. Классификацiя кашубскихъ говоровъ еще не установлена. Но, кажется, слѣдуетъ признать существованiе трехъ главныхъ группъ говоровъ. Сѣверная группа обнимаетъ: рѣчь словинцевъ и кабатковъ въ слупскомъ уѣздѣ, говоръ по-лэбскихъ кашубовъ въ сѣверо-восточной части лэмборгскаго уѣзда, жарновскiй говоръ въ сѣверо-восточной части лэмборгскаго уѣзда и сѣверо-западной пуцкаго, нарѣчiя быляковъ на островкахъ своржевскомъ, пуцкомъ и охывскомъ и говоръ рыбаковъ на Гельскомъ полуостровѣ. Къ средней группѣ относятся говоры наибольшей части кашубской области, именно: южныхъ окраинъ пуцкаго уѣзда, почти всего вейгеровскаго и картузскаго уѣздовъ и части гданскаго. Южная группа обнимаетъ говоры бытовскаго уѣзда въ Померанiи и трехъ уѣздовъ Западной Пруссiи—косцеринскаго, глуховскаго и хойницкаго. Литературной обработкѣ, въ очень скромныхъ размѣрахъ подвергались какъ сѣверное (въ трудахъ Фл. Цейновы), такъ и южное (сочиненiя Дердовскаго) нарѣчiя. Нарѣчiе словинцевъ, имѣетъ уже научную грамматику, составленную Лоренцомъ и изданную Императорской Академiей Наукъ.

О политическомъ положенiи кашубской народности не приходится говорить много. Какъ особая племенная единица, она не имѣетъ никакихъ правъ въ государствѣ. Кашубскiй языкъ не допускается ни въ администрацiи, ни въ школѣ, ни въ церкви. Кашубы разсматриваются не только правительствомъ, но и господствующей народностью, какъ матерiалъ для усиленiя и умноженiя нѣмецкаго народа и нѣмецкой образованности.

5. Литература.

Указанныя выше въ I гл. (стр. 16—18) этнографическія карты славянства и Германіи: Шафарика, Мирковича, Риттиха, Зарянка, Вергуна, Бёка, Киперта, Наберта, Лангхаса, Фирекса.

Этнографическая карта Кашубіи при трудѣ *Рамульта*, Statystyka ludności Kaszubskiej. Krákóẃ. 1899.

Lorek, Zur Charakterisirung der Kaschuben am Lebastrom (Pommersche Provinzialblätter. 1821).

C Mrongovius, Baltishe Studien. 1828.

П. И. Прейсъ, Отчетъ объ ученой командировкѣ въ славянскія земли (Журн. Мин. Нар. Просв. 1840). Польскій переводъ въ ж. Magazyn powszechny. Warszawa. 1840; кашубскій въ книжкѣ, изданной *Фл. Цейновой* (Cenôva-Vojkasin). Kile slow wò kaszebach e jich zemi przez Wòjkasin. Tudzież o języku kaszubskim ze zdania sprawy Projsa. Kraków. 1850.

А. Ѳ. Гильфердингъ, 1) О нарѣчіи померанскихъ словинцевъ и кашубъ. Спб. 1859. (Извѣстія II Отд., Акад. Наукъ VIII. Вып. I); 2) Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Спб. 1860. (Этнографическій Сборникъ, изд. Импер. Географ. Общ. Вып. IV).

Ed. Jelinek, Zapomenutý kout slovenský.

Fernin, Wanderungen durch die sogenante Kaschubei. Danzig. 1886.

Windakiewicz, O kašubech v zatoce pucké. (Slovanský Sbornik. 1885).

Nadmorski, 1) Kaszuby i Kociewie. Język, zwyczaje, przesądy, podania, zagadki i piesni ludowe w północnej części Prus Zachodnich. 1892 (начало этого труда въ ж. Wisla VI), 2) Słowińcy i szczątki ich języka (Lud. V).

St. Ramult, 1) Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. W Krakowie. 1893; Изданіе Краковской Академіи); 2) Statystyka ludności kaszubskiej. Z mapą etnograficzną Kaszub. Kraków. 1899. (Ср. Slovanský Přehled. 1899. 31).

J. Zubatý, Kašubové (Ottův, Slovník Naučný D. XIV).

Łęgowski, (Nadmorski), 1) Die Slowinzen im Stolper Kreise, ihre Literatur und Sprache. (Baltische Studien. 1899; 2) Połabianie i Słowincy (Wisla. XVI. 1902).

Parczewski, 1) Szczątki kaszubskie w prowincyi Pomorskiej. Poznań. 1896; 2) O zbadaniu granic í liczby ludności polskiej na kresach obszaru etnograficznego polskiego (Dziennik Poznański 1900).

Tetzner, 1) Die Kaszuben am Lebasee. Braunschweig. 1896; 2) Die Slowinzen und Lebakaszuben. Land und Leute, Haus und Hof, Sitten und Gebräuche, Sprache und Literatur im östlichen Hinterpommern. Mit einer Sprachkarte und drei Tafeln. Abbildungen. Berlin. 1899; 3) Die Slawen in Deutschland. Braunschweig. 1902. 388—468.

Smólski, O kaszubach nadlebiańskich (Wisla XV. 1901).

Bronisch, Kaschubische Dialektstudien. Erstes Heft. 1896 (Archiv f. Slav. Phił. XVIII); Zweites Heft. Leipzig. 1898.

A. Kalina, Mowa kaszubska, jako narzecze języka polskiego (Prace filologiczne. II IV. 1893).

J. Karłowicz, Gwara Kaszubska (Wisla XII. 1898).

И. А. Бодуэнъ де-Куртенэ, 1) Кашубскій «языкъ», кашубскій народъ и «кашубскій вопросъ» 1897. (Журн. Мин. Просв. 1897. апрѣль, май); 2) Kurzes Resumé der «Kašubischen Frage» (Archiv f. Slav. Phil. XXVI. 1904).

Dr. Fr. Lorentz, 1) Slovinzische Grammatik. Изданіе Второго Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1905; 2) Zum Heisternester Dialekt (Arch. f. Slav. Phil. XXIII. 1901).

I. Эндзелинъ, Изслѣдованія въ области кашубскаго языка (Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1902).

Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. II. 548—582. (Кашубскій языкъ).

Дополненія.

Къ стр. 16. Этнографическая карта Европы. Масштабъ 1:12,600,000. Составлена по Риттиху и новѣйшимъ свѣдѣніямъ А. Ильинымъ.

Къ стр. 19. Fr. von Hellwald. Die Welt der Slaven Zweite Auflage. Berlin. 1890.

Къ стр: 52. А. И. Соболевскій, 1) Замѣтка о говорѣ бачванскихъ русскихъ въ ж. Этнографическое Обозрѣніе, 1898 г. № 4; 2) Замѣтки въ области русской діалектологіи. (Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1906 г. Т. LVI.

Къ стр. 54. О. А. Мончаловскій, 1) Святая Русь. Львовъ 1903 г., 2) Главныя основы русской народности. Львовъ 1904; 3) Литературное и политическое украинофильство. Львовъ. 1898.

А. С. Будиловичъ, 1) О единствѣ русскаго народа. Спб. 1907; 2) Холмская Русь и Поляки. Спб. 1907.

М. Грушевскій, Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. Спб. 1906.

А. Русовъ, Карта разселенія Украинскаго народа (Украинскій Вѣстникъ. Спб. 1906. № 4).

В. Гнатюкъ, Изъ украинскихъ провинцій Венгріи. (Украинскій Вѣстникъ, 1906 г. № 5).

Е. И. Де-Витте, Путевыя впечатлѣнія (съ историческими очерками). Лѣто 1903 г. Буковина и Галичина. Кіевъ. 1905 г.

Къ стр. 79. В. Кънчовъ, Отечественната география. 3-е изд. 1901.

Samuelson, Bulgaria. Post and present. London. 1888.

Къ стр. 131. Ab. Chytil, Národnostní mapa Moravy. Litovel. 1906.

V. Plesinger, Národnostní mapa Moravy a Slezka.

Е. Де-Витте, Путевыя впечатлѣнія. Вып. I. Чехія. Вып. II. Лужицы, Чехія и Моравія. Кременецъ. 1905.

Примѣчаніе

къ „Этнографической картѣ Славянства".

Приложенная къ настоящему труду карта, несмотря на свои большіе размѣры, вслѣдствіе малого географическаго масштаба (1:8,000;000) представляетъ лишь въ общихъ чертахъ распредѣленіе славянскихъ народовъ на занимаемой ими территоріи. Въ ней слѣдуетъ видѣть не подробную этнографическую карту восточной и средней Европы и всей сѣверной Азіи, а прежде всего общую этнографическую карту славянства. При составленіи ея главное вниманіе обращено на славянскіе народы; поселенія же другихъ племенъ и народовъ обозначены на картѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо для точнаго установленія границъ распространенія славянскаго племени и его разновидностей.

Карта вычерчена по новѣйшей проекціи, выработанной знаменитымъ, нынѣ покойнымъ, русскимъ ученымъ Д. И. Менделѣевымъ и точно объясненной имъ въ его трудѣ „Къ познанію Россіи". Благодаря примѣненію этой проекціи изображеніе обширной славянской территоріи, раскинувшейся въ двухъ частяхъ свѣта, пріобрѣло бо́льшую точность и наглядность.

При раскрашиваніи карты принято въ основаніе слѣдующее правило: сплошь закрашивается соотвѣтствующей краской территорія, на которой данная народность составляетъ болѣе 50°/₀ населенія; меньшинство населенія въ томъ случаѣ, если оно живетъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, скученно, или если вообще представляетъ значительный процентъ населенія въ той или другой области или губерніи, отмѣчается островками соотвѣтствующей краски на фонѣ преобладающей народности.

Болѣе подробное распредѣленіе и разграниченіе юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ славянъ, со всѣми относящимися къ нимъ этнографическими частностями, представлено на особыхъ картахъ, исполненыхъ въ большомъ масштабѣ (40 в. въ англ. дюймѣ). Онѣ выйдутъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ не позже конца текущаго года и будутъ имѣть значеніе дополненія къ настоящей работѣ.

Замѣченныя опечатки:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
5	22 сверху	граныцы	границы
12	8 снизу	великій	великой
18	10 „	Jun	Jan
21	8 „	Slovnik Naučny	Slovník Naučný
23	1 сверху	Sbornik	Sborník
„	8—9 снизу	Věstnik	Věstník
„	3 „	Denkschuften	Denkschriften
37	17 сверху	но въ множественномъ числѣ — *русскими*.	но во множественномъ числѣ чаще всего — *русскими*.
47	5 снизу	рейхстатѣ	рейхсратѣ
51	16 „	à la fni	à la fin
55	4 сверху	Malorosuve	Malorusove
57	3 „	Wisla	Wisła
65	21 „	Драгомановъ	Драгановъ
82	18 снизу	südungarischen	Jüdungarischen
153	7 сверху	rečouý	rečový
180	7 „	hisioryi	historyi